

Электронный журнал факультета «Иностранные языки» МГППУ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№2 (4) 2017 год

international
electronic
journal

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному <i>Журавлева М.В.</i>	3
--	---

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Духовные истоки творчества Н.В. Гоголя <i>Кабаева Е.Д.</i>	10
Эволюция итальянского романа (по материалам работ Клоринды Ди Фини), часть 2 <i>Каторова А.А., Бороненкова Я.С.</i>	14
О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым) <i>Дергачева И.В., Дергачев В.В.</i>	32

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Концепт «душа» в языковой картине мира обучающегося <i>Мулина М.П.</i>	40
Неологизмы в идиосинкратической речи лиц с расстройством мышления <i>Баймурзаева Г.Б., Аккиева А.А.</i>	45
Н. В. Касаткин как психолог-филолог <i>Аношкина В.Н.</i>	57

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала «Вестник Европы» <i>Блудилина Н.Д.</i>	62
Многозначные слова в метафорах, используемых в политических текстах <i>Уткина Л.Н., Даниелян Р.Г.</i>	75
Актуальные проблемы теории литературных сновидений и методика их изучения на современном этапе <i>Сергеев О.В.</i>	82

Журавлева М.В.
Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Zhuravleva M.V.
The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному

Журавлева М.В.,
магистрант, кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, maria.karamazova2013@yandex.ru

Данная статья посвящается практическому применению интонационных конструкций на основе эмоционально окрашенной речи художественных персонажей русского писателя Федора Михайловича Достоевского. За основу были взяты три автобиографических произведения. «Записки из мертвого дома» — это произведение было составлено из его воспоминаний о заключении в Омском остроге 1850-1854 годах. Смертный приговор за участие Достоевского в революционном движении, в последствии замененный на каторгу, пребывание в кандалах вместе с преступниками, близкое знакомство с муками и страданиями людей совершили в душе Ф.М. Достоевского переворот, который отразился на его творчестве. Глубокие размышления писателя, яркие, живые описания каторжного быта, трогательные истории о человеческих судьбах. Произведения «Белые ночи» и «Неточка Незванова», напротив, являются самыми поэтичными повестями. «Белые ночи» — sentimentalный роман, созданный из воспоминаний Федора Михайловича. Он поднимает проблему отчужденности личности, а во второй повести писатель задается вопросом: изначально ли жестока человеческая натура?

«Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой» Ф. М. Достоевский.

Без сомнения, выбранные мною произведения не лишены эмоциональности, что и является предметом научного исследования. Посредством сплошной выборки, была выявлена эмотивная диалогическая речь персонажей. При помощи системы интонационных конструкций российского лингвиста Е.А. Брызгуновой отрывки диалогической речи были проанализированы и проинтонированы.

Данная работа может служить в качестве учебного пособия на уроках русского как иностранного. Она позволит сформировать у иностранных студентов первого и второго сертификационных уровней лингвистические компетенции, овладеть всеми видами речевой деятельности, а именно: аудированию, говорению, чтению и письму, и, наконец, поближе ознакомиться с творчеством великого писателя Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: интонирование, интонационные конструкции, эмотивно окрашенная речь.

Для цитаты:

Журавлева М.В. Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Zhuravleva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040201

Журавлева М.В.

Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Zhuravleva M.V.

The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

For citation:

Zhuravleva M.V. The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/>. Zhuravleva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040201

Целью данной статьи является выявление эмоционально-окрашенной диалогической речи героев произведений Федора Михайловича Достоевского с учетом интонационных конструкций.

Объектом исследования являются эмоционально-окрашенные реплики, подверженные интонированию.

Предмет исследования- интонационные конструкции в диалогической речи произведений Ф. М. Достоевского.

Задача исследования состоит в определении интонационных конструкций, присущих эмоционально-окрашенной диалогической речи героев в произведениях Ф. М. Достоевского.

Изучение приемов интонирования является неотъемлемой частью в процессе обучения, так как интонация как фонетическая составляющая многофункциональна по своему определению. Российский лингвист Е. А. Брызгунова впервые выделила систему интонационных конструкций (ИК) с подробным описанием их значений, в свою очередь, доказало, что любая интонационная конструкция может быть связана с определенными или несколькими значениями. По системе Е. А. Брызгуновой существует семь интонационных конструкций.

ИК1 имеет значение повествования, включает в себя модальность. ИК1 усиливает утверждение, несогласие или возражение;

ИК2 имеет значение вопроса, повествования или волеизъявления;

ИК3— оформление вопроса, незаконченности, повторение вопроса, выражение высокой степени проявления признака;

ИК4 — оформление вопроса, связанного с предыдущем предложением, употребление при незавершенном высказывании, подчеркивание категоричности высказывания;

ИК5 имеет значение повествования, выражающее высокую степень проявления признака, при волеизъявлении имеет значение усиления желания, сожаления и предпочтительности;

ИК6 оформляет незавершенную синтагму, выражает высокую степень проявления признака, имеет значение уточняющего вопроса, недоумения;

ИК7 имеет значение повествования, сигнализирующего о невозможности, или отрицания [3].

Важно отметить, что фонетика характеризуется в качестве одного из аспектов лингвистической компетенции студентов. Она требует полного внимания с самого первого этапа обучения. Обучение фонетике понимается под овладением студентами теоретическими знаниями и практическими навыками, терминологической базой, необходимыми в дальнейшем при обучении всем видам речевой деятельности. Именно поэтому стоит уделить должное внимание изучению фонетики и главной ее составляющей- интонации.

Журавлева М.В.

Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Zhuravleva M.V.

The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

В данной статье мы рассматриваем практическое применение интонационных конструкций на основе эмоционально окрашенной речи художественных персонажей в произведениях великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского.

Предварительно нами было проанализировано пять художественных отрывков на предмет выявления эмотивных знаков, разработанных Исаковой З.З в докторской диссертации. [9]. К эмотивным знакам относятся: эмотивы-образы, эмотивы-символы, эмотивы-индексы. Установление эмотивных знаков в тексте явилось важным критерием указания на выражение эмоций художественных персонажей в произведении Ф.М. Достоевского.

Повесть «Записки из мертвого дома» является автобиографией писателя и носит документальный характер. В основу жизненного материала положены впечатления четырехлетнего омского каторжного заключения писателя, занимает особое место и в творчестве Достоевского, и в русской литературе середины XIX в [1]. Произведение «пропитано» эмоциональными репликами, которые могут послужить нам как примеры для обучения иностранных студентов интонационным конструкциям.

- Знаю. Он у меня в третьем годе в целовальниках сидел, а по прозвищу Гришка Темный кабак. Знаю.

- А вот и не знаешь; это другой Темный кабак.

- Как не другой! Знать, ты толсто знаешь! Да я тебе столько посредственников приведу...

- Приведешь! Ты откуда, а я чей?

- Чей! Да я вот тебя бивал, да не хвастаю, а то еще чей!

- Чума бендерская!

- Чтоб те язвила язва сибирская!

- Чтоб с тобой говорила турецкая сабля!..

И пошла ругань.

- Ну-ну-ну! Загалдели! – закричали кругом. – На воле не умели жить; рады, что здесь до чистяка добрались... [6].

Отрывки диалогической речи включают в себя ИК1 в значении повествования и усиления утверждения с помощью повторения смысловых слов «знаю».

В строчках с анафорическим повторением слова «чей» выражаются ИК3 и ИК4 со значениями оформления вопроса, связанного с предыдущим предложением.

«Загалдеть» сов. неперех. разг.-сниж. Начать галдеть, заговорив, закричав всем вместе, беспорядочно и шумно [7].

«Закричать» нач. кричать- издавать крик (от боли); говорить слишком громко; бранить кого-н., резко говорить с кем-н.; много и подробно обсуждать что-н. злободневное (разг.) [10].

В данном примере автор использует такое выразительное средство как повторение, используемое говорящим в состоянии эмоционального переживания. Выражается в повторении смысловых синонимичных слов Загалдели! – закричали!

- Ишь, холоп! Нашел барина! – проговорил он с расстановками и задышающимся от бессилия голосом. Он был уже в последних днях своей жизни.

Чекунов с негодованием обратился к нему.

- Это кто холоп? – произнес он, презрительно глядя на Устьянцева.

- Ты холоп! – отвечал тот таким самоуверенным тоном «...».

- Я холоп?

- Ты и есть. Слышите, добрые люди, не верит! Удивляется! [6].

«Ишь» частица (раз.) То же, что вишь (в 1 и 2 знач.) - выражение удивления, вишь ты [10].

«Холоп» перен. человек, готовый на все из раболепия, подхалимства, холуй (во 2 знач.) (през.) [10].

ИК2, ИК3, ИК4 в диалогических репликах героев сочетаются с повторениями смысловой единицы «холоп», что придает диалогу эмоциональности.

Образ мечтателя является одним из центральных в творчестве молодого Достоевского. И позднее, в 1870-е гг., Достоевский собирался писать большой роман под названием «Мечтатель». Тема эта всю жизнь волновала Достоевского. Образ мечтателя в «Белых ночах» автобиографичен: за ним стоит сам Достоевский. В рассказе Мечтателя о ночных грезах слышится голос самого писателя. Вот почему «Белые ночи» написаны от первого лица, в форме исповеди, и тема мечтательства представлена в этой повести в таком волшебном блеске, в таком очаровании молодости [2].

К примеру: - Боже мой! Да разве никак нельзя помочь горю? – закричал я, вскочив со скамейки в совершенном отчаянии. Скажите, Настенька, нельзя ли будет хоть мне сходить к нему?..

- Разве это возможно? – сказала она, вдруг подняв голову.

- Нет, разумеется, нет! – заметил я, спохватившись. «...»

- Нет, это невозможно, это нельзя! – отвечала она решительно, «...»

- Как нельзя? Отчего ж нельзя? – продолжал я, ухватившись за свою идею. «...»

- Нельзя, нельзя! Тогда я как будто навязываюсь... [5].

Стилистические повторы лексической единицы «нельзя» выражают ИК1 с усиленным выражении несогласия и возражения. ИК7 в качестве повествования, выражающая о невозможности действия и отрицания в строчке: - Нет, это невозможно, это нельзя! – отвечала она решительно, «...» придают диалогу эмоциональности.

«Нельзя» в знач. сказ., с неопр. – нет возможности; не разрешено, запрещается, не следует [10].

- Что это вы мне говорите! Я, наконец, вас совсем не понимаю. Но послушайте, зачем же это, то есть, не зачем, а почему же это вы так, и так вдруг... Боже! я говорю глупости! Но вы...

- Что ж делать, Настенька, что ж мне делать? я виноват, я употребил во зло... Но нет же, нет, не виноват я, Настенька; [5].

Этот отрывок диалогической речи, пунктуационно, выражает ИК6, которая оформляет незавершенную синтагму, выражает высокую степень проявления признака, имеет значение уточняющего вопроса, недоумения.

Журавлева М.В.
Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Zhuravleva M.V.
The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Незаконченный роман «Неточка Незванова» в связи с арестом писателя, впоследствии был переделан в повесть, имел весьма ограниченный успех. Хотя место, занимаемое «Неточкой Незвановой» в наследии Достоевского, следует признать весьма важным: это первый, хотя и незавершенный замысел большого романа, а также лаборатория его позднейших сильных произведений [8]. По выражению Р.Г. Назирова, рассказчица — «уменьшенная копия» автора. Достоевский строит образы «своих помощников в повествовании, не отрешаясь от собственных личностных качеств, а, наоборот, развивая и укрепляя их» [4, с.11].

- Неточка! – начал он дрожащим голосом, - голубчик мой! Послушай: дай-ка мне эти деньги, а я завтра же...

- Папочка! Папочка! – закричала я, бросаясь на колени и умоляя его, - папочка! не могу! нельзя! Маме нужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никак нельзя! Я другой раз унесу...

- Так ты не хочешь! ты не хочешь? – шептал он мне в каком-то иступлении, - так ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! теперь я тебя брошу. Оставайся с мамой, а я от вас уйду и тебя с собой не возьму. Слышишь ли ты, злая девчонка? слышишь ли ты? [5].

Эпифорический повтор лексических единиц усиливает значение ИК5 и незавершенных синтагм в ИК6, что придает речи героев эмоциональную окраску.

Итак, в ходе реализации данной статьи, мы получаем практическое применение интонационных конструкций на литературном материале Ф.М. Достоевского. Статья заключается в возможности использования таких материалов в разных сферах научной и педагогической деятельности: лингвосомиотических исследованиях, истории русской литературы, русской словесности, лингвокультурологии, основах языкознания.

Литература

1. *Акелькина Е.А.* Записки из Мертвого дома // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 74—77.
2. *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Энциклопедия. М., 2010. С. 89—92.
3. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи М.: Русский язык, 1977. - 281 с.
4. *Гиголов М.Г.* Типология рассказчиков раннего Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 11.
5. *Достоевский Ф. М.* Белые ночи: повесть / Федор Достоевский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с. – (Азбука-классика).
6. *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома : повесть / Федор Достоевский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 348 с. – (Азбука-классика).
7. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь 2000.
8. *Загидуллина М.В.* Неточка Незванова // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 129—132.
9. *Исхакова З.З.* Эмотивный дейксис и его декодирование в семиосфере. Автореферат дисс... доктора филологических наук. Уфа, 2012 – 52 с.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* М.: Толковый словарь русского языка, 2001
11. http://www.riadagestan.ru/news/politics/putin_sravnil_kulturnoe_nasledie_kryma_i_derbenta/.

Журавлева М.В.

Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Zhuravleva M.V.

The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign

Zhuravleva M.V.,

master student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Faculty of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, maria.karamazova2013@yandex.ru

This article devotes to the practical use of intonational constructions, which are based on emotional speech of main Dostoevsky's characters. Three autobiographical pieces of work were taken into account: "The notes from death house", "White nights" and "Netochka Nezvanova". The first composition of the Great Russian writer was created from his memories when Dostoevsky was imprisonment in Omsk (1850-1854). The death sentence for Dostoevsky's participation in the revolutionary movement, lately changed into imprisonment, being in shackles with other criminals, close acquaintance with the suffering of people made the writer to review his attitude to life. Deep writer's thoughts, they are colorful and vivid descriptions of life in prison, touching stories about peoples' destinies. On contrary, "White nights" and "Netochka Nezvanova" are the most poetic stories. "White nights" is a sentimental novel, written by Fyodor Dostoevsky's flashbacks. He rises the problem of alienation of the individual, and the second work the author highlights the idea of cruel human nature.

"I was named a psychologist: this is not true, I am only a realist in the highest sense, i.e I represent all the depths of the human soul" Fyodor Dostoevsky.

No doubt, the works I have chosen are not devoid the emotionality, which is the subject of our scientific research. Through the means of continuous sampling, an emotional dialogical speech of the characters was revealed. Using the system of intonational scheme of the Russian linguist E. A. Bryzgunova, the passages of dialogical speech were analyzed and intonated. This work can serve as a teaching aid at the lessons of Russian as a foreign language. It will allow to form the linguistic competence of foreign students of the first and second certification levels, to master all kinds of speech activity, namely: listening, speaking, reading and writing, and finally, to get closer to the work of the great writer F. Dostoyevsky.

Key Words: intonation, intonational constructions, emotively colored speech.

References

1. *Akel'kina E.A.* Notes from the Dead House / / Dostoevsky: Works, letters, documents: Dictionary-reference. St. Petersburg.: Pushkin House, 2008. S. 74-77.
2. *Belov S.V.* F.M. Dostoevsky. Encyclopedia. Moscow, 2010. P. 89-92.
3. *Bryzgunova E. A.* to the Sounds and intonation of Russian speech, Moscow: Russian language, 1977. - 281 S.
4. *Gigolov M.G.* Typology of the narrators of the early Dostoevsky / / Dostoevsky. Materials and research. L., 1988. T. 8. P. 11.
5. *Dostoevsky F.M.* White Nights: The Tale / Feodor Dostoevsky. – S. Petersburg.: ABC, Azbuka-Atticus, 2016. - 320 p. - (ABC-classic).

Журавлева М.В.

Обучение интонированию эмоционально окрашенной речи художественных персонажей произведений Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому как иностранному
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

Zhuravleva M.V.

The training of an intonation of the emotionally charged speech of F. M. Dostoyevsky's art characters at classes in Russian as foreign
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 3-9.
doi: 10.17759/langt.2017040201

6. *Dostoyevsky F.M.* Notes from a dead house: a story / Feodor Dostoevsky. – S. Petersburg.: ABC, ABC-Atticus, 2016. - 348 p. - (ABC-classic).
7. *Efremova T. F.* The Talking Dictionary 2000.
8. *Zagidullina M.V.* Netochka Nezvanova / / Dostoyevsky: Works, letters, documents: Dictionary-reference. St. Petersburg.: Pushkin House, 2008. pp. 129-132.
9. *Iskhakova Z.Z.* Emotional deixis and its decoding in the semiosphere. The author's abstract of ... Doctor of Philology. Ufa, 2012 - 52 p.
10. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Moscow.: Explanatory dictionary of the Russian language, 2001.

Духовные истоки творчества Н.В. Гоголя

Кабаева Е.Д.,

магистрант кафедры русской классической литературы факультета отечественной филологии, Московский государственный областной университет, Москва, Россия, e-91655817@gmail.com

В данной статье рассматривается влияние святоотеческих трудов, богослужебных книг, Священного Писания на духовную жизнь Н.В. Гоголя. Анализируется эпистолярное наследие писателя, связанное с духовной проблематикой. Приводятся примеры художественного воплощения святоотеческой духовности в его творчестве. Данная статья будет полезна специалистам, изучающим жизнь и произведения Гоголя в духовном аспекте.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, духовная жизнь, Православная церковь, духовность, святоотеческие труды, Библия, Евангелие.

Для цитаты:

Кабаева Е.Д. Духовные истоки творчества Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Kabaeva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040202

For citation:

Kabaeva E.D. Spiritual origins of creativity Gogol [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Kabaeva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040202

«Как птица без крыльев не может взлететь на высоту, так ум без святых книг не может домислиться, как спастись» [6, с. 92] – это изречение принес в наш мир Феофан Затворник. Действительно, труды святых отцов заключают в себе философско-богословское учение, благодаря им христианин идет по верному пути спасения. Догматика отцов Церкви является незыблемой константой Православия.

В период пребывания за границей в жизни Н.В. Гоголя все стремительнее крепнет аскетический настрой. Все больше он углубляется в изучение Православия. От чтения художественной литературы Гоголь переходит к религиозно-церковным трудам: «Душе моей нужней теперь то, что писано святителем нашей Церкви, чем то, что можно читать на французском языке» [5, с. 37]. Для понимания православных истин писателю пришлось приложить много усилий. Гоголь начинает читать богослужебные книги, но преимущество отдает святоотеческой литературе. Главными трудами на начальном этапе его духовного исследования становятся работы трех вселенских святителей: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. Гоголь ежедневно делает выписки из журнала «Христианское чтение», где представлены труды не только великих отцов Церкви, но и современников писателя: митрополита Московского Филарета, епископа Гедеона Полтавского, протоиерея Стефана Сабинина. Он просит своего приятеля Н.М. Языкова прислать ему труды церковных деятелей – Лазаря Барановича, Стефана Яворского. Также с просьбой делать для него выписки из духовных трудов обращается к Н.Н. Шереметьевой, родственнице Ф.И. Тютчева.

Гоголь любил читать вслух собственные выписки из святых писаний своим светским друзьям. Он искренне просил их не относиться праздно к жизни, а стараться задумываться над тем или иным словом и поступком. В письмах все чаще появляются цитаты из святоотеческих

писаний, тон повествования Н.В. Гоголя приобретает моралистический характер. Со временем его дружеский совет или ободрение стали включать в себя религиозные поучения. Гоголевское тяготение к проповеди расширяло свои границы: он начинал с нравственных наставлений матери и сёстрам, теперь он заглядывает в душу многим своим знакомым. Так, по воспоминаниям О.А. Смирновой, в период пребывания в Риме писатель читал ей великие творения святых отцов, вел глубоко религиозные беседы, укрепляя тем самым в О.А. Смирновой дух веры, за что она была ему весьма благодарна. Гоголь настоятельно рекомендовал своим друзьям учение Фомы Кемпийского, потому что в трудах этого духовного подвижника можно найти не только религиозные наставления, но и житейские советы: «Старайтесь проникнуть, как это все может быть применено в жизни, среди светского шума и всех тревог»[5, с. 62].

Изучает Гоголь и богослужебные книги. Он стремится наполнить духовными истинами свои художественные и философские произведения, нести в мир учение Православной церкви. Потому и создаст «Размышления о Божественной Литургии», «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторскую исповедь».

В начале 40-х годов Гоголь глубоко изучает «Лествицу» Иоанна Лествичника, причем идет привычным для него путем составления выписок. Как отмечает В.А. Воропаев: «Выписки Гоголь делал не только для духовного самообразования, но и для предполагаемых писательских целей» [2, с. 17]. «Лествица» является одной из главных книг православного христианина, она наполнена духовным опытом и житейской мудростью. С образом лестницы, соединяющей нашу жизнь и жизнь вечную, писатель был знаком с детства, благодаря материнским рассказам. Данный духовный образ настолько западет в религиозное сознание и душу писателя, что, согласно некоторым источникам, его последними словами будет просьба: «Поскорее давай лестницу!». [5, с. 78]. Подобные слова перед смертью произнес и святитель Тихон Задонский, который был одним из наиболее почитаемых Гоголем церковных деятелей.

Не стоит забывать про значимость Библии в духовных поисках писателя. В гоголевские времена от светского человека не часто можно было услышать строки из Священного Писания. «К стыду, у нас, может быть, едва отыщется человек, который бы прочел Библию...» [7, 5 т., с. 128], – говорит генерал-губернатор, герой второго тома «Мертвых душ».

Современник Н.В. Гоголя святитель Игнатий Брянчанинов определяет важность святоотеческих трудов для понимания Евангелия: «Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его... И потому сначала более занимайся чтением святых Отцов»[4, с. 354].

Евангелие имело особое значение в духовном самовоспитании Гоголя. Ежедневное чтение молитв и Евангелия является непрерывной обязанностью православного человека. У Гоголя данная обязанность вошла в утреннее и вечернее молитвенное правило. Всегда в путешествия он брал с собой Евангелие. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, – говорил он. – Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось»[1, с. 183]. В письме к сестре Ольге Гоголь рассуждал о Евангелии: «Обратить преступного и грешника ко Господу – вот настоящая милостыня, за которую, несомненно, можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику»[5, с. 75]. Со слов воспитанницы матери писателя Марии Ивановны, Эмилии Ковриго, первой прочитанной ею духовной книгой, по наставлению еще юного Гоголя было Евангелие. Гоголь требовал от родных внимательного и вдумчивого прочтения святых строк. Он считал, что в основе человеческих отношений должны лежать евангельские истины. Потому эпиграф к «Ревизору» «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», по мнению исследователей, имеет евангельские истоки [1, с. 187]. Гоголь в своих черновых записях пишет: «Христианин! Твое зеркало суть Господни заповеди». [1, с. 191]. Для православного человека, с

точки зрения Гоголя, состояние души человека должно быть важнее, чем внешняя сторона жизни и материальное благополучие, которые так волнуют героев города N в «Ревизоре».

Гоголь, будучи человеком тонкой душевной организации, высоко ценил псалмы пророка Давида. Гоголь-художник видел в них образец не только духовности, но и поэтики. Он отмечал тонкости поэзии и лиризм псалмов. Для А.О. Смирновой писатель лично выписывал строки из псалмов и наставлял ее: «...молитесь. Если ж вам не молится, учите буквально наизусть, как школьный ученик, те псалмы, которые я вам дал, и учитесь произносить их с силою, значением и выражением голоса, приличным всякому слову». [3, с. 23].

На Гоголя повлияли также и послания святого апостола Павла, что нашло свое отражение в творчестве писателя. В принадлежавшей ему Библии большинство пометок сделано в посланиях этого апостола. В 1840-х годах важной категорией в творчестве Гоголя становится понятие «внутренний человек», которое связано с восходящим к апостолу Павлу выражением: «...если внешний человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16). Вскоре в своей «Авторской исповеди» он так напишет о своем аскетическом образе жизни: «Я оставил на время все современное, я обратил внимание на узанье тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустычника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...» [7, 4 т., с. 448].

Таким образом, религиозный опыт Гоголя никогда не ограничивался ни эстетическим восприятием веры, ни простым исполнением церковных обрядов и предписаний. Для него как истинного христианина важной составляющей было знакомство с трудами подвижников Православной церкви. Гоголь был одним из первых светских авторов, в творчестве которого нашли отражение святоотеческие труды и Священное Писание. Жизненный и творческий путь Гоголя был наполнен религиозным аскетизмом. Но его религиозно-нравственные воззрения не были в полной мере приняты ни духовным, ни светским сообществом. Для многих Гоголь так и остался писателем-сатириком, загубившим свой талант фанатичной набожностью.

Литература

1. *Воропаев В.А.* «Нет другой двери». Евангелие в жизни Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2001. №6 С.179-197.
2. *Воропаев В.А.* Эсхатология Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 9–24. doi:10.17759/langt.2016030402 (дата обращения: 05.06.2017).
3. Записки А.О. Смирновой. (Из записных книжек 1826-1845 гг.) / А.О. Смирнова: [в 2 ч.]. СПб.: редакция журнала «Северный вестник», 1895-1897. Ч. 2. 1897. - [2], II, 97 с.
4. Игнатий (Брянчанинов), еп. Сочинения [Текст]: В 5 т. Т. 4. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. 541 с.
5. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя / Международный Фонд единства православных народов. М.: Издательский дом«К единству!», 2004. С. 7—111.
6. *Смирнов П.А.* Жизнь и учение преосвященного Феофана. М.: Издательский дом«Покров», 1915. 167 с.
7. Сочинения и письма Н.В. Гоголя: В 6 тт. Т.6. СПб.: П.А. Кулиш, 1857. 576 с.

Spiritual origins of creativity Gogol

Kabaeva E.D.,

*Master of the Department of Russian Classical Literature at the Faculty of Russian Philology,
Moscow State Regional University, e-91655817@gmail.com*

This article examines the influence of patristic writings, liturgical books, Holy Scripture on the spiritual life of N.V. Gogol. The writer's epistolary legacy, connected with spiritual problems, is analyzed. Examples are given of the artistic embodiment of patristic spirituality in his work. This article will be useful to specialists who study life and works of Gogol in the spiritual aspect.

Key Words: N.V. Gogol, spiritual life, the Orthodox Church, spirituality, patristic writings, the Bible, the Gospel.

References

1. Voropaev V.A. "There is no other door." Gospel in the life of Gogol // Problems of historical poetics. 2001. №6 P.179-197.
2. Voropaev V.A. Eschatology, N.V. Gogol [Electronic resource] // Language and text. 2016. Volume 3. № 4. P. 9-24. Doi: 10.17759 / langt.2016030402
3. Notes A.O. Smirnova. (From the notebooks of 1826-1845.) / A.O. Smirnova: [at 2 o'clock]. SPb .: Editorial Board of the journal Severny Vestnik, 1895-1897. Part 2. 1897. - [2], II, 97 p.
4. Ignatius (Bryanchaninov), b. Compositions [Text]: In 5 vols. T. 4. Holy Trinity St. Sergius Lavra, 1993. 541 p.
5. Nikolai Gogol: Experience of Spiritual Biography // NV Gogol and Orthodoxy. Collection of articles on the work of NV Gogol / International Foundation for the Unity of Orthodox Peoples. M .: Publishing House "Towards Unity!", 2004. P. 7-111.
6. Smirnov P.A. Life and teachings of Right Reverend Theophanes. M .: Publishing House "Pokrov", 1915. 167 p.
7. Works and letters of N.V. Gogol: In 6 vols. T.6. St. Petersburg .: P.A. Kulish, 1857. 576 p.

L'evoluzione del romanzo italiano (parte 2)

Clorinda Angela Silbana Di Fini,
Laureate in lettere classiche

Katorova A.A.,
*Studente del secondo anno della Magistratura della facoltà
"Lingue Straniere" MSUPE, Mosca, Russia, anechka.katorova@mail.ru*

Boronenkova Y. S.,
*studente del secondo anno della Magistratura della facoltà "Lingue Straniere" MSUPE, Mosca,
Russia, janina.st@rambler.ru*

In questo articolo si tratta del romanzo come un genere narrativo. L'autore presenta lo sviluppo dei generi letterari (dal romanzo mitologico-storico al romanzo contemporaneo). L'autore racconta di storia dei generi letterari. L'accento particolare è sul romanzo storico di A. Manzoni "I promessi sposi" e sui romanzi di G. Verga ("I Malavoglia", "Mastro-don Gesualdo").

Keywords: romanzo storico, romanzo sociale, Alessandro Manzoni, "I Promessi Sposi", romanticismo oggettivo, Giovanni Verga, "I Malavoglia", "Mastro-don Gesualdo", il verismo.

Для цитаты:

Katorova A.A., Boronenkova Y.S. Эволюция итальянского романа (по материалам работ Клоринды Ди Фини), часть 2 [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n1/Katorova_Boronenkova.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040203

For citation:

Katorova A.A., Boronenkova Y.S. The evolution of the Italian novel (based on the works of Clorinda Di Fini), part 2 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Katorova_Boronenkova.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040203

"Promessi Sposi"

L'idea di comporre un romanzo storico fu una conseguenza quasi naturale dato che per il Manzoni la storia è la sola sorgente di poesia come aveva affermato nella lettera al marchese Cesare d'Azeglio sul Romanticismo (1823).

Il romanzo storico stava allora nascendo come genere letterario in seguito alla diffusione delle opere di Walter Scott. Manzoni aveva letto il suo "Ivano" apprezzandone il merito di avere illuminato una parte della storia ignorata dalla storiografia tradizionale ossia le passioni umane che partecipano allo sviluppo storico.

Walter Scott nei suoi romanzi aveva rappresentato le vicende umane dell'Inghilterra Medievale nel periodo del contrasto tra gli anglosassoni ed i conquistatori normanni, anche se nei suoi romanzi lo sfondo storico non ha spessore, è come una scenografia statica che serve da pretesto per raccontare le varie avventure.

Manzoni invece ambienta le vicende in una realtà storica ben documentata e studiata in modo approfondito. Lui riesce a cogliere la psicologia dell'uomo e la lotta che si svolge nella sua coscienza fra il bene e il male.

Il romanzo storico diventa così una riflessione sulla vita umana. E' una novità rispetto alla tragedia dove il popolo è visto come una massa a forma che deve subire la storia fatta dai potenti. Qui il volgo collabora alla storia e per di più in modo determinante perchè, con la sua umile fede e sete di giustizia è pronto ad accogliere il messaggio cristiano, il solo che può attuare la vera civiltà.

Il romanzo storico, cioè un componimento misto di storia (come la carestia, la guerra, la peste e alcuni personaggi come Fra Cristoforo, il cardinale Borromeo, il gran cancelliere Ferrer, l'Innominato, la monaca di Monza, ecc.) e di invenzione (le vicende di due popolani Renzo e Lucia) è un fatto letterario veramente nuovo, un fatto rivoluzionario legato alla nuova cultura romantica.

Hegel nella sua "Lezione di estetica" tra il 1820 e il 1829 definì il romanzo "la moderna epopea borghese": una frase densa di significato poichè mette in rilievo il carattere borghese di quella età e la fine della letteratura aristocratica caratterizzata dal poema in versi.

Lo stesso Hegel spiegò che il romanzo è una narrazione individuale e universale allo stesso tempo, perchè da una parte racconta storie individuali della vita di ogni giorno (borghese appunto), e dall'altra - rappresenta in quei fatti una visione totale e organica del mondo e dei suoi problemi.

Nel 1821 il Manzoni iniziò e portò al termine il romanzo storico intitolato "Fermo e Lucia" che viene pubblicato nel 1827 con il titolo i "Promessi Sposi". Successivamente l'autore lo rielaborò dal punto di vista linguistico e lo pubblicò nel 1841.

La storia d'amore tra un filature di seta e una popolana, Renzo Tramaglino e Lucia Mondella, è strettamente collegata alla "grande storia" e cioè, alla Lombardia spagnola del 1630 circa, alla carestia di Milano, alla guerra del Monferrato, alla venuta in Italia dei Lanzichenecchi e alla peste.

Quindi l'amore dei due giovani popolani si intreccia con le passioni dei grandi e potenti. La seconda redazione del romanzo terminata nel 1827 è un rifacimento del primo abbozzo dovuto non solo ai consigli di Fourel, che dal 1823 al 1824 fu ospite di Manzoni, e ai consigli di Ermes Visconti, ma anche al superamento della condizione religiosa e morale di Manzoni.

La correzione del romanzo si risolse infatti in una vera e grande creazione di un altro ben più grande romanzo; tant'è che l'edizione del 1841 subirà solo variazioni linguistiche, la sostanza morale resterà invece inalterata.

Le differenze più importanti tra "Fermo e Lucia" e i "Promessi Sposi" sono:

☐ il passaggio da un cupo pessimismo (presente nelle tragedie) alla concezione fiduciosa nella presenza costante della Provvidenza;

☐ nella prima redazione prevaleva una descrizione analitica e realistica del paesaggio lombardo, nella seconda il paesaggio è idealizzato e si adegua allo stato d'animo dei personaggi;

☐ nella seconda edizione l'autore ridusse più drammatiche (la morte di Don Rodrigo le digressioni storiche ed eliminò le rappresentazioni, la storia di Gertrude e quella dell'Innominato - Bernardino Visconti).

Il Manzoni però non era ancora contento del linguaggio che doveva essere aderente al vero, alla realtà di ogni giorno, doveva essere dunque moderno e "popolare", cioè senza eccessiva retorica.

Il "Fermo e Lucia" presenta una mescolanza di voci, di forme analitiche con lombardismi; uno squilibrio in parte attenuate nell'edizione del 1827.

Manzoni decise poi di sciacquare i suoi panni nell'Arno: un lungo lavoro di correzione linguistica attraverso il quale il poeta elimina gli arcaismi e i lombardismi aderendo al fiorentino parlato dalla classe colta, un linguaggio semplice, diretto e moderno.

La revisione si concluse nel 1841.

Romantico convinto, egli pensava tuttavia che i classici fossero estremamente importanti: essi si ritrovano dietro la sua prosa tutta moderna, non sono imitati, ma assorbiti nella nuova lingua.

Per la prima volta in un'opera d'arte italiana al centro del romanzo vi sono uomini di ogni giorno e casi quotidiani; con questa innovazione proseguiva il processo di democratizzazione della letteratura iniziato nel 1700 illuministico.

Domina nel romanzo la luce cristiana; dietro ogni vicenda è costante la presenza di Dio e del suo piano provvidenziale al quale è dovuto il lieto fine.

Il romanzo è costellato dalle battute dell'autore, e stimola il lettore a riflettere sulla peste o sulla guerra e nello stesso tempo a sorridere sulle debolezze degli uomini.

Manzoni racconta modificando sempre il suo punto di vista, assumendo quelli di più personaggi oppure quello suo proprio, adattando sintassi e lessico.

A differenza dei veristi, Manzoni non adotta il punto di vista dei suoi personaggi, ma parla attraverso loro; il caso esemplare è l'addio di Renzo e Lucia ai loro monti.

Il Verismo e Verga

Intorno al 1850 la vita spirituale e culturale degli italiani assume un nuovo aspetto. All'esaltazione romantica, fatta di splendidi sogni e di sublimi ideali, che aveva improntato su di sé tutta la prima metà del secolo, succede ora un'atteggiamento più aderente alle obiettive situazioni della realtà.

Movimenti come il Naturalismo francese ed il Verismo italiano devono essere considerati manifestazioni, nell'ambito letterario, di quel Positivismo che nella seconda metà dell'Ottocento va via via affermandosi nella cultura europea.

Il Positivismo è una filosofia, ma è anche e soprattutto un metodo d'indagine e di ricerca che porta le scienze a ricevere un'impronta dalla filosofia e la filosofia ad assorbire lo spirito delle scienze.

Solo in riferimento ai dati scientifici si potrà frenare l'arbitrio della fantasia, interpretare in modo giusto la realtà naturale e dirigere con saggezza la vita umana; il Positivismo vuole infatti che anche in filosofia, come nelle scienze della natura, l'esperienza sia l'unico criterio di verità.

In letteratura si avverte, ed in modo ancor più vivo e deciso che nella filosofia e nella politica, questo progressivo distacco dalle manifestazioni sentimentali, dall'esaltazione degli ideali vaghi ed indefiniti che avevano alimentato una vasta produzione nei primi decenni dell'Ottocento.

In questo quadro sembra necessario che gli scrittori siano sempre più concreti nell'espressione, pacati e distaccati nel racconto. Si vuole lasciar parlare i fatti da sé, senza che il poeta o prosatore cerchi di interretarli o commentarli.

È il passaggio dalla lirica alla narrativa quindi l'impersonalità dell'arte, che limita l'attività artistica all'osservazione e alla rappresentazione scientificamente distaccata e obbiettiva dei fatti umani e sociali, con l'esclusione di ogni intervento da parte dell'autore.

Queste nuove concessioni letterarie si estesero in tutta Europa, ma fu soprattutto in Francia ed in Italia che trovarono il modo di esprimersi in numerose e notevoli opere d'arte, dando origine nel campo della letteratura a due movimenti: il Naturalismo ed il Verismo, legati da motivi e scopi molto affini, ma nel contempo anche distinti e lontani.

Il Naturalismo nasce e si sviluppa in Francia tra il 1870 ed il 1890 facendosi continuatore ed erede di quella scuola realista che, dal 1830 in poi, aveva fornito le sue prove più alte nell'opera di Honore de Balzac (1799-1850), e di Gustave Flaubert (1821-1880). Il Balzac, già nel 1842, aveva stabilito nella preparazione al suo ciclo narrativo, "La Comédie humaine", i canoni delle tendenze realistiche posteriori.

Affermava che il romanziere deve ispirarsi alla vita contemporanea studiando l'uomo che appare nella società, tenendosi vicino anche nel linguaggio e nello stile alla realtà del mondo rappresentato. Procedendo su questa linea il Naturalismo si era proposto uno studio scientifico della società e della psicologia dell'uomo, rigettando ogni realismo e studiando di preferenza i ceti più umili.

Quello che può essere considerato un secondo precursore della scuola del Naturalismo fu Taine, il quale ribadiva che l'uomo è il prodotto di tre elementi: "race, milieu, moment" (fattore ereditario, ambiente sociale, momento storico), che lo "determinano" nei suoi tratti.

Ebbe influenza sul Naturalismo anche Emile Zola. Secondo le sue teorie estetiche il romanzo deve fondarsi sulla fisiologia ed essere frutto di esperienza scientifica. Ad esempio, nel "Germinale" aveva rappresentato le condizioni disumane di vita dei proletari di un distretto minerario abbruttiti dalla miseria. Nella psicologia dell'uomo egli vedeva i caratteri uguali e costanti, come quelli degli altri fenomeni della natura. Non si voleva che l'arte rinunciaste alle finalità morali e sociali, ma si pensava che solo su una ricerca scientifica rigorosa del vero potesse fondarsi un miglioramento effettivo della società. Possiamo considerare il Naturalismo instaurato in Francia sin dal 1857 con la pubblicazione del romanzo di Flaubert "Madame Bovary". Nel suo romanzo, il Flaubert, assumendo una posizione di esplicito rifiuto del sentimentalismo, del soggettivismo, del lirismo dei romantici, attuava un nuovo metodo narrativo fondato su un rigoroso senso del reale, su una costante fedeltà alla verità oggettiva, sulla impersonalità.

Per l'autore non si trattava solo di tradurre nella scrittura la propria cognizione della realtà senza partecipare, senza giudicare, senza mai apparire; lo scrittore, secondo il Flaubert, doveva comprendere e descrivere gli avvenimenti con assoluta imparzialità, come uno scienziato. Il romanzo dei naturalisti francesi è l'analisi fisiologica e patologica di uno spaccato sociale, una diagnosi fredda e scientificamente condotta dai bassifondi della città, delle vergogne sociali al livello più basso; e perciò costituisce una polemica denuncia.

Non va tuttavia dimenticato che mentre l'ottimismo progressista del Positivismo s'accompagna alla prima moderna organizzazione industriale della società europea, il Naturalismo francese ed il Verismo italiano rafforzano ed intensificano l'attenzione dei letterati nei confronti del problema sociale. Il problema sociale, del quale i romantici s'erano resi consapevoli sul piano esclusivo della letteratura, va ora diventando un grosso problema anche politico all'ombra delle grandi fabbriche. Non a caso in Italia il Verismo si propose nell'ora in cui si rendevano chiare agli occhi di molti le insufficienze della rivoluzione, il parziale fallimento delle speranze vagheggiate, l'instabile equilibrio dell'unità raggiunta coi mezzi estremi, provvisori, la sopravvivenza di una struttura politica inetta a sanare il conflitto tra Nord e Sud, ad immettere nella vita dello Stato, come elemento attivo, le plebi meridionali soffocate dalla miseria e dall'ignoranza. Perciò da noi il Verismo assunse quel colore regionale e dialettale che lo contraddistingue nel quadro di un'esperienza europea, e che naturalmente accompagnava la scoperta di un mondo pressochè vergine ed ignoto, il mondo del meridione; per questo anche in Italia (come in Francia) il Verismo doveva sottolineare necessariamente quegli aspetti più sfiduciati e scettici, e mettere in ombra quelli moralistici, in quanto da un lato recava il peso inerte di una antichissima esperienza di amare delusioni, e dall'altro veniva meno ai veristi italiani il sostegno di una coscienza popolare diffusa, già matura, disposta a lottare per l'affermazione di certi diritti umani. Il Verismo italiano ha rispetto ai modelli francesi una minore popolarità, un carattere di esperienza più solitaria ed aristocratica, che dipende dal persistere in Italia, ed in particolar modo nel Sud e nelle isole, di una frattura più grave e profonda fra l'intelligenza dei pochi e la cieca e muta desolazione dei più. Toccava infatti agli scrittori il compito di interrogare e tradurre in parole quel disperato silenzio di una moltitudine estranea e lontana, che non sarebbe stata in grado di riconoscersi nella loro opera, che si offriva loro più come materiale di studio che per essere aiutata e corretta.

Tuttavia il Verismo rappresentò il desiderio di rottura nei confronti di una tradizione letteraria troppo spesso accademica ed estetizzante, la ricerca di una adesione sostanziale alla verità di uno stile semplice, diretto, legato alle cose ed al parlato, tale da assorbire nella lingua nazionale modi e forme dialettali.

Il maggior teorico del Verismo italiano fu il siciliano L. Capuana: narratore ed anche, negli "Studi sulla letteratura Contemporanea", negli "Ismi contemporanei", ed in altri scritti, critico stimato. Egli reagendo alle forme proprie della scadente letteratura tardo-romantica, e specie quelle inclini ad esaltare esagerati sentimentalismi, si fece propugnatore di un'arte che si fondasse sull'attentissima osservazione del vero anche nei suoi aspetti più scabrosi e sconcertanti, e fosse, per quanto possibile, "impersonale".

L'arte narrativa doveva risolversi soprattutto nella documentazione precisa dei fatti, osservati, anche secondo il Capuana, con quel distacco che è proprio della ricerca scientifica. Chiaro come una simile teoria contrasti con la natura stessa dell'arte, la quale non può in alcun modo coincidere con la riproduzione esattissima di una realtà.

Comunque il Verismo esercitò un influsso positivo, anzi benefico, sull'attività letteraria della fine dell'Ottocento, perchè sollecitò l'attenzione sulla letteratura ispirata a quel mondo degli umili che il Manzoni per primo aveva sollevato a protagonista del suo romanzo. Non v'è dubbio che al Verismo sia da riconoscere il merito di aver avvicinato al settore di più l'arte alla realtà e di aver richiamato l'attenzione su fenomeni ed aspetti della nostra vita provinciate e paesana e proprio attraverso questi aspetti il Verismo italiano, unitario nella sua poetica, e nella sua ideologia, propone all'attenzione del pubblico la vastità, la varietà, la complessità dei problemi locali e regionali che il nuovo Stato era chiamato ad affrontare ed a risolvere. La letteratura verista si presenta così sotto specie regionalistica.

Certo non potè modificare il processo naturale della fantasia, ed il più illustre rappresentante del movimento, Giovanni Verga (1840-1922), deriva le ragioni della sua grandezza non dall'impersonalità dello stile, ma proprio dalla sommessità e pur profonda partecipazione alle vicende immaginate.

Il Verismo fu per il Verga quasi uno strumento di redenzione, in quanto agì da rimedio all'eccessiva accensione passionata, alla torbida sensualità ed allo struggente sentimentalismo che caratterizzano il primo Verga.

I primi romanzi dell'autore ("I carbonari della montagna", "Sulle lagune", "Una peccatrice") interessano gli studiosi soltanto perchè indicano, con le loro notevoli deficienze (inerenti all'abuso della componente passionale ed erotica, alla sovrabbondanza delle note patetiche, ed all'inesperto uso del linguaggio), il forte distacco che li separa dai capolavori ("I Malavoglia", "Mastro-don Gesualdo"), e segnano perciò il punto di partenza del lungo cammino corapiuto dall'artista. Maggiore interesse destano i romanzi successivi ("Storia di una capinera", "Tigre reale", "Eva"), anche se vi prevalgono temi ed atteggiamenti propri di un romanticismo passionale, come il febbrile amore del pittore Enrico Lantieri per la ballerina Eva, un amore che conduce il protagonista a morire di tisi nella sua Sicilia ("Eva") o la morbosa ossessione di Giorgio Laferlita per una donna russa uccisa anch'essa dalla tisi ("Tigre reale"). Ma già in questi romanzi si nota una costruzione complessiva più organica, personaggi più sicuramente disegnati ed una lingua più duttile.

Il verista italiano rimane, in sostanza, il gentiluomo che contempla con pietà sincera la miseria morale e materiale in cui versano le plebi quasi senza speranza di salvezza per il futuro.

Laddove il verista europeo ritraeva un mondo che era anche il suo mondo con il quale aveva in comune idee, aspirazioni, parole, cioè trovava intorno a sé già fatto il suo linguaggio, il verista italiano doveva forgarselo, metterlo in carta quel silenzio che circondava.

"L'impersonalità", che come si è già detto caratterizza la letteratura verista, consiste non solo in un generico atteggiamento di distacco dello scrittore nei confronti del mondo da lui rappresentato, ma anche nella messa in opera di precise tecniche di costruzione del testo narrativo. Il Naturalismo ed il Verismo si propongono infatti con una poetica orientata sulla narrativa, sul romanzo e sulla novella, cioè su quei generi che nella seconda metà dell'Ottocento diventano i più importanti e popolari, soprattutto in conseguenza dell'estendersi delle fasce di pubblico di media e bassa cultura, per il quale la letteratura narrativa era di gran lunga la più accessibile. Il romanzo e la novella sono dunque i generi cari al Verismo, che però investe di sé anche la poesia lirica, rendendola "dialettale" nella lingua e nei contenuti, ed abbassandola al tono dimesso e parlato della prosa. La poetica verista opera quindi nella direzione di un'espressione semplice e modesta, con una sintassi immediata per nulla complessa o elaborata in periodi lunghi e con un lessico non più fiorentino o toscano, ma ricco e articolato in una varietà del contributo delle diverse parlate regionali.

La stagione verista, come quella naturalista, è anche caratterizzata dall'insorgenza della moderna tematica sociale e dai problemi conseguenti alle prime grandi organizzazioni industriali, particolarmente (se non esclusivamente) nell'Alta Italia.

E' qui, ed in particolare a Milano, che la letteratura inizia, o proprio nei decenni del Verismo, il processo alle ingiustizie, alle congezioni ed alle ipocrisie della società borghese, che pur s'era coperta di tanti meriti politici e sociali a partire dal rinnovamento settecentesco. Milano e la città del-la scapigliatura contestatrice; milanesi o comunque settentrionali gli scrittori che dalla crisi della borghesia trassero argomento per le loro opere teatrali. I personaggi di solito appartengono ai ceti umili o alla piccola borghesia, e nella loro squallida e dolorosa sconfitta si riflettono anche gli aspetti negativi della società.

Il Verga espresse in varie occasioni la sua adesione al Verismo il cui canone voleva l'impersonalità dell'artista; il programma era teoricamente errato, perché l'arte non sarà mai fotografia della realtà: ma esprimeva l'esigenza che lo scrittore dominasse i sentimenti anziché abbandonarsi.

Il Verga tendeva già di per sé, per una nativa congenialità, a questa esigenza del Verismo, era uno spirito chiuso ed austero, lontano dalle effusioni. Perciò la sua adesione al Verismo fu piuttosto un incontro anzi che una servitù alla moda letteraria. Ed è quindi naturale che molti studiosi abbiano additato nelle sue opere anteriori a "Nedda" quanto già vi era di atteggiamenti veristici: ma è in questa novella che il nuovo orientamento si rende evidente.

La prima opera decisamente originale del Verga è rappresentata dalla raccolta di novelle che egli intitolò "Vita dei campi", e che apparve alcuni anni dopo la pubblicazione di "Nedda". Alcune novelle di "Vita dei campi" possono essere legittimamente avvicinate ai capolavori, non solo per il pregio artistico, ma anche per la tecnica stessa della narrazione. Tra le altre sono ammiratissime "Cavalleria rusticana", "Rosso Malpelo", "Jeli il pastore". La seconda, ad esempio, disegna un ragazzo avvilito ed inasprito dalla miseria, maltrattato dai suoi compagni di lavoro in una miniera, solitario ed amaramente rassegnato al suo destino. L'esistenza dura e dolorosa ha inaridito in lui ogni attaccamento alla vita ed ai propri simili, ma pure quasi da uno sfondo istintivo salgono faticosamente affetti e tristezza: l'incanto di fronte a una notte lunare, l'amicizia di un altro ragazzo nelle sue stesse condizioni, il culto per il padre sepolto nel crollo di una galleria. E la sua finale scomparsa nelle viscere della miniera sembra, più che un tragico destino, un suo volontario avviarsi verso la conclusione e il terrain della sua fatica e della sua tristezza.

I periodi, nella narrazione, si susseguono con una mesta cantilena, esprimono, senza sottolinearla, la pietà dello scrittore verso le sofferenze degli uomini.

Nel 1881 apparve "I Malavoglia". La trama del romanzo narra di una famiglia di pescatori (i "Malavoglia"), che tentano di migliorare la loro condizione con un commercio di lupini. Ma la loro barca, la Provvidenza, è travolta dalla tempesta, ed il mare divorò, con i lupini, anche uno di loro, Bastianazzo. E la rovina. Tutta la famiglia rimane sulle spalle di padron 'Ntoni: non solo la vedova (la Longa), ma anche i cinque nipoti: 'Ntoni, Luca, Alessi, Mena, Lia.

Il lavoro, la fatica si fanno più duri, ma ogni sforzo è vano. Il debito fatto per i lupini finirà per sottrarre loro la "casa del Nespolo", cara al Malavoglia come il simbolo sacro della famiglia. Il destino avverso si accanirà su di loro.

Luca morirà nella battaglia di Lissa; la Longa sarà portata via dal colera; 'Ntoni, travolto dall'insofferenza per la miseria, finirà in carcere; Lia si perderà; padron 'Ntoni andrà a morire in ospedale. Solo Alessi dopo tante sventure riuscirà a riscattare la "casa del Nespolo", ed a ricostruire intorno a sé una nuova famiglia, con la quale vivrà anche la sorella Mena dopo aver rinunciato ad un suo amore.

Ma la trama non dà una chiara idea del romanzo, Sullo sfondo di queste vicende si muove tutta la gente del paese, con le ansie e le sue miserie, tra rancori, pettegolezzi, amori ed avidità tutta una folla che costituisce un vasto coro, ed è l'atmosfera in cui agiscono, lottano e soffrono i Malavoglia.

Coro e protagonisti sono inscindibili, non solo nell'architettura del romanzo, ma soprattutto nella fantasia del Verga, perché lo sfondo del paese e dei suoi abitanti rappresenta la "realtà terrena" dentro cui gli uomini si muovono.

Il Verga ha bisogno di immergere i suoi personaggi nella realtà del mondo, dove nessuno è mai totalmente libero e solo, dove intorno ad ogni essere preme e pesa la folla dei propri simili.

La visione del Verga è profondamente pessimista: egli contempla con desolata pietà questo spettacolo che è la vita, ne ha più la manzoniana fede in una provvidenza che illumini tanta tristezza, ne crede che una nuova struttura sociale ed un graduale progresso possano mutare l'esistenza degli uomini. Proprio per questo la sua pena è più profonda ed amara. Ma, d'altra parte, quegli uomini che, infaticabili, accettano la vita e lottano e si affannano, appaiono nelle sue pagine più alti ed eroici, piccoli ma tenaci di fronte alla dura realtà. Nel programma che il Verga tracciò nella prefazione de "I Malavoglia", egli si proponeva di dar vita ad un ciclo di romanzi che mostrassero "le brame e le passioni da cui rampolla la vita". Il cielo doveva intitolarsi "dei Vinti", e comprendeva, oltre "I Malavoglia" e "Mastro-don Gesualdo", altri tre romanzi che il Verga non scrisse mai, "La duchessa di Leyra", "L'onorevole Scipioni", "L'uomo di lusso", ed avrebbero dovuto ritrarre la stessa sconfitta in diversi strati sociali. Ma, in realtà, nella visione del Verga, già dal primo romanzo del ciclo, non vi sono più vinti e vincitori: tutti gli uomini nonostante le apparenze sono ugualmente dei vinti per l'amara visione che il Verga ha della vita.

L'unico valore che resta è la dignità umile ed eroica con cui l'uomo sopporta il destino, senza vane ribellioni e senza viltà. La dignità austera dei pescatori d'Acì Trezza o di Mastro-don Gesualdo, la loro "rassegnazione eroica".

Il mondo del "Mastro-don Gesualdo" è più vario di quello de "I Malavoglia" e più ricco in estensione, in quanto c'è in esso una realtà sociale più complessa: la plebe, i nobili, la borghesia e l'uomo che si è fatto da sé, cioè, il protagonista. Ma il pessimismo del Verga appare qui incupito.

Il mito centrale non è più tanto quello della famiglia, ma quello dello "far la roba", della ricchezza conquistata col duro lavoro, col sacrificio.

Il nuovo protagonista, dotato di un'energia e di una personalità più forte del personaggio de "I Malavoglia" e tale da distaccarsi nettamente dallo sfondo corale paesano, è Mastro-don Gesualdo, un uomo del popolo che ha tenacemente lottato per la ricchezza. Per lui la roba "è l'ultima forma disperata con cui l'uomo cerca la sua immortalità", "il simbolo di quel lavoro costruttivo che resta dopo di noi".

Ma anche Gesualdo assiste al crollo totale del suo sogno. Il "mastro" che invano cerca di diventare "don", l'ex plebeo che non riesce a diventare uno dei "galantuomini"; ad un certo momento l'una e l'altra categoria lo respingono, ed egli rimane in una squallida solitudine.

Per elevarsi, per aumentare la sua potenza, sposa Bianca Trao, una nobile decaduta, ma ella gli resta fredda e lontana, e così cura la figlia, che disprezza l'umile origine del padre. Sposerà alla fine un nobile napoletano, avido solo della ricchezza del suocero, e Gesualdo morrà nel grande palazzo del genero, vedendo dilapidare il frutto del suo lavoro, solo e disprezzato. I capolavori del Verga, assai più che una narrazione, sono una rappresentazione. Sembra che siano i personaggi stessi a parlare, ad esprimere il loro animo, a muoversi e operare nello scenario del romanzo. Lo scrittore non interviene e non commenta, quasi fosse riuscito a distaccare da sé la sua creazione. Il linguaggio si adegua quanto più è possibile al mondo rappresentato, ne acquista l'apparente elementarità e semplicità, evita ogni ricerca letteraria.

All'originalità del mondo rappresentato fa riscontro, nell'opera verghiana, l'originalità dello stile, antiaccademico, antiletterario, semplice ed elementare come le reazioni psicologiche dei protagonisti ed il loro modo di vedere le cose.

Quello del Verga è un linguaggio intimamente dialettale, non nel lessico, ma nella sintassi e nelle immagini che riflettono il discorso mentale prevalentemente emotivo ed intuitivo degli umili personaggi popolari.

Lo scrittore soprattutto ne "I Malavoglia", sembra anch'egli far parte di quel coro di umili, essere una voce recitante che racconta la vicenda monotona ed implacabile del loro destino.

Una vicenda dolorosa, sottolineata dai paesaggi che a tratti affiorano nel racconto, e sono visioni di una terra desolata ed arsa, d'un mare sempre uguale nel suo brontolio monotono, di campi fertili gravati però dal senso della fatica dell'uomo o dallo spettro della malaria; o, a volte, visioni di

Каторова А.А., Бороненкова Я.С.
Эволюция итальянского романа (по материалам работ
Клоринды Ди Фини), часть 2
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 14-31.
doi: 10.17759/langt.2017040203

Katorova A.A., Boronenkova Y.S.
The evolution of the Italian novel (based on
the works of Clorinda Di Fini), part 2
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no 2, pp. 14-31.
doi: 10.17759/langt.2017040203

certe improvvisate aperture di cieli limpidi, di notti stellate, che sembrano, per un istante, accennare ad una speranza di felicità, dopo la quale l'uomo ripiomba nella sua deserta solitudine.

Quella del Verga è spesso una prosa con una cadenza d'epopeas quella tragica e dolorosa del vivere.

Эволюция итальянского романа (по материалам работ Клоринды Ди Фини), часть 2

Клоринда Ангела Сильбана Ди Фини,
специалист по классической литературе

Каторова А.А.,
*магистрант кафедры «Лингводидактика и МКК» в ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
anetchka.katorova@mail.ru*

Бороненкова Я. С.,
*кандидат философских наук, магистрант кафедры «Лингводидактика и МКК» в ФГБОУ
ВО МГППУ, Москва, Россия, janina.st@rambler.ru*

Статья посвящена анализу эволюции итальянского романа в разные литературные и исторические эпохи, начиная с эпической поэмы Античности, заканчивая историческим романом («Обрученные» Алессандро Манцони) и социальным романом (на примере

произведений Джованни Верга «Семья Малаволья» и «Дон Джезуальдо»). На основе работ итальянского филолога Клоринды Ди Фини в статье показано, как происходило смещение фокуса повествования с судьбы сильных мира сего на жизнь простых людей, вплетенную в более глобальный исторический контекст, а также изменение позиции автора в романе – в сторону безличности и беспристрастного обличения социальных проблем.

Ключевые слова: исторический роман, социальный роман, Алессандро Мандзони, «Обрученные», Джованни Верга, «Семья Малаволья», «Дон Джезуальдо».

Роман

«Обрученные»

Идея написания исторического романа была органична для Мандзони, так как история была для него единственным источником поэзии, как уже было сказано в произведении «Письмо Маркизу Чезаре Азелъе» (1823).

Исторический роман как литературный жанр начал зарождаться после распространения произведений шотландского писателя Вальтера Скотта. Мандзони прочел его роман «Айвенго», и отметил заслугу автора в описании той части истории, которая была до того времени не освещена традиционной историографией, а именно – человеческие страсти вкуче с развитием истории [12].

В своих романах Скотт представил события жизни людей Англии в период конфликта между англосаксами и норманнскими завоевателями (в Средние века), хотя в его романах исторический фон не имеет такого значения, а выступает как статичная сцена, которая служит лишь предлогом, чтобы рассказать о различных приключениях.

Мандзони, напротив, высвечивает эти события в хорошо документированной исторической реальности (он тщательно изучал исторический контекст) и намеревается отразить историческую правду и мораль того времени, т.е. психологию человека и борьбу, которая происходит в его сознании между добром и злом.

Исторический роман, таким образом, становится размышлением о положении человека в мире. Это новизна по сравнению с трагедией, где люди рассматривались как аморфная масса, которая должна страдать в истории, творимой сильными мира сего. Теперь оказывается, что и простой народ вносит вклад в историю, более того – определяющий, потому что в своей скромной вере и жажде справедливости он готов принять христианское послание – единственное, что может привести к настоящей цивилизации.

Исторический роман, то есть синтез исторического повествования (например, о голоде, войне, чуме и жизни некоторых персонажей, как, например, брат Кристофоро, Кардинал Борромео, Верховный канцлер Феррер, Безымянный, монахиня из Монцы и т.д.) и вымысла (рассказ о двух простолюдниках Ренцо и Лючии) – это по-настоящему новый литературный факт, факт новой революционной романтической культуры [11].

Гегель в «Лекциях по эстетике» между 1820 и 1829 гг. определил роман как «современный буржуазный эпос»: фраза полна смысла, потому что подчеркивает буржуазный характер эпохи и конец дворянской литературы, характеризующейся поэмами в стихах. Сам Гегель объяснил, что роман является одновременно индивидуальным и универсальным повествованием, так как, с одной стороны, рассказывает истории о повседневной жизни (точнее – буржуазной), с другой – представляет в этих фактах общее и органическое видение мира и его проблем.

В 1821 году Мандзони начал исторический роман, озаглавленный «Фермо и Лючия», который был опубликован под названием «Обрученные» в 1827 году. Позднее он переработал роман с лингвистической точки зрения и представил общественности в 1841 году.

История любви между ткачом и простолюдиной, Ренцо Трамальино и Лючией Монделлой, тесно связана с «большой историей», а именно: Ломбардией под управлением

Испании в районе 1630 года, голодом в Милане, войной за Монферрато, приходом в Италию ландскнехтов (немецких наемных пехотинцев) и чумой.

Таким образом, любовь двух молодых крестьян переплетается со страстями сильных мира сего. Второй вариант романа, завершённый в 1827 году, представляет собой переработку первого чернового варианта, необходимость которого была обусловлена не только советами Фуреля – гостя Мандзони в 1823-1824 гг., а также рекомендациями Эрмеса Висконти, но и преодолением религиозного и морального состояния самого Мандзони.

Работа над произведением фактически вылилась в создание другого, гораздо более великого романа, так что издание 1841 года будет подлежать только лингвистическим правкам, идейное же содержание останется неизменным [8].

Наиболее важные различия между «Фермо и Лючия» и «Обрученными» заключаются в следующем:

- переход от пессимизма (присутствующего в трагедии) к концепции уверенности в постоянном присутствии Провидения;
- в первом варианте преобладало реалистичное описание ломбардской местности, во втором – пейзаж идеализирован и согласуется с настроением персонажей;
- во втором издании сокращены исторические экскурсы и устранены наиболее драматические отступления (смерть дона Родриго, история Гертруды и Безымянного – Бернадино Висконти).

Тем не менее, Мандзони снова не был доволен языком, который должен был быть приближен к повседневной реальности, должен был быть, таким образом, современным и «популярным», то есть без излишней риторики.

Роман «Фермо и Лючия» написан на языке, полном ломбардизмов и других диалектных форм; дисбаланс, который частично ослаблен в издании 1827 года. Затем Мандзони решил «прополоскать одежду в реке Арно»: долгая работа по исправлению архаизмов и ломбардизмов ¹из текста, написанного на литературном флорентийском языке, простом, ясном и современном. Редактура была завершена в 1841 году.

Убежденный романтик, он, однако, считал, что классики чрезвычайно важны: они стоят за всей современной прозой, не только выступают образцами для подражания, но и впитываются новым языком, чтобы сделать прозу современной и вместе с тем высококачественной.

Впервые в произведении итальянского искусства в центре романа находятся обычные люди и повседневные события. Это нововведение продолжило процесс демократизации литературы, начавшийся в 1700-ых годах в эпоху Просвещения.

В романе доминирует христианский свет: за каждым событием ощущается постоянное присутствие Бога, благодаря которому в романе возможен счастливый конец.

Роман перемежается шутками автора, которые то подталкивают читателя к размышлениям на тему войны и чумы, то заставляют его посмеяться над человеческими слабостями [7].

Мандзони повествует, постоянно выражая разные точки зрения, отражая то взгляды персонажей, то собственные, адаптируя синтаксис и лексику. В отличие от реалистов, он не принимает точку зрения своих героев, а говорит их устами; показательный пример – прощание Ренцо и Лючии с горами.

Веризм и Верга

Около 1850 года духовная и культурная жизнь итальянцев приобретает новый вид. За романтической экзальтацией, созданной прекрасными мечтами и возвышенными идеалами, отложившими отпечаток на первую половину века, следует время более чуткого отношения к объективной действительности.

¹ Веризм (от лат. «истинный, правдивый») – стиль в итальянской литературе, музыке и искусстве последней четверти XIX – начала XX веков.

Такие течения как французский натурализм, итальянский веризм, следует рассматривать как проявление в литературном ключе идей позитивизма, постепенно утверждавшегося в европейской культуре во второй половине XIX века.

Позитивизм – это философское учение, но также и, прежде всего, метод исследования, который привносит отпечаток философии в науку и дух науки в философию.

Только обращение к научным данным может обуздать произвольность воображения, интерпретировать естественную реальность корректно и организовать человеческую жизнь разумно. Позитивисты, на самом деле, хотят, чтобы и в философии, как в естественных науках, опыт являлся единственным критерием истины.

В литературе произошел еще более яркий и решительный, чем в философии и политике, прогрессивный отрыв от сентиментальных манифестов, возвеличивания смутных и неопределенных идеалов, которые были весьма продуктивны в первые десятилетия XIX века.

В этом контексте представляется необходимым, чтобы авторы были более конкретны в своих выражениях, спокойны и дистанцированы в повествовании. Важно, чтобы факты говорили сами за себя, без попыток поэта или прозаика интерпретировать или комментировать их.

Таков переход от лирики к повествованию, а, следовательно – к имперсональности искусства, которая ограничивает художественную деятельность наблюдением и представлением с научной, обособленной, объективной точки зрения фактов жизни человека и общества, исключая какое-либо вмешательство со стороны автора.

Эти новые литературные веяния были распространены по всей Европе, но особенно во Франции и Италии, странах, которые нашли способ выразить их в многочисленных и замечательных произведениях искусства, что породило в области литературы два течения – натурализм и реализм, связанные между собой целями, но отличающиеся друг от друга.

Натурализм зародился во Франции в период с 1870 по 1890 год, став преемником и наследником реалистической школы, которая, начиная с 1830 года, достигла своих наибольших высот в произведениях Оноре де Бальзака (1799-1850) и Гюстава Флобера (1821-1880). Уже в 1842 году в рамках подготовки цикла рассказов «Человеческая комедия» Бальзак создал каноны последующих реалистических направлений [3].

Он утверждал, что романист должен черпать вдохновение в современной жизни, изучая человека в контексте общества, стремясь в языке и стиле к реальности представляемого им мира. Натурализм продолжил научное исследование общества и психологии человека, отвергая реализм и изучая по большей части самые униженные слои общества.

Вторым предшественником натуралистической школы может считаться Ипполит Тэн, который настаивал на том, что человек есть продукт трех элементов: «расы, среды, момента» (наследственность, социальная среда, исторический момент), которые определяют его психологические особенности и формируют поведение.

Эмиль Золя также оказал влияние на развитие натурализма. Согласно его эстетическим теориям, роман должен быть основан на физиологии и являться результатом научного опыта. Например, в романе «Жерминаль» он описал нечеловеческие условия жизни работников горного района, страдавших от бедности. В душе человека он видел те же символы и константы, что и в явлениях природы. Он не хотел, чтобы искусство отказывалось от моральных и социальных целей, но считал, что только на строго научном поиске истины могут быть основаны предпосылки для улучшения жизни.

Можно считать, что натурализм установился во Франции с 1857 года, когда был опубликован роман Флобера «Госпожа Бовари». В своем романе Флобер, занимая позицию явного отказа от сентиментализма, субъективизма, лиризма романтиков, вводит новый метод повествования, основанный на строгом чувстве реальности, верности объективной истине и безличности [6].

Для автора это означало не просто перевести в письменную форму свои знания о реальности без собственного участия, не осуждая, не появляясь никогда в рассказе; писатель, согласно Флоберу, далекий от разговоров о себе, должен был понимать и описывать события с абсолютной беспристрастностью, как это делает ученый.

Роман французских натуралистов представляет собой физиологический и патологический анализ среза общества, холодный научный диагноз трущоб города, он полон разоблачительной полемики.

И все же, не следует забывать, что в то время как прогрессивный оптимизм позитивизма сопровождается появлением первой современной промышленной организации в Европе, французский натурализм и итальянский веризм укрепляют и усиливают внимание литераторов к социальным проблемам. Социальная проблематика, которую романтики обозначили в литературе, теперь становится и большой политической проблемой в тени крупных фабрик.

Не случайно в Италии веризм возникает именно тогда, когда многим становятся видны недостатки революции, частичный крах заветных надежд, неустойчивое равновесие единства, приобретенного за счет крайних мер, выживание политической структуры, не способной излечить конфликт между Севером и Югом и включить в жизнь государства в качестве активного участника южные народы, задыхающиеся от нищеты и невежества. Поэтому веризм приобретает региональную и диалектную окраску, которая выделяет его в контексте европейского опыта. В силу этого обстоятельства в Италии (как и во Франции) веризм должен был обязательно подчеркнуть аспекты, вызывавшие наибольшее недоверие и скепсис, и оставить в тени соображения моральные, которые, с одной стороны, несли мертвый груз давнего опыта горьких разочарований, а с другой – неспособность итальянских писателей поддержать пробудившееся сознание широких народных масс, созревших и готовых бороться за утверждение определенных прав человека [4].

В сравнении с французскими моделями итальянский веризм пользуется меньшей популярностью, отличается более замкнутым и аристократическим характером, особенно на юге и на островах, где наблюдается более серьезный и глубокий разрыв между интеллигентностью меньшинства и слепо-немым опустошением большинства. Перед авторами стояла задача интерпретировать и перевести в слова отчаянное молчание чужого и далекого народа, который был не в состоянии осознать себя и представлялся им скорее материалом для изучения, нежели живыми людьми, которых нужно поддерживать.

Веризм олицетворял желание порвать с литературной традицией, часто слишком академической и эстетической, отличался приверженностью к истине, поиском простого стиля, способного впитать как национальный язык, так и диалектные формы.

Видным теоретиком итальянского веризма был сицилийский прозаик, а также признанный критик («Исследования по современной литературе», «Современные -измы» и др.) Л. Каппуана. Он был сторонником искусства, основанного на внимательном наблюдении за истиной, даже в ее наиболее непристойных и шокирующих аспектах, и, возможно, поэтому – «безличной».

Искусство повествования должно было заключаться, прежде всего, в фиксировании точной документации фактов, наблюдаемых, согласно Каппуане, с той отстраненностью, которая характерна для научных исследований. Понятно, насколько такая теория контрастирует с природой искусства, которое не может совпадать с наиболее точным воспроизведением реальности.

Так или иначе, веризм оказал положительное, даже благотворное, влияние на литературную деятельность в конце XIX века, поскольку привлек внимание к литературе, вдохновленной миром простых людей, впервые ставших главными героями в романах Мандзони. Нет сомнений, что веризму принадлежит заслуга в том, что искусство как никогда приблизилось к реальности, показало явления и аспекты нашей провинциальной сельской

жизни. Через эти аспекты итальянский веризм, единый в своей поэтике и идеологии, представил вниманию публики разнообразие и сложность местных и региональных проблем, с которыми столкнулось новое государство. Литература веризма, таким образом, являлась литературой региональной [5].

Конечно, не мог заменить естественный ход событий фантазией и самый прославленный представитель движения – Джованни Верга (1840-1922), причины успеха которого кроются отнюдь не в безличном стиле, а в ненавязчивом, но глубоком участии в изображаемых событиях.

Веризм был для Дж. Верга средством искупления, в котором он нашел лекарство от чрезмерной силы страсти, смутной чувственности и пронзительной сентиментальности, характеризующих его раннее творчество.

Первые романы автора («Карбонарии в горах», «В лагунах», «Грешница») интересуют исследователей потому, что при всех своих существенных недостатках, связанных с злоупотреблением эротикой, избытком патетических нот и неумелым использованием языка, показывают сильный разрыв, отделяющий их от таких его шедевров, как «Семья Малаволья» и «Дон Джезуальдо», и, следовательно, знаменуют собой отправную точку долгого пути писателя. Большой интерес вызывают последующие романы («История одной малиновки», «Истинная тигрица», «Ева»), в которых преобладают такие романтические темы, как, например, лихорадочная любовь художника Энрико Лантьери к балерине Еве, ставшая причиной смерти героя от туберкулеза на родной Сицилии («Ева»), или болезненное пристрастие к Джорджио Лаферлиты к русской женщине, умирающей от туберкулеза («Истинная тигрица»). Но уже в этих романах становится заметно более сложное и органичное построение сюжета, более четко прорисованные образы персонажей и более свободный язык. Итальянский романист размышляет с искренней жалостью над страданиями, с которыми сталкиваются простые люди, почти без надежды на спасение в будущем.

«Имперсональность», которая, как мы уже говорили, характеризует реалистическую литературу, состоит не только в общем дистанцированном отношении писателя к миру, но и в реализации определенных методов построения текста повествования. Натурализм и веризм фактически предлагают поэтику, ориентированную на повествование, на роман и новеллу, то есть те жанры, которые во второй половине XIX века становятся самыми важными и популярными, особенно в результате расширения сословной аудитории читателей, для которой описательная литература долгое время была наиболее доступной. Роман и новелла – жанры, которые много значат для веризма, однако он дополняет их и лирической поэзией, делает ее «диалектной» по своему языку и содержанию, понижает ее тон и говорит прозой. Поэтика веризма направлена, таким образом, в сторону простого и скромного выражения мыслей, прямого синтаксиса без усложнений и выработанного долгим временем лексикона, который больше не является флорентийским или тосканским, а богат синтезом разнообразных региональных диалектов.

Эпоха веризма, как и натурализма, также характеризуется подъемом современной социальной тематики и проблем, возникающих в связи с появлением первых крупных промышленных организаций, особенно в Северной Италии. И здесь, в частности, в Милане, именно в десятилетия веризма в литературе начался процесс осуждения несправедливости и лицемерия буржуазного общества, прикрывающихся политическими и социальными заслугами перемен, характеризовавших XVIII век.

Милан – это город протестующей богемы. Миланские и другие североитальянские писатели извлекли из кризиса буржуазии идеи для своих театральных произведений. Персонажи, как правило, принадлежат к низшим классам и мелкой буржуазии, а в их болезненном поражении также отражаются негативные аспекты жизни общества [10].

Верга неоднократно выражал свою приверженность к веризму, в котором канон требует имперсональности художника. Несмотря на то, что эта установка была теоретически

ошибочной, потому что искусство никогда не будет фотографической копией реальности, она обозначила необходимость для писателя возобладать над чувствами в своих произведениях вместо их отражения в тексте.

Верга уже по своей природе ощущал потребность в веризме, будучи наделенным замкнутым и суровым характером. Таким образом, его приверженность веризму была скорее возвращением к себе, чем данью литературной моде. Многие писатели еще до «Недды» начали писать в реалистической манере, но в этом романе новый ориентир становится очевидным.

Первая по-настоящему оригинальная работа Верги представлена сборником новелл, который он озаглавил «Жизнь полей»; он вышел в свет через несколько лет после публикации «Недды». Некоторые новеллы «Жизни полей» могут смело претендовать на статус шедевров не только из-за художественных достоинств, но и благодаря самой технике повествования. Среди прочих наибольшее восхищение вызывают новеллы «Сельская честь» (*Cavalleria rusticana*), «Россо Мальпело» (*Rosso Malpelo*), «Иели-пастух» (*Jeli il pastore*) [2]. Во второй из этих новелл, к примеру, показан неблагополучный молодой человек, терзаемый страданиями, подвергающийся издевательствам со стороны своих коллег по шахте, одинокий, с горечью подчинившийся своей судьбе. Тяжкое и болезненное существование иссушило в нем привязанность к жизни и к товарищам, но в нем пробуждаются грусть и печаль от очарования лунной ночи, от дружбы другого юноши, находящегося в таком же положении, преклонения перед отцом, погибшем при обрушении туннеля. И его окончательное исчезновение в недрах шахты кажется больше, чем трагической судьбой, – добровольным переходом в иной мир.

В 1881 году вышел в свет роман «Семья Малаволя». Сюжет романа рассказывает о семье рыбаков (Малаволя), которые пытаются улучшить свое состояние благодаря торговле люпином. Но их лодка «Провиденс» (Провидение), перегруженная, идет ко дну; погибает Бастианаццо. Все заботы о семье ложатся на плечи его отца – падрона Нтони: он вынужден заботиться не только о вдове (Лонга), но и о пяти внуках (Нтони-мл., Лука, Алесси, Мена, Лиа).

Работы становятся все больше, но все их усилия тщетны. В счет долга за люпин они лишаются «Дома с мушмулой» (*casa del Nespolo*), который дорог Малаволя как священный символ семьи. Невзгоды обрушиваются на них. Люк умирает в битве при Лиссе; Лонгу забирает холера; Нтони, надломленный страданиями, заканчивает жизнь в тюрьме; Лиа потеряна; падрон Нтони умирает в больнице. Только Алесси после стольких несчастий сможет выкупить «Дом с мушмулой» и восстановить вокруг него новую семью, в которой также будет жить его сестра Мена, отказавшаяся от своей любви.

Но сюжет не дает четкого представления о романе. На фоне этих событий живет все население страны, со своими тревогами и страданиями, обидами, сплетнями, любовью и жадностью толпы, образующей огромный хор, и это атмосфера, в которой действуют, сражаются и страдают члены семьи Малаволя.

Хор и главные герои неразделимы не только в архитектуре романа, но и в воображении Верги, потому что на фоне страны и ее народа представляют собой «земную реальность», в которой живут люди. Автору необходимо погрузить своих персонажей в мирскую реальность, где никто никогда не бывает полностью свободен или одинок, где каждый окружен толпой таких же людей, как он сам.

Видение Дж. Верга глубоко пессимистично: он созерцает спектакль под названием «жизнь», не имея уже веры Мандзони в Провидение, озаряющее жизнь, не считая, что новая социальная структура и постепенный прогресс могут изменить существование людей. Именно поэтому его печаль глубока и горька [9].

Но, с другой стороны, те люди, которые неутомимо принимают жизнь, борьбу и труд, воспеты на ее героических страницах, маленькие, но стойкие перед лицом суровой действительности. В программе, которую Верга обрисовал в предисловии к роману «Семья Малаволя», он предложил создать цикл романов, показывающий «желание и страсть, из которых проистекает жизнь». Цикл должен был называться «Побежденные» и включал в себя

помимо «Семьи Малаволья» и «Дона Джезуальдо» еще три романа, которые Верга так никогда и не написал: «Герцогиня Лейры», «Достопочтенный Сципиони», «Человек роскоши», – где хотел изобразить одно и то же поражение героев, принадлежащих к разным социальным слоям. На самом деле, с позиций Верги, уже с первого романа цикла становится понятно, что больше нет ни победителей, ни побежденных: все люди, несмотря на внешнюю видимость, одинаково терпят поражение от жизни.

Единственная ценность, которая остается, – это скромное героическое достоинство, с которыми человек принимает свою судьбу, без бесполезного бунта и трусости: суровое достоинство рыбаков Ачитреццы или дона Джезуальдо, их «героическое смирение».

Мир «Дона Джезуальдо» более разнообразен, чем героев «Семьи Малаволья», и он разнообразнее, так как имеет более сложную социальную структуру: плебеи, дворяне, буржуа и человек, который стал самим собой, то есть главный герой [1]. Но Верга полон мрачного пессимизма и здесь.

Центральный миф касается теперь не семьи, а богатства, заработанного тяжким трудом и самопожертвованием.

Новый главный герой, наделенный более сильной личностью и энергией, чем персонажи «Семьи Малаволья», – дон Джезуальдо, выходец из народа, упорно борющийся за богатство. Для него имущество – это «последняя отчаянная форма, с которой человек ищет свое бессмертие», «символ той созидательной работы, которая остается после нас».

Но Джезуальдо тоже оказывается в числе проигравших и сам способствует краху своей мечты. «Мастер», который тщетно пытается стать «доном», бывший простолюдин, которому не удастся стать одним из «господ». В какой-то момент он терпит поражение в погоне за мечтой и остается в полном одиночестве.

Чтобы подняться и увеличить свою власть, он женится на Бьянке, обедневшей дворянке, но она остается холодна и далека от него, а дочь презирует скромное происхождение отца. В конце концов, она выйдет замуж за благородного неаполитанца, который только и жаждал богатства своего тестя, а Джезуальдо умрет, созерцая плоды своих усилий, одинокий и презираемый.

Шедевры Дж. Верга являют собою нечто более, нежели повествование. Кажется, что сами герои разговаривают, выражая свою душу, живя и действуя в новом сценарии. Писатель не вмешивается и не комментирует события, отделяя себя от своего творения. Язык настраивается в максимально возможной степени на земную реальность, приобретает кажущуюся простоту, автор избегает литературных приемов.

Оригинальности изображаемого мира соответствует оригинальность стиля автора – антиакадемического, нехудожественного, простого и элементарного, как психологические реакции главных героев и их способ воспринимать события. Язык Верги интимно-диалектный, не столько в лексике, сколько в синтаксисе и образах, которые отражают преимущественно эмоциональный, интуитивный внутренний дискурс простых героев из народа.

Писатель, особенно в романе «Семья Малаволья», также, кажется, является частью этого смиренного хора, голосом, повествующим об однообразной и безжалостной истории их судьбы.

Грустная история, оттеняемая пейзажами, представляющими видения пустынной и засушливой земли, моря, неизменного в своем вечном гуле, плодородные поля, обремененные, трудом усталых и болезненных людей; видения внезапно открывающегося ясного неба, звездных ночей, которые, кажется, на мгновение подают надежду на счастье, однако после человек снова оказывается в своем пустынном уединении.

Проза Верги представляет собой финал эпопеи, столь трагической и болезненной для ее героев.

Литература

Каторова А.А., Бороненкова Я.С.
Эволюция итальянского романа (по материалам работ
Клоринды Ди Фини), часть 2
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 14-31.
doi: 10.17759/langt.2017040203

Katorova A.A., Boronenkova Y.S.
The evolution of the Italian novel (based on
the works of Clorinda Di Fini), part 2
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no 2, pp. 14-31.
doi: 10.17759/langt.2017040203

1. *Андреев М.Л.* Литература Италии: Темы и персонажи. М.: РГГУ, 2008. 409 с.
2. *Володина И.П.* Итальянская традиция сквозь века: Из истории итальянской литературы XVI-XX веков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 262 с.
3. *Елизарова М.Е.* История зарубежной литературы XIX века. М.: Просвещение, 1972.
4. История становления романа [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/771051/literatura/istoriya_formirovaniya_romana_zhanra_hudozhestvennoy_literatury_vidy_romana (дата обращения: 24.10.2016).
5. *Кожин В.В.* Происхождение романа: Теоретико-исторический очерк. М: Советский писатель, 1963. 440 с.
6. *Курдина Ж.В., Модина Г.И.* История зарубежной литературы XIX века. Романтизм: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 208 с.
7. *Ладыгин М.Б.* Романтический роман: Пособие по спецкурсу. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1981. 140 с.
8. Обрученные: повесть из истории Милана XVII века / А. Мандзони; пер. с ит., под ред. Н. Георгиевская, пер. с ит., под ред. А. Эфрос, послесл. А. Штейн. М.: ТЕРРА - Кн. клуб, 1999. 536 с.
9. *Полухтова И.К.* История итальянской литературы XIX века. М.: Высшая школа, 1970. 206 с.
10. *Galens, D.* World Literature and Its Times: Italian Literature and Its Times. Publisher: Gale, 2005. 576 p.
11. Immagini della vita e dei tempi di Alessandro Manzoni (a cura di M. Parenti), Firenze, Sansoni, 1973. 233 p.
12. *Lanfranco, C.* Manzoni. Ideologia e stile. Einaudi, Torino 1975, 314 p.

The evolution of the Italian novel (based on the works of Clorinda Di Fini), part 2

Clorinda Angela Silvana Di Fini,
graduate in classics

Katorova A.A.,
*PhD (Pedagogy), Senior lecturer, Chair of Linguistics and Intercultural Communication,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, bekbay242@mail.ru*

Boronenkova Y.S.,
*PhD (Philosophy), the master student of the "Foreign Languages" faculty of MSUPE, Moscow,
Russia, janina.st@rambler.ru*

The article deals with the evolution of the Italian novel in different literary and historical periods, starting with the epic poem of Antiquity up to the historical novel ("The Betrothed" by Alessandro Manzoni) and the social novel ("The House by the Medlar-Tree" and "Mastro-don Gesualdo" by Giovanni Verga). Based on the works of Italian philologist Clorinda Di Fini, the article shows how the focus of narrative shifts from the fate of the upper classes to the lives of ordinary people in a larger historical context, as well as the author's position in the novel moves towards impersonality and objective reflection on social problems.

Keywords: historical novel, social novel, Alessandro Manzoni, "I Promessi Sposi" ("The Betrothed"), Giovanni Verga, "I Malavoglia" ("The House by the Medlar-Tree"), "Mastro-don Gesualdo".

References

1. *Andreev, M.L.* Literatura Italii: Temy i personazhi. M.: RGGU, 2008. 409 s.
2. *Volodina, I.P.* Ital'yanskaya tradiciya skvoz' veka: Iz istorii ital'yanskoj literatury XVI-XX vekov. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 262 s.
3. *Elizarova, M.E.* Istoriya zarubezhnoj literatury XIX veka. M.: Prosveshchenie, 1972.
4. Istoriya stanovleniya romana [Elektronnyj resurs]. URL: http://studbooks.net/771051/literatura/istoriya_formirovaniya_romana_zhanra_hudozhestvennoy_literatury_vidy_romana (data obrashcheniya: 24.10.2016).
5. *Kozhinov, V.V.* Proiskhozhdenie romana: Teoretiko-istoricheskij ocherk. M: Sovetskij pisatel', 1963. 440 s.
6. *Kurdina, ZH.V., Modina, G.I.* Istoriya zarubezhnoj literatury XIX veka. Romantizm: Uchebnoe posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. 208 s.

Каторова А.А., Бороненкова Я.С.
Эволюция итальянского романа (по материалам работ
Клоринды Ди Фини), часть 2
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 14-31.
doi: 10.17759/langt.2017040203

Katorova A.A., Boronenkova Y.S.
The evolution of the Italian novel (based on
the works of Clorinda Di Fini), part 2
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no 2, pp. 14-31.
doi: 10.17759/langt.2017040203

7. *Ladygin, M.B.* Romanticheskij roman: Posobie po speckursu. M.: Mosk. gos. ped. in-t im. V. I. Lenina, 1981. 140 s.
8. *Obruchennye: povest' iz istorii Milana XVII veka / A. Manzoni; per. s it., pod red. N. Georgievskaya, per. s it., pod red. A. Ehfros, poslesl. A. Shtejn.* M.: TERRA - Kn. klub, 1999. 536 s.
9. *Poluyahtova, I.K.* Istoriya ital'yanskoj literatury XIX veka. M.: Vysshaya shkola, 1970. 206 s.
10. *Galens, D.* World Literature and Its Times: Italian Literature and Its Times. Publisher: Gale, 2005. 576 p.
11. *Immagini della vita e dei tempi di Alessandro Manzoni (a cura di M. Parenti),* Firenze, Sansoni, 1973. 233 p.
12. *Lanfranco, C. Manzoni.* Ideologia e stile, Einaudi, Torino 1975, 314 p

О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым)

Дергачева И.В.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
DergachevaIV@mgppu.ru*

Дергачев В.В.,

заместитель редактора отдела политика/общество при Медиахолдинг «РосБизнесКонсалтинг, Москва, Россия, vdergachoff@gmail.com

В статье рассматривается полемический дискурс А.С. Норова, героя войны 1812 года, который он ведет с Л.Н. Толстым с точки зрения непосредственного участника сражений с Наполеоном. Анализируя описание событий Отечественной войны 1812 года в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», А.С. Норов противопоставляет их описанию, выполненному героем войны 1812 г. Ермоловым. Авторы статьи высказывают предположение, что полемика А.С. Норова с точкой зрения Л.Н. Толстого на движущие силы в войне 1812 года не была бы столь острой, если ее рассматривать в категориях литературоведения, как полемический дискурс произведения с художественным вымыслом (роман Л.Н. Толстого) с произведением документальным, где вымысел исключается (произведения А.С. Норова).

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., А.С. Норов, Л.Н. Толстой, художественный вымысел, полемика, философия истории, военные баталии.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Дергачев В.В. О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым) [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Dergacheva_Dergachev.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040204

For citation:

*Dergacheva I.V., Dergachev V.V. On the criterion of the adequacy of artistic fiction in depicting the Patriotic War of 1812 (to the question of the controversy of AS Norov with Leo Tolstoy) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Dergacheva_Dergachev.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040204*

Известно, что «вымысел художественный – средство создания художественных образов: присущая только искусству форма воссоздания и отображения жизни в сюжетах и образах, не имеющих прямой соотнесенности с реальностью. Мера вымысла художественного в произведении может быть различна: существует "установка" на вымысел, но существуют и документальные произведения, где вымысел исключается» [1].

Очевидно, что вымышленный объект не может обладать никакими другими свойствами, помимо тех, с которыми он был создан. Следовательно, вымышленные объекты остаются полностью нереальными, они занимают свою собственную, совершенно отдельную

от действительного мира область. Между миром художественного вымысла и реальными миром порою лежит пропасть.

Согласно философии истории Льва Толстого, выраженной, в частности, в романе «Война и мир», основную роль в развитии исторического процесса играют народные массы. Поэтому постижение исторических законов возможно лишь в процессе изучения жизни народа, чья роль в романе показана при описании войны с Наполеоном в 1812 г. Еще в незаконченном романе «Декабристы», из которого впоследствии выросла «Война и мир», Толстой вложил в уста главного героя Петра Лабазова, дворянина, такие слова: «Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе». В «Войне и мире» эта мысль получила развернутое выражение. У Толстого Наполеона победил простой народ. В войне 1812 г. решался вопрос о судьбе отечества, и народ это понимал. По словам Толстого, «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта достигалась, во-первых, сама собою, так как французы бежали, и потому следовало только не останавливать это движение. Во-вторых, цель эта достигалась действиями народной войны, уничтожавшей французов, и, в-третьих, тем, что большая русская армия шла следом за французами, готовая употребить силу в случае остановки движения французов» [3]. Один рядовой солдат в романе выражает настроение русской армии накануне Бородина: «Всем народом навалиться хотят, одно слово Москва. Один конец сделать хотят» [3]. Единение с народом в эти мгновения ощущают и главнокомандующий Кутузов, и находящиеся на Бородинском поле главные герои романа Андрей Болконский и Пьер Безухов. «Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что высшим по положению русским людям казалось почему-то стыдным драться дубиной... дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотою, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие» [3].

Толстой выделяет роль Кутузова как вождя народной войны с Наполеоном: «Действия его — все без малейшего отступления, все направлены к одной и той же цели, состоящей в трех делах: 1) напрячь все силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облекая, насколько возможно, бедствия народа и войска....

Но каким образом тогда этот старый человек, один в противность мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему? Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его.

Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтоб убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасти и жалеть их» [3].

А.С. Норов одним из первых опубликовал критическое исследование романа Л.Н. Толстого с исторической точки зрения, точнее, с точки зрения непосредственного участника сражений с Наполеоном. В Отделе рукописей РГБ в Ф. 201 под № 75 хранится писарский список 1868 г. с правкой А.С. Норова и подписью-автографом на 95 страницах (48 п.л.): «"Война и мир" (1805–1812 г.) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (По поводу сочинения гр. Л.Н. Толстого "Война и мир") Авраам Норов. Павловск. 1868 г. сентября 8-го». В том же году это произведение было опубликовано в Санкт-Петербурге [2].

А.С. Норов сразу в начале своей статьи отмечает, что не только он был разочарован описанием военных баталлий, предпринятым Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»: «Читатели,

которых большая часть, как и сам автор, еще не родились в описываемое время, но ознакомленные с ним с малолетства, по читанным и слышанным ими рассказам, поражены при первых частях романа сначала грустным впечатлением у представленного им в столице пустаго и почти безнравственного высшего круга общества, но вместе с тем имеющего влияние на правительство, а потом отсутствием всякого в военных действиях и едва не отсутствием военных доблестей, которыми всегда так справедливо гордилась наша армия» [2, с.1]. Получивший известность в обществе роман Л.Н. Толстого вызвал много вопросов и горьких недоумений у современников: «Читая эти грустные страницы, под обаянием прекрасного, картинного слога, вы надеетесь, что ожидаемая вами блестящая эпоха 1812 года изгладит эти грустные впечатления, но как велико разочарование, когда вы увидите, что громкий славою 1812 год, как в военном, так и в гражданском быту, представлен вам мыльным пузырем, что целая фаланга наших генералов, которых боевая слава прикована к нашим военным летописям, и которых имена переходят доселе из уст в уста нового военного поколения, составлена была из бездарных, слепых орудий случая, действовавших иногда удачно, и об этих даже их удачах говорится только мельком, и часто с ирониею. Неужели таково было наше общество, неужели такова была наша армия, спрашивали меня многие?» [2, с.1-2]. Если бы книга была писана иностранцем, замечает далее А.С. Норов, ее многие приняли бы за произведение, написанное по воспоминаниям частных лиц, субъективным и не всегда верным. Но, раз книга писана русским писателем, причем не названа им романом, хотя и воспринимается таковым читателем, то у людей по ее прочтении возникает разная реакция – некоторые стараются сравнить описание с документальными источниками и даже «поговорить с небольшим числом оставшихся очевидцев великих отечественных событий», другие, не имеющие на это времени, «не так могут взглянуть на нее». А.С. Норов, будучи сам участником великих событий, «не мог без оскорбленного патриотического чувства дочитать этот роман, имеющим претензию быть историческим, и, не смотря на преклонность лет моих счел как бы своим долгом написать несколько строк в память моих бывших начальников и боевых сослуживцев» [2, с. 2].

«Не отступая от строгой исторической истины, всякий безпристрастный писатель отнесет всю неудачу кампании 1805 года к австрийцам. Еслиб Мак с 70,000 армией не положил оружия, еслиб Мерфельдт и Ностиц не сделали почти того-же самага, то даже без соединения с войсками эрцгерцогов успех кампании мог быть довольно верен под начальством такого вождя, каким был Кутузов. Герой романа графа Толстаго, князь Болконской, присутствует почти во все время славной ретирады Кутузова от Браунау, и автор имел случай выказать подвиги нашей армии» – пишет А.С. Норов. Однако, продолжает он далее, «во всем романе графа Толстаго князь Болконской гораздо умнее и Кутузова, и Багратиона, и всех наших генералов. Найдете ли вы там славную битву Багратиона и Милорадовича под Амштетеном, где эти два Суворовские генерала воодушевляли другъ друга памятью Требии и Нови, и где Милорадович прозвал своих апшеронцев: „се sont des crânes” ,) (щеголяя французским языком, который он плохо знал)? Битва под Амштетеном останется в военной истории как одна из самых яростных, где русский штык истинно ознаменовал себя. Посмотрите же как граф Толстой отозвался о том: „Были дела при Ламбахе, Амштетене и Мельке; но несмотря на храбрость и стойкость, признаваемая самим неприятелем, с которыми дрались русские, последствием этих дел было только еще быстреее отступление” — только что не сказано бегство! Но какое же это было отступление? Никакия силы французов не могли не только сломить, но даже и разстроить наш арриергард. Это отступление, по глубоко-обдуманному плану, спасало всю армию и было доведено до конца с полным успехомъ чрез соединение с

армией, шедшею из России до катастрофы аустерлицкой, где уже не Кутузов, а гофскригсрат и гадкие проектеры, как говаривал Суворов, сделались главнокомандующими» [2, с. 5-6].

О битве при Шенграбене А.С. Норов пишет, что «этой битвой князь Багратион воздвиг себе монумент, который обережет навсегда военная история. В пылу боя, при неизменном хладнокровии, он своею распорядительностью умел всегда удержать своим присутствием стройное отступление, приготавливая заблаговременно прикрытие отступающим, и дать им время устроиться от понесенных потерь». И далее возмущается: «Разверните теперь романический рассказ графа Толстаго: он живописен, и так сказать пахнет порохом; но не прискорбно ли видеть, что такой отличный талант автора принял ложное направление? Узнаёте-ли вы в этомъ рассказе славную личность Багратиона, как полководца? вы тут видите в нем ничем не развлекаемого храбреца, объезжающего ряды войск под градом пуль, кивающего головой и говорящего: „хорошо“ на все делаемыя ему донесения, хотя бы это было и нехорошо... И князь Болконский „к удивлению замечал, прислушиваясь к разговорам князя Багратиона с начальниками, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями“. Весь успех дня, по его мнению, выраженному им самому полководцу, принадлежал батарее капитана Тушина (которой действие, между прочим, мастерски описано), и князь Болконский принужден был обратить внимание князя Багратиона на этого храброго батарейнаго командира, который даже не замечен князем Багратионом, не удостоившим его никакимъ спасибо. Перед началом сражения, князь Болконский с батареи Тушина начертывал искусный план предстоящаго сражения, и этим как-бы намекается, что таким-то образом следовало бы действовать, если б он был тут главнокомандующим, а не князь Багратион... И это очевидно, потому что, впоследствии, ход сражения был несогласен с стратегическими соображениями Болконскаго, тем более, что князь Багратион, во время сражения, давал важнейшия поручения преимущественно своему личному адъютанту Жаркову, который оказывается трусом и не доезжает ни до одного из угрожаемых пунктов, не передавая таким образом приказания Багратиона» [2, с.10-11].

А.С. Норов в сердцах восклицает: «Сколько вдохновительных строк могли бы излиться из под искуснаго пера графа Толстаго, еслиб он описал присоединение оставшихся из четырех тысяч двух тысяч героев Багратиона...». Но, с горечью констатирует он далее « Вот так выразился об этом граф Толстой: „На другой день французы не возобновляли нападения, и остаток Багратионова отряда присоединился к армии Кутузова“. Стараясь сохранять спокойствие при описании столь близких его сердцу событий, А.С. Норов не может удержаться от использования негативно маркированной лексики «Можно ли не возмутиться... Настает Аустерлиц... но я не хочу тут следовать за графом Толстым. Мое перо не будет растравлять раны русскаго сердца...Нельзя не выписать цинических слов романиста...»[2, с.11-12].

Возвращаясь к событиям 1812 года, А.С. Норов противопоставляет их описание, выполненное героем войны 1812 г. Ермоловым, описанию Толстого: «Вот и 1812 год. Ермолов начинает свои записки так: „Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов!“ Посмотрим, какие эпизоды этой чудной народной эпопеи представил нам граф Толстой, и как он их представил» [2, с.12]. Увы, и в описаниях военных событий 1812 года Толстой неточен и предвзят: « Можно было безответственно называть и заставлять говорить по-своему князя Андрея Болконскаго, Безухова или Ростова, но без положительных фактов ставить на сцену, как мы видели в первых томах, Кутузова, Багратиона, а теперь великаго князя Константина Павловича, Румянцова и других, как мы увидим далее, едва ли позволительно какому бы то ни было талантливому

автору» [2, с.13]. «Разговор Наполеона с Балашевым смешон... Кто знал канцлера Румянцова, тот также не вложит в его уста, или в его мысли, то, что высказал граф Толстой» [2, с.15], – таковы характеристики труда Толстого.

Участник военных действий и блистательный ученый, А.С. Норов убедительно, с учетом всех подробностей, опровергает точность описания и самих военных баталий и исторических событий. Так, например, атаку павлоградцев следует перенести их сражения при Островне к сражению Торماسова при Городечне. Или «А как же это, по словам романиста, „Французы наткнулись на дивизию Неверовскаго“, тогда как князь Багратион, соединясь в Смоленске с Барклаем, немедленно отрядил дивизию Неверовскаго для наблюдения пути из Орши в Смоленск?.. Французы не могли не наткнуться на Неверовскаго. И кто-же на него наткнулся? Мюрат с кавалерийскими корпусами Груши, Нансути и Монбрёна, и наступающая вслед за ними пехотная колонна корпуса маршала Нея» [2, с.18-19].

Но более, нежели ошибки при описании военных событий, возмущают А.С. Норова превратные описания самих героев войны 1812 г.: «Мы не ставили бы на вид автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812 года, если бы он не выходил из рамки романа, не вставлял в нее военные эпизоды, облакая их стратегическими рассуждениями, рисуя боевые диспозиции, и даже планы баталий, давая всему этому характер исторический, и темъ вводя невольню в заблуждение, конечно не военных, но общество гражданское, гораздо более многочисленное и которому, не менее какъ и военным, дорога слава нашей армии» [2, с.22-23]. Особенно он критикует негативное отношение графа Толстого к Барклаю и Багратиону: «Можно ли читать без глубокого чувства оскорбления не только нам, знавшим Багратиона, да и тем, которые знают его геройский характер по истории, то, что позволил себе написать о немъ граф Толстой? Всем известно, что Багратион был противных мнений с Барклаем, что он и письменно, и словесно укорял его в ретираде, что он считал его немцем; но сам-то Багратион считал себя вполне русским, и мог ли этот доблестный воин решиться из нелюбви своей к Барклаю заслужить себе название изменника, избегая с умыслом, как то говорит граф Толстой, присоединиться с своей армией к Барклаю!.. Мог ли думать Багратион, что за все, принесенныя им жертвы отечеству своею кровью, геройский прах его будет потревожен таким неслыханным нареканием? Будемъ надеяться, что только в одном романе графа Толстаго можем мы встретиться с подобными оценками мужей нашей отечественной славы и что наши молодые воины, руководясь светочем военных летописей, к которым мы их обращаем, будут с благоговением произносить такие имена, как Багратион... Багратион, только под Бородином, смертельно раненый, будучи свидетелем геройских подвигов Барклая во время битвы, в то время, как доктор Виллие перевязывал ему рану, увидев раненаго Барклаева адъютанта Левенштерна, подозвал его к себе и поручил ему уверить Барклая в своем искреннем уважении» [2, с.17-18].

С сарказмом, совершенно для него нехарактерным, А.С. Норов уличает Толстого в его нежелании описывать «славные для русского оружия» сражения: «Конечно, романист не историк, и может приводить только те обстоятельства, которыя касаются его героев; вероятно оттого он ни слова не сказал о славных для русского оружия битвах графа Витгенштейна, о его победе под Клястицами, о победах под Кобрином и Городечною Торماسова, и даже о поражении генерала Себастиани казацкими полками атамана Платова при Молевом Болоте у Инкова» [2, с. 19].

Особенно удручает и возмущает А.С. Норова описание Л.Н. Толстым дворянского сословия: «Но какое сословие пощажено в романе графа Толстаго? Мы видели, как он обрисовывал наших полководцев и нашу армию; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Прочтите, как он описывает дворянское и купеческое

собрание в Москве при встрече Государя, прибывшего из Смоленска с воззванием к Своему народу. Эти сословия в романе графа Толстаго суть не иное что, как Панургово стадо, где, по мановению Ростопчина, плешивые вельможи-старики и беззубые сенаторы, проводившие жизнь с шутами и за бостоном, поддакивали и подписывали все, что им укажут. Не одно симбирское дворянство, а дворянство всей России исполнило не на словах, а на деле то, что было им определено: „Внимая гласу Монаршаго воззвания по случаю нашествия на отечество наше неприятелей, дворянство единогласно изъявило желание, оставя жен и детей своих, препоясаться всем до единого и идти защищать веру, Царя и дома, не щадя живота своего”» [2, с. 23]. А.С. Норов, герой войны 1812 года, написавший эту посвященную ей работу уже будучи в преклонном возрасте, апеллирует к памяти детей уже ушедших из жизни участников сражений: «Еще остались дети тех плешивых стариков-вельмож и беззубых сенаторов, которые также теперь беззубые и плешивые, но которые помнят, как их отцы и матери посылали их еще юношами одного на смену другому, когда первый возвращался на костылях, или совсем не возвращался, положив свои кости на поле битвы, и как их отцы, хотя плешивые, но помнившие Румянцова и Суворова, сами становились в главе ополчений. Их имена остались еще и останутся в наших летописях в укор их насмешникам...» [2, с. 23]. Эти люди являются еще живыми свидетелями героических событий и не позволят чернить их память пусть и художественным, но не соответствующим действительности вымыслом.

Норов сожалеет, что у графа Толстого не нашлось красок описать подвиг смолян, на которых свалились все тяготы войны – пожар и разрушение Смоленска, героические битвы русских войск под его стенами, геройский подвиг Энгельгардта и Шубина, расстрелянных французами за отказ принять у них административную должность и сделать воззвание к крестьянам о повиновении французам. Высокий подвиг смоленских дворян оказался не замеченный графом Толстым, в то время как он не забыт смолянами, поставившими Энгельгардту и Шубину памятник на том месте, где они были расстреляны.

Любопытен подмеченный во время вынужденного отступления от Москвы А.С. Норовым факт, что солдаты, читая на верстах, насколько они удаляются от Москвы, начинали страшно ругаться, в связи с чем версты пришлось заранее свозить с дороги. Само отступление русской армии он сравнивает с вынужденным неодолимою силою отступлением льва, выискивающего момент вновь кинуться на врага. Даже ропот отступающих русских воинов утих, поскольку они чувствовали, что «настанут торжественные дни кровавой развязки и отмщения». И лишь граф Толстой не мог понять, для чего необходимо было Бородинское сражение, считая его бессмысленным как для русских, так и для французов.

А.С. Норов возмущен рассказом Толстого о том, как Кутузов, принимая в Цареве-Займище армию, был занят более чтением романа г-жи Жанлис, нежели докладом дежурного генерала. «Конечно, тот, кто сообщил графу Толстому этот пикантный анекдот, буде он достоверен, либо не знал, либо не понимал Кутузова. И есть ли какое вероятие, что-бы Кутузов, ехавший прямо из Петербурга, напутствуемый своим монархом, всем населением столицы, а в продолжение пути всем народом, когда уже неприятель проник в сердце России, а он, с прибытием в Царево-Займище, видя перед собою все армии Наполеона и находясь накануне решительной, ужасной битвы, имел бы время не только читать, но и думать о романе г-жи Жанлис, с которым он попал в роман графа Толстаго?!» [2, с. 25].

Не принимает Норов и описание Толстым героя войны 1812 года гусара Дениса Давыдова в образе старого, усатого, пьяного буяна. Денис Давыдов, заверяет Толстого Норов, которого он хорошо знал, хотя и был усат, находился в цвете лет и не был ни старым, ни пьяным, и что он всегда принадлежал к высшему обществу.

Далее, при описании Бородинского поля, рассказ Норова становится все более персонифицированным: «И подлинно: для скольких тысяч из нас это место сделалось вечною стоянкою». Само сражение он описывает в качестве активного участника: «Я был тогда прапорщиком гвардейской артиллерии во второй легкой роте.... Разговоры наши заметно были серьезны; всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности». А.С. Норов подробно описывает все детали Бородинского сражения, нередко полемизируя с графом Толстым. Так, его возмущает, что Толстой выставил героем Бородина графа Безухова, схватившегося за шиворот с французом, умаляя подвиг Ермолова, выразившись о нем как о лице, приписавшем себе атаку в Бородинской битве, в то время как вся армия была свидетелем подвигу Ермолова, пошедшего вместе с людьми Перновского и Уфимским батальоном на штыки. При этом Норов старается быть объективным к роману Толстого и пишет, что «он в главах 33-35 прекрасно и верно изобразил общие фазисы бородинской битвы». Сам он подробно описывает все фазы Бородинского сражения вплоть до своего ранения.

Еще один из примеров субъективного подхода к описанию военачальников приведено в следующем отрывке из труда Норова: «Отсюда Кутузов, хотя он и жевал жареную курицу, послал своего адъютанта Граббе объехать ряды войск и сказать им, чтобы они готовились сражаться на другой день, тут же заставил Кайсарова написать таковой же приказ по армии, и не растерялся так, как его противник, гениальный Наполеон, который ни на что не решался. А граф Толстой, рисуя князя Кутузова под Бородином, говорит о нем тоже самое, что сказал о князе Багратионе под Шенграбеном: „он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему“» [2, с.47-48].

Повторив, что 33, 34 и 35 главы романа Толстого представляют в общем верную картину Бородинского сражения, Норов ставит ему в вину то, что «это картина бездействующих лиц (ибо, конечно, гг. Безухов и Болконский не суть таковыя); у него все делается невидимою силою, силою случая; что едва ли согласно с тем высоким назначением, которое дано Богом человеку в здешнем мире. Если нет деятелей, то нет и истории: все доблести тонут в пучине забвения, и всякое одушевление подражать этим доблестям исчезает» [2, с.46].

Описав сам глазами очевидца и активного участника Бородинского сражения события того времени, А.С. Норов советует читателям свериться с сочинениями о войне 1812 года, чтобы получить о ней объективное впечатление и возможность гордиться своими героическими предками.

Представляется возможным предположить, что полемика А.С. Норова с точкой зрения Л.Н. Толстого на движущие силы в войне 1812 года не была бы столь острой, если бы ее возможно было рассматривать в категориях литературоведения, а именно, как полемику произведения с художественным вымыслом (роман Л.Н. Толстого) и произведения документального, где вымысел исключается (произведения А.С. Норова).

Литература

1. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. М., 2005.
2. *Норов А.С.* «Война и мир» (1805-1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: По поводу сочинения графа Л.Н.Толстого «Война и мир». СПб., 1868.
3. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 8 томах. Т.3, 4. М., 1996.

Дергачева И.В., Дергачева В.В.

О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым)

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 32–39.

doi: 10.17759/langt.2017040204

Dergacheva I.V., Dergachev V.V.

On the criterion of the adequacy of artistic fiction in depicting the Patriotic War of 1812 (to the question of the controversy of AS Norov with Leo Tolstoy)

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no 2, pp. 32–39.

doi: 10.17759/langt.2017040204

On the criterion of the adequacy of artistic fiction in the image of the Patriotic War of 1812 (to the question of the controversy of A.S. Norov and Leo Tolstoy)

Dergacheva I.V.,

Full PhD of philology, professor in Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, DergachevaIV@mgppu.ru

Dergachev V.V.,

Deputy Editor of the politics and society department at the RBC Media holding, Moscow, Russia, vdergachoff@gmail.com

The article deals with the polemical discourse of A.S. Norov, who was the hero of the war 1812, which he leads with Leo Tolstoy from the point of view of the direct participant in the battles with Napoleon. Analyzing then description of the events of the Patriotic War of 1812 in the novel of Leo Tolstoy "War and Peace", A.S. Norov opposes them to a description which was made by the hero Yermolov of the war of 1812. The authors speculate that the polemics of A.S. Norov with the Leo Tolstoys' point of view to the driving forces in the war of 1812 would not be so acute if it is considered in the categories of literary criticism, as a polemical discourse of the work with artistic fiction (the novel by Leo Tolstoy) with a work of documentary where fiction is excluded (works by A.S. Norov).

Keywords: The Patriotic War of 1812, A.S. Norov, L.N. Tolstoy, artistic fiction, polemics, the philosophy of history, military battles.

References

1. *Belokurova S.P.* Slovar' literaturovedcheskih terminov. M., 2005.
2. *Norov A.S.* «Vojna i mir» (1805-1812) s istoricheskoy tochki zreniya i po vospominaniyam sovremennika: Po povodu sochineniya grafa L.N.Tolstogo «Vojna i mir». SPb., 1868.
3. *Tolstoj L.N.* Sobranie sochinenij v 8 tomah. T.3, 4. M., 1996.

Концепт «душа» в языковой картине мира обучающегося

Мулина М.П.,

бакалавр, факультет русской филологии,

Московский государственный областной университет, Москва, Россия,

mylehkin@mail.ru

В статье рассматривается концепт «душа» с методической точки зрения: эффективность его анализа на уроке русского языка для формирования языковой, коммуникативной и культуроведческой компетенций в 5 классе при изучении темы «Фразеологизмы». Автор показал, что с помощью комплексного анализа концепта «душа» продуктивно формировать системное мышление у учащихся, а также научить их пользоваться коммуникативно-эстетическими средствами русского языка. Сакцентировано внимание на том, как важно показать обучающимся «загадочную русскую душу» в восприятии иностранцев, в языках которых не существует такого количества значений со словом «душа».

Ключевые слова: концепт, душа, русская душа, метод обучения и воспитания, коммуникативно-эстетические средства русского языка, контекст, языковая картина мира обучающегося.

Для цитаты:

Мулина М.П. Концепт «душа» в языковой картине мира обучающегося [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Mulina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040205

For citation:

Mulina M.P. Concept «soul» in the language picture of the pupils' world [Elektronnyy resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Mulina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040205

Если спросить любого русскоязычного обучающегося, что может «делать» душа, у него не вызовет проблему назвать эти действия: «болеть», «отдыхать», «уходить в пятки» [12, С. 277 – 279]. И, действительно, на что только не способна русская душа! Её можно «мотать» и «вымотать», «перевёртывать (переворачивать) перевернуть (всю)», «изливать (излить)», «отвести», «мутить (рвать)», «отпустить на покаяние» [12, С. 277 – 279]. Представляется разумным уделить внимание слову-концепту «душа» именно на уроке изучения темы «Фразеологизмы» в 5 классе. Конечно, учащиеся знакомы со многими фразеологизмами, в которых содержится слово-концепт «душа», многие им понятны. Однако для полного уяснения самого слова-концепта «душа» необходимо прежде всего усвоение учащимися лексических значений этого слова по толковому словарю. Ведь именно различные значения обеспечивают богатую палитру устойчивых выражений в русском языке. К примеру, в «Толковом словаре русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой содержится шесть значений слова «душа». Для построения целостной, не «разомкнутой» коммуникативной «цепи» необходимо, чтобы учащийся умел разграничивать основное номинативное значение «Внутренний, психический мир человека, его сознание» от другого, допустим: «То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами» [8, С. 183]. И «душу нараспашку» («душу нараспашку и язык на плечо») [5, С. 730.] от «доброй, низкой души» [8, С. 183] соответственно. Читая художественную литературу, обучающийся

часто сталкивается с таким значением «души»: «В религиозных представлениях: сверхъестественное, бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти» [8, С. 183]. Например: «Никогда я так ясно не ощущал, что душа моя бессмертна, и в то же время никогда с такою определённою не сознавал, до какой степени может быть беспомощною, бессильною моя бессмертная душа!» [11] В качестве пропедевтики не лишним будет знакомство с таким значением слова душа, как: «В царской России: крепостной крестьянин» [8, С. 183], которое встретится учащемуся при изучении «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя. В разговорной речи нередко учащийся слышит о том или ином человеке такие слова, как «душа компании» или «душа всего дела». Поэтому полезным будет его знакомство с соответствующим этим примерам переносным значением слова «душа»: «Вдохновитель чего-нибудь» [8, С. 183]. Также часто, открыв дверь и не обнаружив никого в помещении, мы говорим, что в доме (комнате, кабинете, аудитории) ни души. Этот пример соответствует значению: «О человеке (в устойчивых сочетаниях)» [8, С. 183]. Интересным и увлекательным заданием для обучающихся будет определение с помощью толкового словаря, в каком лексическом значении употреблено слово «душа» в том или ином примере. Причём примеры лучше всего приводить из художественной литературы, которая имеет бесконечную и яркую вереницу образов. Так, например, «Внутренний психический мир» подразумевается в предложении: «Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом...» [6], «судорога Душу скрючила» [4] или «Интересно отметить, что душа Маргариты находилась в полном порядке» [2]. Крайний пример также полезно привести при изучении составного именного сказуемого. Значению «То или иное свойство характера» соответствует пример: «Это была русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара» [13]. Это задание позволит учащимся осознать ключевую роль контекста. Также уместно показать обучающимся разграничение между словами «дух» и «душа», наблюдающееся в религиозной литературе, религиозном мировоззрении. Если «дух – это субстанция, содержащая чувство Божества – совесть и ничем неудовлетворимость», то «душа – низшая сила, назначенная на ведение дел земной жизни» [9, С. 825]. Не лишним будет обратиться к «Школьному словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова, чтобы проследить словообразовательную парадигму со словом «душа». Попробовать подобрать синонимы и антонимы. «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова под редакцией Л. А. Новикова предлагает оппозицию «душа – плоть (устар.)» [7, С. 85]. Т.о., противопоставляется нематериальное и материальное начало. Обучающимся можно предложить подумать над вопросом: всегда ли понятие «душа» является чем-то неосязаемым, нематериальным? Такие примеры, как: «Душа не на месте. Душа почернела. Душа продрогла. Душа пузыри пускает» [5, С. 730] доказывают обратное.

Рационально ли посвящать время анализу слова-концепта «душа» на уроке? Ещё как! Комплексный анализ является отличным способом формирования системного мышления учащихся, а также такого предметного результата, как «использование коммуникативно-эстетических возможностей русского языка» [10]. Кроме того, можно обратить внимание на «загадочную русскую душу» в восприятии иностранцев, в языках которых не существует такого количества значений со словом «душа». Так, во французском и английском языке при переводе художественных текстов русских авторов, слово «душа» часто заменяется на «сердце» (анг. «heart», фр. «coeur») [3]. «Душа» волновала и волнует отечественных поэтов, писателей, мыслителей. Н. А. Бердяев в книге «Судьба России» размышляет о «русской душе» через призму общественно-исторического развития общества, причудливым образом соотнося её «наполнение» с географическим фактором. Именно просторы России, по мнению Бердяева, породили в русской душе такие пороки, как «русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности» [1]. Многострадальная судьба Родины

«подтолкнула» философа даже к такой мысли, что «русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами», она «ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработывает её». И пусть, «гений формы – не русский гений», однако то обстоятельство, что «формы русского государства делали русского человека бесформенным» позволило «духовной энергии русского человека войти внутрь, в созерцание, в душевность». И сами просторы страны уже рассматриваются с внутренней точки зрения – «как внутренний, духовный факт в русской судьбе». Это уже – «география русской души». А она необыкновенно богата, чему доказательством может служить обширный пласт фразеологизмов и пословиц, существующих в русском языке. В приведённом выше контексте понятие «русская душа» синонимично психологии русского человека или же русскому национальному характеру, его ментальности. Осознание учащимся богатства языковых воплощений слова-концепта «душа» благоприятно повлияет на формирование представления о русском языке, народе, который имеет такую всеобъемлющую душу.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/193878-sudba-rossii.html> (дата обращения: 12.05.2017).
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс] URL: <http://masterimargo.ru/book.htm> (дата обращения: 12.05.2017).
3. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/99688/Visson_-_Russkie_problemy_v_angliiskoi_rechi.html (дата обращения: 12.05.2017).
4. Есенин С. А. Страна негодяев [Электронный ресурс] URL: <http://esenin-poet.ru/strana-negodyaev/> (дата обращения: 12.05.2017).
5. Зимин В. И. Словарь-тезаурис русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с.
6. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени [Электронный ресурс] URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/lermontov/geroi.txt&page=5> (дата обращения: 12.05.2017).
7. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: около 2500 антонимических пар / М. Р. Львов ; под ред. Л. А. Новикова. – [5-е изд., испр. и доп.]. – М. АрсисЛингва :Вентана-Граф, 1996. – 479 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
9. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2.- Спб. Издательство П.П. Сойкина, 1992. – 2464 с.
10. Приказ от 17 декабря 2010 г. № 1897 об утверждении Федерального Государственного Образовательного Стандарта основного общего образования [Электронный ресурс] URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xnp1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/543> (дата обращения: 12.05.2017).
11. Салтыков-Щедрин. М. Е. Дневник провинциала в Петербурге [Электронный ресурс] URL: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_10/01text/0319.htm (дата обращения: 12.05.2017).
12. Словарь фразеологических синонимов русского языка/ А К Бирих, В. Н. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. Н. Мокиенко. –М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.

Мулина М.П.
Концепт «душа» в языковой картине мира обучающегося
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 40-44.
doi: 10.17759/langt.2017040205

Mulina M.P.
Concept «soul» in the language picture of
the pupils' world
LanguageandTextlangpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 40-44.
doi: 10.17759/langt.2017040205

13. Тургенев И. С. Ася [Электронный ресурс] URL:
<http://www.klassika.ru/read.html?proza/turgenev/asja.txt&page=2> (дата обращения:
12.05.2017).

Concept «soul» in the language picture of the pupils' world

Mulina M.P.,

Bachelor, faculty of Russian philology, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, mylehkin@mail.ru

The article deals with the concept of «soul» from the methodological point of view: the effectiveness of its analysis at the Russian language lessons for the formation of linguistic, communicative and cultural competences in fifth class while studying the topic «Phraseologisms». The author shows that the complex analysis of the concept «soul» forms systemic thinking among pupils effectively and also teaches them to use the communicative and aesthetic means of the Russian language. The author emphasized that attention to the fact that it is important to explain to pupils the «mysterious Russian soul» in the perception of foreigners, because in their languages there's not so much meanings of the word «soul».

KeyWords: concept, soul, Russian soul, the method of training and edication, the communicative and aesthetic means of the Russian language, context, the language picture of the pupils' world.

References

1. Berdyaev N. A. The fate of Russia [Electronic resource] URL: <http://e-libra.ru/read/193878-sudba-rossii.html> (reference date: 05/12/2017).
2. Bulgakov M. A. Master and Margarita [Electronic resource] URL: <http://masterimargo.ru/book.htm> (reference date: 05/12/2017).
3. Visson L. Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures [Electronic resource] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/99688/Visson_Russkie_problemy_v_angliiskoi_rechi.html (reference date: 05/12/2017).
4. Yesenin S. A. Land of Scoundrels [Electronic resource] URL: <http://esenin-poet.ru/strana-negodyaev/> (reference date: 05/12/2017).
5. Zimin V. I. Dictionary of thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions M. AST-PRESS KNIGA, 2008. –736 p.
6. Lermontov M. Yu. A Hero of Our Time [Electronic resource] URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/lermontov/geroi.txt&page=5> (reference date: 05/12/2017).
7. Lvov MR Dictionary of the antonyms of the Russian language: about 2500 anthonymic pairs/ M. R. Lvov; edited by L. A. Novikova. – [5 th ed., rev. and additional.]. - M. Arsis Lingua: Ventana-Graf, 1996. – 479 p.

Мулина М.П.

Концепт «душа» в языковой картине мира обучающегося
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 40-44.
doi: 10.17759/langt.2017040205

Mulina M.P.

Concept «soul» in the language picture of
the pupils' world
LanguageandTextlangpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 40-44.
doi: 10.17759/langt.2017040205

8. Ozhegov SI, Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language Moscow: Azbukovnik, 1998. 944 p.
9. Full Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary. T. 2. – St. Petersburg. Publishing house P.P. Soykina, 1992. – 2464 p.
10. Order of December 17, 2010 No. 1897 on the approval of the Federal State Educational Standard of basic general education [Electronic resource] URL: [http://xn - 80abucjiibhv9a. Xnp1ai /% D0% B4% D0% BE% D0% BA% D1% 83% D0% BC% D0% B5% D0% BD% D1% 82% D1% 8B / 543](http://xn--80abucjiibhv9a.xnp1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/543) (reference date: May 12, 2017).
11. Saltykov-Shchedrin. M. Ye. Diary of a provincial in St. Petersburg [Electro-resource resource] URL: [http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_ 10 / 01text / 0319.htm](http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_10/01text/0319.htm) (reference date: 05/12/2017).
12. Phraseological synonyms in the Russian language / A K Birikh, VN Mokienko, L. I. Stepanova; Ed. V. N. Mokienko. –М.: AST-PRESS BOOK, 2009. – 448 p.
13. Turgenev I. S. Asya [Electronic resource] URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/turgenev/asja.txt&page=2> (reference date: 05/12/2017).

Неологизмы в идиосинкратической речи лиц с расстройством мышления

Баймурзаева Г.Б.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, bekbay242@mail.ru

Аккева А.А.,

студентка 3 курса факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, akkiewa00@mail.ru

Рассматривается вопрос проявления феномена неологизма в идиосинкратической речи; неологизмы, как компонент идиосинкратического языка у лиц с зарегистрированным расстройством мышления; анализ способов и принципы образования этих неологизмов через призму способов появления новых слов. Анализ способов образования неологизмов в речи диагностированных больных и описание известных способов образования неологизмов.

Предположение, что неологизмы в идиосинкратической речи могут образовываться не только вследствие нарушения фонотактических правил и фонологических/семантических ошибок, но также по общепринятым в языке правилам образования новых слов.

Зафиксированные лингвистами записи устной речи пациентов и тексты авторов с диагностированным расстройством мышления.

Ключевые слова: идиосинкратический язык, неологизм, лингвистическое и психолингвистическое знание, лица с расстройством мышления, пациенты, страдавшие от шизофрении, афазии Вернике, аутизма, биполярного расстройства и от травм головного мозга в своей уникальной речи употребляли новые слова

Для цитаты:

Баймурзаева Г.Б., Аккева А.А. Неологизмы в идиосинкратической речи лиц с расстройством мышления [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Baymurzaeva_Akkieva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040206

For citation:

Baymurzaeva G. B., Akkiewa A.A. Neologisms in the idiosyncratic speech of persons with a thinking disorder [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2017, vol. 4, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Baymurzaeva_Akkieva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040206

Неологизм, как феномен в психолингвистике существует со второй половины XX века, когда новые слова, создаваемые лицами с расстройством мышления стали регистрировать в англоязычных научных трудах по психиатрии такие авторы, как Бэлтакс С., Чайка Е., Фрэйзер В., Манчирек Т., Рочестер С. и др. Их источниками служили документации врачей-психотерапевтов, которые стали замечать, что некоторые пациенты, страдавшие от шизофрении, афазии Вернике, аутизма, биполярного расстройства и от травм головного мозга в своей уникальной речи (идиосинкратической) употребляли новые слова, значения которых были известны только им. Данный феномен привлек ученых-лингвистов и уже в начале XXI века стали появляться работы таких иностранных авторов, как Куперберг Г., Каплан Д.,

Рохнер Д., Россер Н. и др., которые стали изучать идиосинкратический язык, актуализированный в речи у пациентов с точки зрения лингвистического знания. Тогда же были выделены девиации (отклонения), частью которых являлись данные неологизмы. Однако, учитывая то, что неологизмы являются частью коммуникации у здоровых лиц, было важно установить отличие неологизмов в идиосинкратической речи от неологизмов, описанных ранее в лингвистике. С дальнейшим изучением вопроса были выведены четыре основных «механизма», по которым на сегодняшний день образуются неологизмы в идиосинкратической речи. Все же, удалось рассмотреть и возможность их образования с помощью норм традиционного словообразования,

Так как рассматриваемый в данной статье феномен неологизма имеет специфическую направленность, то будет необходимо дать ему определение в ключе двух разных научных направлений. Для начала будет целесообразно дать широкое определение термина в свете лингвистики. Обратимся к «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [3, с. 290], где термину «неологизм» соответствуют следующие определения:

а) «Новое слово или оборот созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия».

б) «Новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи – стилевой неологизм. Слово, включение которого в данный жанр литературного произведения является новшеством; слово, общепринятое в повседневном языке, но не употреблявшееся прежде в художественной литературе; неологизм, созданный данным автором данного литературного произведения и обычно не имеющий широкого распространения – стилистический неологизм» [3, с. 345].

Жеребило Т.В. в своем «Словаре лингвистических терминов» предоставляет нам еще одно определение неологизма с его развернутой классификацией: «Неологизм – новое слово или новое значение и форма уже существующего слова. В широком смысле неологизм может быть лексическим, словообразовательным, фонетическим, морфологическим и синтаксическим. В узком смысле неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование. Различают неологизмы языка и авторские новообразования (индивидуальные неологизмы). Их называют также окказионализмами, то есть они остаются фактами авторской речи, не становясь нормой литературного языка. Авторские новообразования никто не употребляет безлично, их используют как цитату» [4, с. 474].

Альтернативная трактовка неологизма в нейролингвистике представлена прежде всего в *Routledge Dictionary of Language and Linguistics* [27, с. 1034], где дается следующее определение: «В нейролингвистике термин «неологизм» относится к слову нового содержания, созданного индивидуумом согласно фонотактически правилам соответственного языка, но не относящегося к лексикону данного языка. Их отношения к исходному или предполагаемому слову часто неясно (например, *spork*), хотя некоторые новые формы могут иметь очевидное для понимания значение (например, *picture box* для *television set*)».

Чем же являются фонотактические правила. Статья отделения лингвистики университета Маккуори, написанная Джоната Харрингтона и Фелисии Кокс [30, дата обращения: 25.03.2017] объясняет фонотактические правила, как возможное для данного языка сочетание фонем в слоге. То есть из всего набора фонем языка может получаться ограниченное количество слогов.

В *Farlex Partner Medical Dictionary* [28, с.1587] феномен описывается следующим образом: «Неологизм – это новое слово или фраза созданная пациентом, часто наблюдается в случае шизофрении (например, *headshoe* для обозначения *hat*), или уже существующее слово, использованное в новом для него значении; в психиатрии, такое употребление может иметь значение только для пациента или указывать на его состояние».

Последующие найденные определения являются так или иначе вариацией данных выше, что указывает на его устойчивость как термина и отсутствие спорных трактовок «неологизма» в нейролингвистике. Неологизмы в контексте нейролингвистики не входят в общеупотребительный язык и их номинативная функция ясна только пациенту. Неологизмы же обычные входят в состав нашего языка и при коммуникации идёт понимание заключенного в них понятия. Таким образом, неологизмы в психоллингвистике - это часть идиосинкратического (уникального, принадлежащего только пациенту) языка.

Идиосинкратический язык происходит из использования стандартных слов или фраз непривычным, но значащим образом [23,с.108-130]. Это широкий термин, который относится к определенному набору речевых характеристик, являющихся ошибками в прагматике коммуникации. К примеру, распространенной характеристикой речи у детей с расстройством аутистического спектра идиосинкратический язык описывается как стереотипное и неуместное словоупотребление. Например, ребенок может говорить педантично, перенасыщая речь специфичными деталями [9, с.1544-1555]. Мониторинг речевых умений ребенка можно осуществить через семь субтестов, которые позволяют оценить стороны речевой функции у ребенка [28, с. 166–173]. В результате данного мониторинга мы можем установить, может ли ребенок верно использовать морфологические и грамматические особенности языка (словообразование и словосложение), способности устанавливать связь между словами в словосочетании, а также есть ли фонологическое осознание. Непонимание или ненамеренное нарушение данных сторон речи может привести к наличию у ребенка идиосинкратической речи.

Существует объяснения проявления неологизма в сфере психоллингвистики. Известные причины образования неологизмов лицами с диагностированным нарушением мышления в психоллингвистике:

1) Диссоциация.

Нарушенное мышление – дезинтегрированное и диссоциативное, порождает идиосинкратический язык и как результат идиосинкратическую речь.

Ким МакКанн в статье «Пять авторов, страдавших от ...» [31, дата обращения: 01.04.2017] указывает, что неологизмы являются следствием диссоциации, то есть нарушением ассоциативного мышления. Ассоциация нарушается на физиологическом уровне через разрыв связи между моторным «выходом» в передней части мозга и сенсорным «выходом» сзади мозга. То есть по своей сути на физиологическом уровне к формированию неологизмов приводит отклоняющаяся от нормы активность во фронтальной зоне мозга.

Нарушение мышления, которое приводит к использованию неологизмов в языке, происходит в его структуре и называется символическим мышлением. При таком мышлении неологизмам, следовательно, придается символическое значение. Истолковать такой неологизм-символ можно только исходя из личного глубинного бессознательного или прошлого опыта. У больного продуцента данные неологизмы возникают ненамеренно и воспринимаются им как чужеродные, не относящиеся к нему [5, с. 294].

По Б.Расселу [22, с. 925] есть два семантических вида понятий: с общим значением и личным значением. Личное значение базируется на диссоциации и личном воображении, когда происходит игра со словотворческими конструкциями.

2) Фонетическая парафазия.

В своей монографии «Введение в нейролингвистику» Элизабет Олсен [8, с.246] указывает, что «Неологизм создан фонетической парафазией, порождающей словесную парафазию. И в этом ключе отношения между исходным и новопроизведенным словом становятся неузнаваемыми (так называемая двухступенчатая гипотеза [17, с.647])». Что это значит? Это значит, что замена и неправильное употребление звуков порождает замену и

неправильное употребление слов. Для примера: cat => dog (семантическая словесная парафазия) => rog (фонетическая парафазия).

Баттэрворс [11, с.452] утверждает, что: «неологизмы создаются с помощью 'generating device' (генерирующего механизма), который создает слова согласно фонотактическим правилам (т.е. правилам комбинирования фонем). Этот механизм вступает в игру с исходным словом, в случае присутствия у пациента проблемы с поиском слова для конкретной ситуации».

Вышеизложенную позицию поддержал Бэкинхэм [10, с.39] в своей статье «Откуда происходят неологизмы?» словами, что те неологизмы, что созданы «механизмом», воспроизводятся при проблеме поиска слова (или другими словами – аномии). Именно поэтому, как утверждает автор, у данных неологизмов есть схожие фонологические структуры. Для примера приводится высказывание человека с афазией Вернике: 'a frog frock frosses that is fro that is frabbing is fog is frob'.

3) Жаргонная афазия.

Жаргонной афазией именуется производство непонятного языка, содержащего частые фонематические, семантические ошибки и неологизмы.

Неологизмы или несуществующие слова в контексте жаргонной афазии – это слова, фонемы которых отличаются от того слова, которое подразумевалось на самом деле [14, с.155-159]

Нелексический тип языковых ошибок в образовании несуществующих слов: 1. Фонологические - первая буква или 50 % фонем несуществующего слова схожи с подразумеваемым. (Например, deg – несуществующее слово и dog (собака) – подразумеваемое) 2. Неологические – несуществующее слово не достигает фонологической схожести, так как не совпадает первая буква и сходятся менее чем 50 % фонем. 3. Несуществующие слова, которые «псевдо-образованы» (Например, kib вместо dog)

4) Атактическая речевая спутанность.

Расстройство мышления приводит к атактической речевой спутанности [6, с.412]. Неологизмы порождают характерные для атактической речевой спутанности нарушения смыслового содержания речи и «сочетание несочетаемого с разъединением не разъединяемого» [1, с.93].

Что есть речь для человека с расстройством психики? Это больше не средство коммуникации, так как «больной говорит совсем не для того, чтобы быть понятым другими людьми» [16, с.376]. Речь будет диссоциированным набором патологической вербальной продукции, например, неологизмов – шизофразией в устной речи [34, с.270]. При этом деформации слов не будут грубо нарушать смысл высказывания, и говорящий, и слушающий останутся относительно понятыми реципиентом речи [1, с.101].

Неологизмы в идиосинкратической уникальной речи пациента являются попыткой найти или создать наиболее подходящее слово для описания пережитого опыта, находившегося за гранью человеческого понимания. Их также можно назвать техническими неологизмами, потому что пациент создает техническую терминологию из личного опыта, который невозможно выразить обычным языком.

Новообразованные слова и словосочетания демонстрирует, что помимо специфических «механизмов», они также образуются по стандартным принципам и способам образования неологизмов в языке. Примеры есть в материалах учебных пособий по психолингвистике, научных каталогах медицинских конференций и комментариях врачей, работавших с пациентами с нарушением мышления.

Распространенными из методов, на которые были найдены те или иные неологизмы в идиосинкратической речи, – словосложение и сочетание. Способом словосложения

(образования составного слова) и сочетания, как указано в теории, образуются новые слова путем соединения целых слов, их корней или отдельных частей. При этом использованные отрезки слов сохраняют свою семантику для распознавания их лексического значения.

Пример словосложения: 'fumebook' [16, с. 67], что дословно, отталкиваясь от лексических значений слов 'fume' и 'book', можно перевести как 'дымящаяся или окуренная книга', но в идиосинкратической трактовке пациента это значит 'a special temple to protect you' (особый храм, чтобы уберечь тебя). Связь неологизма и его идиосинкратического значения здесь не ясна, поэтому для реципиента речи слово останется нераспознаваемым. Подобными примерами могут послужить такие составные слова, как 'handshoe' и 'headshoe' [20, с.65] – типичные примеры словообразования по аналогии, когда пациент использует одну и ту же словообразовательную конструкцию (в данном случае слово shoe – туфля), чтобы образовывать ряд идиосинкратических неологизмов. В его понимании 'handshoe' – это gloves (перчатки)/ дословно «обувь для руки», а 'headshoe' – это hat (шляпа)/ дословно «обувь для головы», где данные неологизмы имеют за собой логику для понимания, также, как и 'paperskate' [20, с.66] – ballpoint pen (шариковая ручка) \ «скольжение по бумаге» или 'lifeman' [36, с.46] – doctor (врач) \ дословно «человек-жизнь».

Словообразование, словосложение может происходить через дефис, как в 'split-knippered' [20, с.70]. Данный неологизм образован сложением двух слов, одно из которых 'split' существует в английском языке, как полноценное слово и значит «разделять» или «дробить», в то время как knippered – сам по себе абсурдный неологизм или «не-слово», можно сказать, «неологизм внутри неологизма». Личная идиосинкратическая трактовка пациентом данного неологизма была 'to be simultaneously alive in Lancashire and dead in Yorkshire' (быть одновременно живым в Ланкашире и мертвым в Йоркшире), из чего можно сделать предположение, что вторая часть составного слова – это видоизмененное слово 'kidnapped' (похищенный), так как большая часть букв в неологизме была сохранена и смысл близок к полной трактовке.

Однако помимо сложения частей целых слов пациент сочетает отдельные морфемы слова, причем не всегда в их полной форме, например, 'lection/sessure' [42, с.33], образованные сложением «обрывков» слов lecture (лекция) и session (сессия) – здесь имеет место говорить о таком способе образования неологизмов, как сочетание. Подобными примерами данного способа словообразования могут быть 'athler' [40, с.33], как комбинация athlete (атлет) и player (игрок); 'clover' [37, с.76], как сочетание cloth (одежда) и cover (покрывать), 'treen' [37, с.77], образованное соединением tree (дерево) и green (зеленый) или 'curllets' [23, с. 32], состоящее из слова 'curly' (кудрявый) и 'ringlets' (локоны). Таким образом, словообразование неологизмов в идиосинкратической речи подчиняется такому правилу словообразования в языке, как словосложение и сочетание.

Словообразование неологизмов в идиосинкратической речи также подчиняется правилам деривации через добавление приставок и суффиксации. Например, приставка '-pre-' (семантическое значение «перед/пред») со словом 'disarmament' (разоружение) в неологизме 'predisarmament' [36, с.52.] или суффикса – ology- (семантическое значение «сфера науки») в слове 'hydromology' [36, с.53], суффикса '-able-' (семантическое значение «иметь возможность быть чем-то») плюс окончание множественного числа '-s-' в неологизме 'smushables' – значение 'smashed groceries at the bottom of the bag' (смятые остатки продуктов на дне сумки), суффикса '-er' (семантическое значение «деятель») в неологизме 'geshinker' (от 'sink' раковина, в значении «моющий посуду») [20, с.108], уменьшительно ласкательно-го суффикса 'ie' в неологизме 'snortie' – 'someone who talk through the walls' / «кто-то, кто говорит через стены» [20, с.108], суффикса принадлежности '-ary-' в неологизме 'carcitynary' со значением 'parking place' (парковочное место) [38, с.277] – примечательно, что последнее новое слово также включает в себя способ словосложение через соединение слов 'car' (машина) и 'city' (большой

город), что является еще одним подтверждением актуальности данного способа словообразования для лиц с расстройством мышления.

Одним из самых популярных способов создавать неологизмы или новые словосочетания для выражения единого понятия оставалось «дробление» одного слова. Учитывая природу этого явления, заключающуюся в неспособности пациента подобрать нужное слово [11, с. 289-291], то вполне можно понять, почему универсально используется слово 'device' (устройство, механизм), - с целью указать на то, что предмет или объект выполняют ту или иную функцию, заключающуюся в другой части неологизма-словосочетания. К примеру: 'suction device' [20, с.308] имеет личное значение 'cigarette' (сигарета), а дословно может переводиться, как «устройство для всасывания». Или более очевидный пример: 'transportation device' [32, с.109], означающее 'automobile' (автомобиль), буквально же - «устройство для транспортировки». Дополнительным аналогичным примером может быть неологизм-словосочетание 'anti-wiggly device' [35, с.59], дословно который можно перевести как «устройство против тряски» - так фотограф, перенесший травму мозга, назвал одиночное слово 'tripod' (тренога). Как бы то ни было, данный неологизм образуется не только дроблением, но и распространенным способом добавления отрицательной приставки '-anti-' (семантическое значение «против/от»).

Параллельно употреблению 'device' в вышерассмотренных неологизмах, слово 'vessel' (сосуд, вместилище) так же имеет смысловую нагрузку – указать на полую область, в которой размещается объект или субъект. Например, 'time vessel' [24, с.211] – подразумевает пациентом 'a watch' (часы), а дословно «вместилище времени», 'food vessel' [24, с.211] – 'a stomach' (желудок), буквально «вместилище пищи» или 'news vessel' [24, с.212] – 'a television' (телевизор), «вместилище новостей».

Помимо подобных неологизмов, выстроенных на использовании одного и того же слова для образования неологизмов-словосочетаний, существуют случаи использование одной и той же формы подчинения одной части словосочетания другой. Примером такой формы образования могут послужить неологизмы, созданные пациентом Vicky, чтобы замещать односложные понятия. Вместо слова 'idiot' (идиот) он употреблял 'the importance of intelligence' (необходимость разума) [20, с.110], вместо 'crazy' (сумасбродный) использовался такой личный неологизм, как 'disorientation of rationality' (дезориентация рациональности). [20, с.110].

Иными примерами, не связанным с аналогией, можно назвать 'daily reflector' [20, с.450], означающее 'mirror' (зеркало), но буквально воспринимающееся в значении «ежедневный отражатель» или 'homing out station' [38, с.81], определяемое говорящим как 'a place to take a break from living at home' (место, где можно передохнуть от жизни дома), а дословно понимаемая как «станция по размещению вне дома».

Таким образом, мы видим, что в данной ситуации говорящего, воспроизводимые им неологизмы-словосочетания с идиосинкратическим значением могут образовываться как по пути «дробления» искомого понятия, так и по пути аналогии, когда один пациент использует одни и те же конструкции для образования своих неологизмов.

Существует случай, когда пациент с аутистическим мышлением в своей речи создавал ряды неологизмов, где искомые слова меняли свое лексическое значение. Вот некоторые примеры в порядке от искомого слова к новому данному ему значению: 'to leave' (покидать) => 'to wave' (помахать), 'to stick' (прикрепить) => 'to stump' (запутать), 'seriously' (серьезно) => 'true' (правда), 'rings' (кольца) => 'bells' (колокольчики), 'to rattle' (запугать) => 'racket' (грохот), 'easy' (легко) => 'ready' (готово), 'schedule' (график, расписание) => 'sequence' (последовательность), 'naked' (обнаженный) => 'bald' (лысый), 'to sting' (ужалить) => 'to cut' (отрезать) [44, с.46-47].

Образованию неологизмов в речи при нарушении мышления через редупликацию будет сопутствовать желание у говорящего рифмовать слова, например 'junk-injunk' [Rohner, 2000:38] - личное значение 'hood' (капюшон), 'newbold -bolt' - личное значение 'sundial' (солнечные часы) [40, с.268], 'coff-cof' - личное значение неизвестно [39, с.268], 'baw-bawked' - значение неизвестно, 'mulley-gully' - значение 'to be tickled' (когда тебя щекочут) [22, с.373], или 'yan-yanta' - в значении 'uncle' (дядя) [22, с.373]. Были обнаружены также типичные примеры редупликации, как 'flopate-flopate' - личное значение 'fish' (рыба) [11, с.96], 'kure-kure' - личное значение 'book' (книга) [28, с.429] или 'fa-fa' - личное значение 'water' (вода) [16, с.21]. Как видно из примеров, то отдельно каждое слово в составе единого может являться либо неологизмом самим по себе, как 'newbold', 'mulley' или 'injunk', либо существовать в английском языке, как 'junk' (барахло), 'bolt' (засов), 'gully' (овраг) или 'bawked' (неподлежащий ремонту). Также слово может повторяться как в своей исходной форме, так и видоизмененной, либо одно из слов будет лишь созвучно другому. Следовательно, что неологизмы в идиосинкратической речи могут образовываться с помощью редупликации.

подавляющее число неологизмов в рассматриваемом случае образуются на базе частей уже существующих в языке слов. Комбинация таких частей будет как обдуманная, так и абсолютно случайная, а её результат будет выполнять для пациента конкретные речевые задачи [43, с.396]. Произнося данные абсурдные неологизмы, пациент будет уверен, что они понятны всем слушающим ровно также, как и ему [40, с.396]. Таких примеров довольно много, как, например, 'abbliscotage' 'soup' (суп) [16, с.81], 'potamtaetash' 'fertilizer' (удобрение) [38, с.250], 'blankettyboo' 'feeling sad' (чувствовать себя грустным) [38, с.252], 'gobonbelix' 'safety' (безопасность) [34, с.49-50], 'dorocell' - 'a pickaxe with which Queen Victoria's soul kills unfaithful husband' (кирка, которой дух Королевы Виктории убивал неверных мужей) [40, с.396].

Неологизмы, образованные по способу аббревиации. Это значит, что для формирования нового слова были использованы либо начальные звуки необходимых слов, либо отдельные слоги. Каждый воспроизведенный неологизм данного типа получил последующую расшифровку, поэтому можно привести примеры с их значением. Они будут следующие: 'koth' - 'knock on the head' (удар по голове) [38, с. 601], 'BTT' - 'between the two' (между двумя) [39, с. 297], 'SOST' - 'society of swallowed tongues' (общество проглоченных языков), 'ESOT' - 'evasive state of tension' (уклончивое состояние противоречия) [40, с.298], 'fokkit' - 'a family occasion at inconvenient time' (семейное торжество в неподходящее время) [35, с.276].

Обоснованность включения неологизмов - заимствований в систему образования неологизмов у лиц с расстройством мышления является спорной. Спорность объясняется тем, что использование в потоке речи слов из знакомого говорящему иностранного языка характерно не только для тех, у кого диагностировано расстройство мышления. Это вполне естественный феномен, когда говорящий не может подобрать необходимое слово в языке, используемом для коммуникации. В нормальных условиях это может быть вызвано либо незнанием аналога на родном языке, либо его отсутствием. Главным отличием подобного словоупотребления у больного будет то, что он не будет отдавать себе отчет в том, что его не понимают, данное иностранное слово будет возникать в речи на регулярной основе или же, как показывают некоторые найденные примеры, будет внешне созвучно тому или иному иностранному языку.

Неологизмы, как компонент идиосинкратической речи представляют собой ключ к пониманию внутренних психических процессов говорящего и способны указать на его диагноз. При этом для данных неологизмов отсутствуют механизмы, по которым можно расшифровать заключенное в них семантическое значение - поэтому они остаются понятны в первую очередь только говорящему.

Литература

1. Андропов Ю.А. Основы диагностики психических расстройств. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 1997. – 93 с.
 2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, изд. 2-ое, стереотип. - М.: Советская энциклопедия, 1969.- 608 с.
 3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов, изд. 5-ое. - Н.: Пилигрим, 2010. – 473 с.
 4. Кемпинский А. Психология шизофрении. - СПб: Алетея, 1998. – 294 с.
 5. Случевский И.Ф. Психиатрия. – Л.:Медгиз, 1957. – 412 с.
 6. Ahlsen E., Introduction to Neurolinguistic // Neurolinguistics Congress Catalogue. John Benjamin's Publishing Company, 2006 – 246 p.
 7. Brynn Thomas Encyclopedia of Autism Spectrum, Disorders. - Springer publisher, 2013. Pp 1544-1545.
 8. Buckingham H. Where do neologisms come from? // Jargonaphasia: NY Academic Press, 1981. – pp 39-62
 9. Butterworth B.L. Contextual probability and word frequency as determinants of pauses and errors in spontaneous speech// Language and Speech, Vol.22, Part 3, 1979. – 452 p.
 10. Covington M.A, Congzhou H., Schizophrenia and the structure of language: the linguist's view // Schizophrenia research 77, 2005 – pp. 85-98
 11. Fromkin V., Rodman R. An introduction to language. 3rd ed. London: Holt – Sounders, 1983 – pp. 29-35
 12. Jonathan D.Rohrer, Martin N.Rossor. Neologistic jargon aphasia and agraphia in primary progressive aphasia// J.NeurolSci., 2013 – pp 155-159
 13. Kemmer S. Words in English public// Linguistics course information. – Rice University, 2016-288 p.
 14. Kuperberg.G., Caplan D., Language Dysfunction in schizophrenia// Neuropsychiatry textbook, 2003 – 376 p.
 15. Lecours, Andre-Roch, Francois Lhemitte. L'aphasie. – М.:Flammington Presses de l'Universite de Montreal, 1979. – 647 p.
 16. Schneider K., Putri H., Sugiharto H., Language Introduction to Schizophrenia Part 1// Lang Linguist Compass , 2012 – pp. 576-786
 17. Russell B. Principia Mathematica, Vol.1, 2nd edition. – Cambridge University Press,1925 - 25 p.
 18. Volden and Lord. Neologisms and idiosyncratic language in autistic speakers// Journal of Autism and Developmental Disorders, 1991. Vol. 21, Issue 2, pp 108-130.
 19. Zapata Beccerra A., Tomasina A. Handbook of General and Applied Linguistics. V.:Escuela de Idiomas Modernos, 2016. – 737 p.
- Словари:**
20. Oxford English Dictionary, Current Version. – Oxford University Press, 2017 – 790 p.
 21. Pei M. Glossary of Linguistic Terminology. Doubleday, 1966. – pp. 77-78
 22. Routledge Dictionary of Language and Linguistics, 2nd edition. – Taylor&Francis Library, 2006 – 1034 p.
 23. Farlex Partner Medical Dictionary. – Farlex, Inc., 2012 – 1587 p.

Электронные ресурсы:

24. Универсальная Научно-Популярная Онлайн-Энциклопедия Кругосвет//раздел «История и Общество»; подраздел «Лингвистика. Неологизм»: [Электронный ресурс]. 1997-2016.URL:
http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NEOLOGIZM.html (Дата обращения: 25.03.2017).
25. Баймурзаева Г.Б. Особенности языковой адаптации детей мигрантов //Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru» [Электронный ресурс] 2016. Том 8. № 4.С. 166–173 doi: 10.17759/psyedu.2016080416 ISSN: 2074 – 5885
26. Jonathan Harrington, Felicity Cox. Phonetics and Phonology// The Syllable and Phonotactic Constraints: [Электронный ресурс]. 2009. URL:
http://clas.mq.edu.au/speech/phonetics/phonology/syllable/syll_phonotactic.html (Дата обращения: 25.03.2017)
27. McCann K. Five authors, who suffered from mental illness and the impact it had on their art// 31. Halleck, J.Q., Harvey, P.D., Cognition in schizophrenia: Impairments, determinants, and functional importance. The Psychiatric Clinics of North America, 2015 – pp. 613-633
28. Docherty NM, Hossein BT, Cognitive impairments and disordered speech in schizophrenia: Thought disorder, disorganization, and communication failure perspectives. Journal of Abnormal Psychology, 2005 – pp. 269–278
29. Fraser WI, King K, Rieber P. The diagnosis of schizophrenia by language analysis. The British Journal of Psychiatry. 1986, - pp. 275–278
30. Harrow M, Ravinder M, Marengo J. Disordered thinking. Archives of General Psychiatry. 1983 – pp. 765–771
31. King K, Fraser WI, Thomas P. Re-examination of language in psychotic subjects. The British Journal of Psychiatry. 1991 – pp. 211–215
32. Kuperberg GR, Ditman T, Kreher DA, Goldberg TE. Behavioral and electrophysiological approaches to understanding language dysfunction in neuropsychiatric disorders: Insights from the study of schizophrenia. In: Wood SJ, Allen NB, Pantelis C, editors. The Neuropsychology of Mental Illness. New York: Cambridge University Press; 2013 - pp. 67–95
33. Lewis DA, Levitt P. Schizophrenia as a disorder of neurodevelopment. Annual Review of Neuroscience. 2002 – pp. 409–432
34. Manschreck TC, Papathanais BA, Rucklos ME, White MT. The predictability of thought disordered speech in schizophrenic patients. The British Journal of Psychiatry. 1979 – pp. 595–601
35. Marengo JT, Harrow M, Lanin-Kettering I, Wilson A. A manual for assessing aspects of bizarre-idiosyncratic thinking. In: Harrow M, Quinlan D, editors. Disordered Thinking and Schizophrenic Psychopathology. New York: Gardner Press; 1985 - pp. 394–411.
36. Rochester S, Martin JR. Crazy Talk: A Study of the Discourse of Schizophrenic Speakers. New York: Plenum Press, 1979 – pp. 44-45

Neologisms in the idiosyncratic speech of persons with a thinking disorder

Baymurzaeva G. B.,

PhD (Pedagogy), Assistant professor, The Linguodidactics and Cross-cultural communication Department, The faculty of foreign languages, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, bekbay242@mail.ru

Akkiewa A.A.,

3rd year student of the faculty of 'Foreign Languages', MSUPE, Moscow, Russia, akkiewa00@mail.ru

The following study considers the question of neologism phenomena in idiosyncratic speech; neologisms as a component of idiosyncratic language of the speakers with thought disorder; the analysis of the methods and principles of neologisms' formation by the means of word-formation; the analysis of neologisms' word-formation in idiosyncratic speech of people with thought disorder and outline the common methods of neologisms' formation in English language.

The hypothesis is that neologisms in idiosyncratic speech can be formed not only by means of violation of phonotactic rules and phonological or semantic mistakes, but also by language's common rules of neologism's formation.

The study is based on the records of oral speech and documented writing examples of neologisms' usage in the speech of the patients with thought disorder.

Keywords: idiosyncratic language, idiosyncratic speech, neologism, English word-formation, linguistics and psycholinguistics, speakers with thought disorder, schizophrenic patients, speakers with Wernike's aphasia, speech in autism, bipolar disorder speakers, speakers with brain trauma.

References

1. *Andropov YU.A.* Osnovy diagnostiki psichicheskikh rasstrojstv. - M.: GEHOTAR-Media, 1997. – 93 s.
2. *Ahmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov, izd. 2-oe, stereotip. - M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1969.- 608 s.
3. *ZHerebilo T.V.* Slovar' lingvisticheskikh terminov, izd. 5-oe. - N.: Pilgrim, 2010. –473 s.
4. *Kempinskij A.* Psihologiya shizofrenii. - SPB: Aleteja, 1998. – 294 s.
5. *Sluchevskij I.F.* Psihiatriya. – L.:Medgiz, 1957. – 412 s.
6. *Ahlsten E.,* Introduction to Neurolinguistic // Neurolinguistics Congress Catalogue. John Benjamin's Publishing Company, 2006 – 246 p.
7. Brynn Thomas Encyclopedia of Autism Spectrum, Disorders. - Springer publisher, 2013. Pp 1544-1545.
8. *Buckingham H.* Where do neologisms come from? // Jargonaphasia: NY Academic Press, 1981. – pp 39-62

9. *Butterworth B.L.* Contextual probability and word frequency as determinants of pauses and errors in spontaneous speech// *Language and Speech*, Vol.22, Part 3, 1979. – 452 p.
 10. *Covington M.A*, Congzhou H., Schizophrenia and the structure of language: the linguist's view // *Schizophrenia research* 77, 2005 – pp. 85-98
 11. *Fromkin V.*, Rodman R. An introduction to language. 3rd ed. London: Holt – Sounders, 1983 – pp. 29-35
 12. Jonathan D.Rohrer, Martin N.Rossor. Neologistic jargon aphasia and agraphia in primary progressive aphasia// *J.NeurolSci.*, 2013 – pp 155-159
 13. *Kemmer S.* Words in English public// *Linguistics course information.* – Rice University, 2016-288 p.
 14. *Kuperberg.G.*, Caplan D., *Language Dysfunction in schizophrenia*// *Neuropsychiatry textbook*, 2003 – 376 p.
 15. Lecours, Andre-Roch, Francois Lhemitte. *L'aphasie.* – M.:Flammington Presses de l'Universite de Montreal, 1979. – 647 p.
 16. *Schneider K.*, Putri H., Sugiharto H., *Language Introduction to Schizophrenia Part 1*// *Lang Linguist Compass* , 2012 – pp. 576-786
 17. *Russell B.* Principia Mathematica, Vol.1, 2nd edition. – Cambridge University Press, 1925 - 25 p.
 18. Volden and Lord. Neologisms and idiosyncratic language in autistic speakers// *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 1991. Vol. 21, Issue 2, pp 108-130.
 19. Zapata Beccerra A., Tomasina A. *Handbook of General and Applied Linguistics.* V.:Escuela de Idiomas Modernos, 2016. – 737 p.
- Slovari:**
20. *Oxford English Dictionary*, Current Version. – Oxford University Press, 2017 – 790 p.
 21. Pei M. *Glossary of Linguistic Terminology.* Doubleday, 1966. – pp. 77-78
 22. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*, 2nd edition. – Taylor&Francis Library, 2006 – 1034 p.
 23. *Farlex Partner Medical Dictionary.* – Farlex, Inc., 2012 – 1587 p.
- EHlektronnye resursy:**
24. Universal'naya Nauchno-Populyarnaya Onlajn-EHnciklopediya Krugosvet//razdel «Istoriya i Obshchestvo»; podrazdel «Lingvistika. Neologizm»: [EHlektronnyj resurs]. 1997-2016.URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NEOLOGIZM.html (Data obrashcheniya: 25.03.2017).
 25. *Bajmurzaeva G.B.* Osobennosti yazykovoj adaptacii detej migrantov //EHlektronnyj zhurnal «Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru» [EHlektronnyj resurs] 2016. Tom 8. No 4.S. 166–173 doi: 10.17759/psyedu.2016080416 ISSN: 2074 – 5885
 26. Jonathan Harrington, Felicity Cox. *Phonetics and Phonology*// *The Syllable and Phonotactic Constraints:* [EHlektronnyj resurs]. 2009. URL: http://clas.mq.edu.au/speech/phonetics/phonology/syllable/syll_phonotactic.html (Data obrashcheniya: 25.03.2017)
 27. *McCann K.* Five authors, who suffered from mental illness and the impact it had on their art// 31. Halleck, J.Q., Harvey, P.D., *Cognition in schizophrenia: Impairments, determinants, and functional importance.* *The Psychiatric Clinics of North America*, 2015 – pp. 613-633
 28. *Docherty NM*, Hossein BT, *Cognitive impairments and disordered speech in schizophrenia: Thought disorder, disorganization, and communication failure perspectives.* *Journal of Abnormal Psychology*, 2005 – pp. 269–278
 29. *Fraser WI*, King K, Rieber P. *The diagnosis of schizophrenia by language analysis.* *The British Journal of Psychiatry.* 1986, - pp. 275–278

30. Harrow M, Ravinder M, Marengo J. Disordered thinking. Archives of General Psychiatry. 1983 – pp. 765–771
31. King K, Fraser WI, Thomas P. Re-examination of language in psychotic subjects. The British Journal of Psychiatry. 1991 – pp. 211–215
32. Kuperberg GR, Ditman T, Kreher DA, Goldberg TE. Behavioral and electrophysiological approaches to understanding language dysfunction in neuropsychiatric disorders: Insights from the study of schizophrenia. In: Wood SJ, Allen NB, Pantelis C, editors. The Neuropsychology of Mental Illness. New York: Cambridge University Press; 2013 - pp. 67–95
33. Lewis DA, Levitt P. Schizophrenia as a disorder of neurodevelopment. Annual Review of Neuroscience. 2002 – pp. 409–432
34. Manschreck TC, Papathanais BA, Rucklos ME, White MT. The predictability of thought disordered speech in schizophrenic patients. The British Journal of Psychiatry. 1979 – pp. 595–601
35. Marengo JT, Harrow M, Lanin-Kettering I, Wilson A. A manual for assessing aspects of bizarre-idiosyncratic thinking. In: Harrow M, Quinlan D, editors. Disordered Thinking and Schizophrenic Psychopathology. New York: Gardner Press; 1985 - pp. 394–411.
36. Rochester S, Martin JR. Crazy Talk: A Study of the Discourse of Schizophrenic Speakers. New York: Plenum Press, 1979 – pp. 44-45

Н. В. Касаткин как психолог-филолог

Аношкина В.Н.,

доктор филологических наук, профессор, советский и российский литературовед, академик МАНПО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия, bvk888@mail.ru

В статье описываются особенности творческого пути выдающегося психолога-филолога Н.В. Касаткина, рассмотренного как душевно нравственный процесс человеческого общения. В своих исследованиях учёный изучил монологическую, диалогическую речь и описал их варианты в открытой собеседником форме, выделив особо внутреннюю речь, оказавшуюся не изолированной от общества, а социологизированной, внутреннеобщительной.

Ключевые слова: Н. В. Касаткин, речевое общение, истоки идеализма, монологическая и диалогическая речь, Ф. М. Достоевский, исповедь, «полифонический» тип речи.

Для цитаты:

Аношкина В.Н. Н. В. Касаткин как психолог-филолог [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Anoshkina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040207

For citation:

Anoshkina V.N. N. V. Kasatkin as a psychologist-philologist [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Anoshkina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040207

Касаткин Николай Васильевич (17.2.1890 – 24.11.1974), закончивший Саратовский университет в 1920-х годах, был учеником выдающихся учёных: историка Г. П. Федотова, психолога А. А. Крогиуса, слушал лекции философа С. Л. Франка, литературоведа А. П. Скафтымова. Сам Н. В. Касаткин специализировался в области психологии. Кандидатскую диссертацию «Речевое общение. Формы и структура речевого общения у детей первых десяти лет» он защитил в 1938 году, занимаясь вузовской педагогической работой. В своих публикациях он рассматривал речь как душевно-нравственный процесс человеческого общения. Касаткину известны труды исследователей, изучающих социум с психологической точки зрения – сочинения французской социально-психологической школы, З. Фрейда. Русский психолог отмечал, что в трудах психолога Г. Тарда [6, с. 147] утверждается, будто совместная жизнь людей определяется и законами новаторства, и законами моды и подражания [6, с.147]. Однако наш психолог считает подобное утверждение поверхностным и не выявляющим глубинные душевные процессы, реализующие человеческое общение. Тоже и З. Фрейд [8, с. 28] в своём пристальном внимании к интуитивным, неосознанным явлениям в психике, упрощает нравственные основы личности человека, видя тёмные примитивные, якобы исходные его побуждения, тайные желания. Будучи философом-идеалистом, Касаткин в своих исследованиях склонен обращаться к истокам идеализма в трудах Платона. Привлекательным оказывается для него не только учение греческого философа об идеях, как вечных, неизменных сущностях бытия, но сами формы философствования – его диалоги и заложенное в них учение о платонической любви. В диалоге «Пир», анализируемом в книге Н. В. Касаткина [2, с. 124], рассмотрен образ Сократа как собеседника, обладавшего в восторженной речи Алкивиада незаурядными привлекательными свойствами, и духовными, и физическими:

неприхотливость, мужество, верность долгу, преданность своим убеждениям. Сократ был «кумиром» для своих учеников. Платонизм утверждает специфическую форму отношений между людьми, отношений поклонников к своему «кумиру». Идея спасения человеческого рода в ситуациях духовных кризисов в жизни и в самом сознании людей занимает нашего философа.

Касаткин в своих исследованиях изучает известные типы речи – монологическую и диалогическую. Он усматривает и их варианты в открытой собеседникам форме, и также «внутреннюю речь», оказавшуюся не изолированной и обособленной, «закрытой» в одиночестве, а, напротив, как бы «социологизированной», внутренне общительной. Примеры он нашёл не только у А. С. Пушкина в речах Татьяны на свидании с Онегиным: будучи влюблённой, она мысленно говорит с Онегиным: «Неправда ль, я тебя слыхала, / Ты говорил со мной в тиши...»[4, с.132] . Особенно выразительно этот тип внутреннего монолога найден психологом в стихотворении А. К. Толстого: «Лишь только один я останусь с собою, / Меня голоса призывают толпою...»[5, с. 132] . Человек молча, разговаривает с людьми, дающими и советы, и обещания, даже угрожающими ему. Кому отдать предпочтение? Молчаливо говорящий у Алексея Толстого приходит к выводу: надо откликнуться «На голос, который всех манит сильнее, / Который немолчно, вблизи, вдалеке, / С тобой говорит на родном языке!» [5, с.132]. Психолог приходит к выводу о крайней нуждаемости человека в общении, дружеском, а Касаткин пишет о типе «дуального общения», выразительные образы которого он находит в романах Ф. М. Достоевского. Отталкиваясь от диалога Платона «Федр», исследователь утверждает: У Платона философские идеи, сопровождаемые чувством искренней взаимной симпатии, с особой лёгкостью возникают тогда, когда собеседников оказывается только двое» [5, с. 145]. В рассматриваемой книге о «тайне человека...», упоминаемой Ф. М. Достоевским, осмысленной как глубинное нравственное чувство, сходное с «обаянием», побуждающим близких к уподоблению кумиру, к «двойничеству», стремлению быть его «спутником». Подобные отношения особенно интересны Ф. М. Достоевскому. Он их воспроизводит, рисуя отношения Алёши Карамазова и старца Зосимы, Ставрогина, с его странным обаянием, и Петра Верховенского, а также и Шатова.

В романах писателя большое место занимают «дуальные» философские беседы. Два нравственно и философски близкие друг другу человека раскрывают в речевом общении глубинные побуждения, стремления, недоумения, но и решения...Конечно импульсами такого «дуального» речевого общения являются отнюдь не люди, не подражания, а осознанная или бессознательная этическая необходимость душевного излияния, предназначенная собеседнику, заведомо способному слушать, понимать и спасать. Этому типу говорения-общения больше всего близка исповедь. Именно таким типом общения дорожит Алёша Карамазов, стремясь к старцу Зосиме. Но и со своим братом Иваном в их «дуальных» разговорах он решает глубоко значимые для него нравственные проблемы.

Касаткин обнаруживает, кроме «дуальной» речи, и другие весьма нужные в разных ситуациях общения типы речи.

Касаткин, изучая речь в ходе реального общения людей, а также отражённого в художественной литературе, устанавливает ещё несколько типов речевого общения. Он охарактеризовал две разновидности названной им «терциарной речи». «Терциарная» речь появляется в общении трёх лиц, однако роль третьего лица в диалоге двух может быть различной, даже психологически противоположной. В одном случае речевого общения двух третий присутствующий как бы выводится из сферы общения. Двое разговаривают таким образом, чтобы третий не мог их понять, они говорят метафорически, аллегориями, символами-намёками. Касаткин приводит примеры из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, хозяин постоялого двора по-особому разговаривает с Пугачёвым: «Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе,- сказал он – опять ты в нашем краю! Отколе бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В

огороде летал, конопля клевал: швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?» И далее продолжается в тексте Пушкина подобный разговор[3, с. 124]. Второй тип терциарной речи – наоборот как бы включение третьего присутствующего при разговоре, но не участвующего в нём, – он отчуждённо молчит. Однако двое говорящих адресуют именно ему смысл своих речей, они хотят ему передать свою информацию без ведома чужака, хотят на него повлиять своими словами. Говорят якобы двое, но адресуют речь без его ведома третьему. Конечно, здесь могут быть и смысловые варианты «терциарного» общения в зависимости от целеполагания людей.

Касаткин выделил также отдельный тип речи, назвав его «полифоническим». Такого рода многоголосая коллективная речь появляется у встретившихся где-либо людей: на собрании, в толпе, в общественном месте, гостиной частного дома и т. п. Психолог анализировал текст Ф. М. Достоевского из романа «Идиот»: в камине горит большая пачка денег, брошенная туда Настасьей Филипповной, гости в изумлении, незнании, что делать, «крик раздался кругом», многие даже перекрестились. – С ума сошла, с ума сошла! – кричали кругом <... >[9] Но ведь, однако, сто тысяч?...- Господи, господа – раздавалось кругом <...>» Речь персонажей в этом отрывке из романа «Идиот» не может быть названной ни монологической, ни диалогической, как утверждает психолог речи. Здесь говорит не одно лицо, как в монологе, а одновременно несколько. Но это и не диалог, так как отсутствует обмен сообщениями между собеседниками. Все общающиеся говорят одновременно, многие говорят как бы сами с собой. От монолога и диалога речь отличается и тем, что в ней нет одной речевой направленности. Собеседники обращаются ко всем собравшимся и ни к кому в отдельности[5, с. 123]. В изображённой сцене представлена ситуация предкризисная и для Настасьи Филипповны и для Гани Иволгина: его подвергают нравственному испытанию: что сильнее в его душе – алчность или стыд за свою низость? Он падает в обморок от борьбы противоположных чувств. Настасья Филипповна выхватывает щипцами горящую пачку денег и отдаёт её Гане со словами, что он её заслужил. Затем убегает из дома с Рогожиным, который её «купил».... Кризис нарастает и углубляется.

Однако подобный тип речи свойственен не только кризисным, трагедийным ситуациям. Касаткин, обратившись к литературе нового времени, обнаружил подобное «многоголосие» в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» в сцене собрания организаторов колхоза в деревне: говорят одновременно, вперемешку, часто односложно; нет ни монолога, ни диалога в напряжённый момент заседания.

Касаткин полемизирует с М. М. Бахтиным, утверждавшим преобладание диалогичности в романах Ф. М. Достоевского: «Романы Достоевского – сплошь диалогичны» [1, с. 38] . Отдавая должное оригинальности концепции М. М. Бахтина, его литературоведческому профессионализму, Н. В. Касаткин вносит поправки в бахтинскую концепцию поэтики речи в романах писателя-психолога и философа одновременно. Однако не знаменитый «хронотоп» привлёк внимание Касаткина. Всё-таки, по справедливому установлению ещё древнегреческих философов, универсалии не сводятся лишь к «хронотопу»(пространству и времени); их много больше: сущность, причинность, справедливость. истина...- не менее важны для понимания художественного текста, а особенно – добро, зло, спасение людей...В литературном тексте анализ этих универсалий даже важнее, нежели хронотопа.

Касаткин ограничивает бахтинское применение понятия «диалог» к романам Достоевского. По мнению М. М. Бахтина, в романах этого писателя наличествует некоторый комплект несогласованных мнений, выражаемых в явных или скрытых диалогах персонажей, что даёт возможность исследователю говорить о «полифонизме» творчества писателя. Это понятие как термин для обозначения типа речи принимает и Н. В. Касаткин. Однако он уточняет содержание этого понятия (и явления речи): отнюдь не обязательно «полифонизм» означает разногласие (диалогизм), может существовать и «монолог» (смешанная форма

речи). Касаткин называет также «полилогическую» или «групповую» речь. Уточняя роль диалогической речи в романах Достоевского, Касаткин в то же время соглашается с Бахтиным в его установлении интеллектуального, идейного характера многоголосия и диалогизма романов Достоевского.

Касаткин выделил в романах писателя «центральные» образы и ситуации, а именно: «спешный бег, свидание, разлука, вихрь (или водоворот), ночь, хаос, бездна (вода, туман), образы света. Все эти образы Достоевского создают картину мира...[153]. Исследователь подчеркнул, что писатель не преувеличивал способностей человека в постижении мира. Он мало видит, держа в руке свой фонарь или свечу, «однако не отчаивается и продолжает поиск. Гносеология Достоевского носит героический характер. У Достоевского искать – значит познавать, и познавать – значит спасать. Его этика оптимистична. Не тьма гасит свет, а лучи света пронзают тьму. Такова главная мысль Достоевского [169], которая оказывается главной и в книге Н. В. Касаткина.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4. М., 1973. С. 345.
2. *Касаткин Н. В.*, Касаткина В. Н. Тайна человека. Своеобразие реализма Ф. М. Достоевского. М., МПУ, 1994. С. 170.
3. *Касаткин Н. В.* Тайна человека. Своеобразие реализма Ф. М. Достоевского. М., Изд. МПУ. 1994. с. 170.
4. *Пушкин А. С.* Сочинения в 10-и томах. Т. 1., «Наука», 1978.
5. *Тард Г.* Социальная логика. Спб., 1901. Sorbin Th. Role theory. In Lindzey Handbook of social psychology. Cambridge, Mass, Addison, Woclsley. 1954. С. 103.
6. *Тард Г.* Социальные законы. Изд. 2. Спб., 1906. С. 149
7. *Толстой А. К.* Полн. собр. стихотворений в 2-х томах. Т. 1. Л., «Сов. писатель», 1984. С.69.
8. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. М., 1922. Вып. 1.С. 28
9. Художественные произведения Ф. М. Достоевского печатаются в книге Н. В. Касаткина по изд.: Собр. соч. в 10-и томах. М., ГИХЛ, 1957 – 1958 гг. Письма Ф. М. Достоевского печатаются по изд.: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. М., «Наука», 1979; или по: Полн. собр. соч. в 30-и томах. Л., 1985.

N.V. Kasatkin as a psychologist-philologist

Anoshkina V.N.,

Full PhD, professor, USSR and Russian literary critic, academic of International Academy of Pedagogical Education, honored worker of Science in the Russian Federation, Moscow, Russia.

Bvk888@mail.ru

The article describes the features of the creative path of the outstanding psychologist-philologist N.V. Kasatkin, considered as a spiritually moral process of human communication. In his studies, the scientist studied monologic, dialogical speech and described their variants in a form opened by the interlocutor, singling out a particularly internal speech that turned out to be not socially isolated, but sociologized, internally communicative.

Key Words: N.V. Kasatkin, verbal communication, the origins of idealism, monologic and dialogical speech, F.M. Dostoevsky, confession, "polyphonic" type of speech.

References

1. *Bahtin M. M.* Problemy poehtiki Dostoevskogo. Izd. 4. M., 1973. S. 345.
2. *Kasatkin N. V., Kasatkina V. N.* Tajna cheloveka. Svoeobrazie realizma F. M. Dostoevskogo. M., MPU, 1994. S. 170.
3. *Kasatkin N. V.* Tajna cheloveka. Svoeobrazie realizma F. M. Dostoevskogo. M., Izd. MPU. 1994. s. 170.
4. *Pushkin A. S.* Sochineniya v 10-i tomah. T. 1., «Nauka», 1978.
5. *Tard G.* Social'naya logika. Spb., 1901. Sorbin Th. Role theory. In Lindzey Handbook of social psychology. Cambridge, Mass, Addisson, Wocsley. 1954. S. 103.
6. *Tard G.* Social'nye zakony. Izd. 2. Spb., 1906. S 149
7. *Tolstoj A. K.* Poln. sobr. stihotvorenij v 2-h tomah. T. 1. L., «Sov. pisatel'», 1984. S.69.
8. *Frejd Z.* Lekcii po vvedeniyu v psihoanaliz. M., 1922. Vyp. 1.S. 28
9. Hudozhestvennye proizvedeniya F. M. Dostoevskogo pechatayutsya v knige N. V. Kasatkina po izd.: *Sobr. soch. v 10-i tomah.* M., GIHL, 1957 – 1958 gg. Pis'ma F. M. Dostoevskogo pechatayutsya po izd: *F. M. Dostoevskij, A. G. Dostoevskaya. Perepiska.* M., «Nauka», 1979; ili po: *Poln. sobr. soch. v 30-i tomah.* L., 1985.

Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала «Вестник Европы»¹

Блудилина Н.Д.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия, dilinata@mail.ru

В статье дается анализ трансформации взглядов писателя Н. М. Карамзина, отразившихся в его публицистических статьях в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 гг. через призму диалога России с Западом: спора о сути геополитических и общественных идей — консервативных и либеральных — в свете политических и культурных перемен этой сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Также исследуется корпус переводных публицистических статей «Вестника Европы» за указанный период, которые в большинстве своем остаются не переизданы.

Ключевые слова: Публицистика, политика, общество, культура, литература, консерватизм, либерализм, Н. М. Карамзин, журнал «Вестник Европы».

Для цитаты:

Блудилина Н.Д. Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала «Вестник Европы» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Bludilina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040208

For citation:

Bludilina N.D. Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M. Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe» [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Bludilina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040208

Редактирование журнала «Вестник Европы» — это отдельный важный период творчества Н.М. Карамзина: погружения в современные ему политические и культурные события Европы, в аналитическом сопоставлении деяний лидеров Запада и России в переломное историческое время. Цель и задачи нашей работы: изучить проблему трансформации взглядов писателя и показать, как они отразились в его публицистике в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 годы через призму спора либеральных и консервативных общественно-политических идей в свете политических и культурных перемен этой сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Изучению публицистических воззрений писателя уделено было недостаточно много внимания как в русской критике XIX в, так и в литературоведении XX века, и в современном. Например, ученый Н.В. Кувшинова в своей кандидатской диссертации «Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина», исследуя в целом формирование нравственных воззрений писателя этому важному периоду посвятила небольшой лишь фрагмент [11, с. 50]. До самого последнего времени весь корпус переводных публицистических статей «Вестника

¹ Работа выполнена по исследовательскому проекту «Н. М. Карамзин: энциклопедический словарь», грант РФФИ (РГНФ) № 15-04-00494

Европы» за указанный период остается неопубликованным, а доля авторства Н.М. Карамзина в некоторых из них представляет загадку. До сих пор существуют разные мнения исследователей, противоречиво толкующих проблематику и идеи содержания публицистических статей этого журнала. На художественное их своеобразие также мало обращали внимание.

Политические статьи Карамзина в «Вестнике Европы» за 1802–1804 гг. и его авторизованные переводы-извлечения из двенадцати лучших европейских журналов (подбор материалов всегда определялся издателем) отражали свежий взгляд на события своего времени и ясную их оценку просвещенным и литературно-одаренным современником, подготавливали и формировали общественные взгляды образованной русской публики начала XIX в. «Читали из двухнедельных ясных обзрений Карамзина, — утверждал Погодин в своем биографическом труде, — понимали яснее и узнавали короче положение Европы, чем узнается оно из еженедельных наших газет» [14, с. 340–341]. Публицистика «Вестника Европы» привлекали внимание читателей не только отражением в них современных событий, но и своим содержанием и литературными достоинствами: ясностью, верностью, трезвостью и независимостью суждений, ведь издатель всегда предлагал читателю свое мнение о происходящих событиях и о характерах действующих лиц; образным поэтическим языком, насыщенным яркими тропами, общей художественностью стиля, не характерного для «скучно-казенного» изложения фактов, обычного для журнальной периодики.

С первых же страниц «Вестника Европы» Н.М. Карамзин погружал читателей в мир общественно-политических страстей сложной переходной эпохи, в извечный спор старого миропонимания с новым мировосприятием, в котором рождается «дух нового времени». В России это был молодой период царствования Александра I, когда много говорилось о «духе нового времени», о потребностях этого времени, о правах человека, о справедливости вообще, о необходимости разумности в устройстве государства. Но был исторически отрицательный пример революционной Франции, когда под предлогом этих благих идей выступили на общественное поприще самые неразумные страсти человеческие.

Открывает новое для публики издание «Письмо к Издателю», где Карамзин откровенно и радостно пишет, рисуя идиллическую картину современной ему действительности: «Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России, в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который по всем вероятностям будет тверд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты, в свободной тишине и на досуге, могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему, расположению умов, более, нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье» [1, с. 3].

Приподнятый пафос утверждения настоящего (или все же надежды на будущее?) присутствует в этом ритмизованном лирическом тексте: повтор причастного оборота с союзом «когда» придает ему особую смысловую взволнованность. Указаны ведущие мотивы настроений времени надежд — «когда» «сердца ... спокойны и веселы» и долгожданный мир и тишина дают возможность заняться «всеми полезными и милыми для души предметами» [1, с. 3]. Милый предмет для «души» писателя — литература, он уповает, что она должна иметь влияние «на нравы и счастье».

Этому способствуют, он убежден, и благие перемены в сфере просвещения общества: «...уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях, чувствует нужду в познаниях, и

© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

© 2017 Moscow State University of Psychology & Education

требует новых, лучших идей» [1, с. 3]. Карамзин указывает, что все сословия стремятся к просвещению: и «монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения»; и «министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещенных людей», и «придворный хочет слыть любителем литературы; и «судья читает, и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды»; и «молодой светской человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностью в обществе, и даже при случае философствовать», и «нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях»; и «матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой»; и «семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа» [1, с. 3–4].

Мы видим вновь необычайно идеальный взгляд писателя на настоящее: он горячо доказывает, что все чаяния об образованном обществе из минувшего века Просвещения уже состоялись в веке наступившем, или должны непременно быть. Порой кажется, что он выдает желаемое за действительное, точнее все же, он прозревает будущее, дает рекомендации и программу для действия. Для убедительности Карамзин вновь прибегает в тексте к выразительным ритмическим повторам, теперь однородных предложений, наполненных смысловыми доминантами, развивающими общую тему «всеобщего просвещения».

Вывод писателя однозначен: вкус к литературе «общая мода и главная в Европе», для этого он предлагает «только счесть типографии и книжные лавки в Европе» [1, с. 4]. Карамзин обращает свои взоры и на отечество, которое не является исключением: у московских книгопродавцев с некоторого времени торговля беспрестанно возрастает и, что особо важно для писателя «хорошее сочинение кажется им теперь золотом» [1, с. 4]. Для убедительности он приводит свои личные наблюдения: «Я живу на границе Азии, за степями отдаленными, и почти всякой месяц угощаю у себя новых рапсодов, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы, и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется, и что люди узнали эту новую потребность души прежде неизвестную» [1, с. 5].

Карамзин полагает, что в России литература может быть еще полезнее, чем в других землях, ибо «чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце, и тем более плодов приносит» [1, с. 5]. Писатель воображает себе «великой предмет для словесности, один, достойный талантов» так: «Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российской; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями, и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей!» [1, с. 6]. Это, конечно, есть главная цель и его творчества в целом, и в частности его публицистики периода издания «Вестника Европы».

Идея «сочинения» нового журнала созрела у Карамзина при чтении «любопытных» европейских журналов, в которых «все лучшие авторские умы на сцене»; и конкретная его задача — «выбрать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную!» [1, с. 7]. Достоинство журнала, убежден наш писатель, состоит в разнообразии, которое «приятно хорошим выбором», а хороший выбор иностранных сочинений требует еще хорошего перевода: «Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей» [1, с. 7]. Его метафора «цветника» европейской культуры, пересаженного на российскую почву явилась наилучшим образом привлекательного для читателя «цветения» и процветания нового издания.

Одной из важных составляющих этого «цветника» являлся раздел «Политика»: «...надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастью Европы, будет не весьма богата и

© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

© 2017 Moscow State University of Psychology & Education

любопытна». Карамзин поздравляя издателя с новым титулом «политика», и предупреждает его (и самого себя!), от излишнего увлечения этой журналистской ролью, всему свое время и место: «Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств, народ бежит слушать его, когда он, сидя на своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помиряется, и все затихнет: тогда народ, сказав: *finite è la comedia!* Идет домой, и журналисты остаются один с листами своими» [1, с. 8]. И в дальнейшем он будет следовать собственному совету, и чтобы его читатель не заскучал, наполнит свой «цветник» разнообразием тем.

В первом номере «Вестника Европы» раздел «Политики» открывало «Всеобщее обозрение», в нем была дана общая картина: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав, и разрушая, угрожала еще большими разрушениями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на все другие части мира, и которая будет славна в летописях под страшным именем войны революционной. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение» [1, с. 66]. Риторические вопросы в этой статье как и яркие метафоры придают особую взволнованность публицистическим высказываниям писателя, эмоционально акцентируя смятение душ в период революционных войн, разливавших разрушительное пламя на все части мира. Если сравнить с рассмотренной начальной статьей «К издателю», здесь всё противоположно, описанной ныне наступившей идиллии, когда сердца «покойны и веселы». В этом же духе следует и продолжение обозрения: прошлое осталось позади, действия «ужасной революции» останутся «пятном» восемнадцатого века (далее идет важное примечание автора), «слишком рано названного философским» [1, с. 66]. Писатель твердо убежден, что девятнадцатый век должен быть счастливее, ибо народы уверились в необходимости законного повиновения, а государи — в необходимости «благотетельного, твердого, но отеческого правления» [1, с. 66]. Венчает размышления о веке нынешнем и веке минувшем замечательный афоризм: «Сия мысль утешительна для сердца, которое в самых бедствиях человеческого рода находит, таким образом, залог добра для будущих времен» [1, с. 66].

Заканчивается «Всеобщее обозрение» описанием программы журнала, в котором читатели будут уведомляться: «о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь поданных с монархами» [1, с. 84]. Вторя своему предупреждению издателю об излишнем увлечении политикой, Карамзин утверждает: «Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу» [1, с. 84], поэтому он оставляет издателям ведомостей право сообщать в отрывках всякого рода политические новости, а «мы будем замечать только важные» [1, с. 84]. Сверхзадачу издания писатель видит в том, что «Вестник Европы» в продолжении своем может составить «избранную библиотеку литературы и политики» [1, с. 84].

Обещанное читателям было исполнено уже в течение первого года.

Первое полугодие издания «Вестника Европы» (1802 г.) завершалось обзорной статьей Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (№ 12 за 1802 г.). Эту статью-обзор умонастроений начала XIX в. можно считать программой для истории общественного сознания александровской эпохи, в ней определены главные черты нового «духа» эпохи, который принесла французская революция в Россию — «духа» либерализма, и

черты «старого», просветительского — «духа» рационализма и консерватизма. Остановим свое внимание на этой статье в поисках определения главных черт александровского времени по Карамзину.

Главный пафос статьи «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (да и ее название говорит само за себя) — «никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше» [4, с. 314]. «Не желаю быть мечтателем, — пишет Карамзин, — но в царствование Александра могут ли добрые желания и патриотические надежды быть мечтами?» [4, с. 322] Для молодого поколения русских образованных людей — это было счастливое молодое царствование, время это имело для России, как государства, особенный характер счастливой и наполненной надеждами красивой молодости.

Статья Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» открывается обзором внешнеполитических событий, которые и привели Европу к «политическому и нравственному благоденствию»: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок освящен» [4, с. 314]; «...французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их; (почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу». Автор, выражая общественное мнение того времени, приходит к выводу: «Революция была злословием свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми ее выгодами, согласными с основанием и порядком общества» [4, с. 314–315]. Далее он рассуждает о «дружественном союзе народов», который благоприятствует «взаимному сообщению великих умов» [4, с. 315].

Взор автора обращен и к России: «Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благодеяниями человеколюбивого монарха? Никогда Россия не уважалась в политике, никогда ее величие не было так чувствуемо во всех землях, как ныне, ... она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов» [4, с. 317].

Для Карамзина молодой монарх соединил в себе все те надежды, любовь и преданность, которые «поданные так счастливы законно отдавать своим владыкам». Нарушенный революцией миропорядок восстановлен, и Россию в этом обновленном мире ждет великое будущее, убежден Карамзин; и он готов в числе других «лучших умов» послужить отечеству «под знаменем властителей» и «способствовать успехам настоящего порядка вещей» [4, с. 315].

Ясно и точно, выразил издатель «Вестника Европы» зарождавшиеся умонастроения в русском обществе начала XIX в., «дух нового времени», когда страстное желание служения истинному общественному благу сливается с не менее страстной верноподданностью своему, юному монарху, олицетворяющему будущую державную мощь России.

Ранее в № 3 «Вестника Европы» за 1802 г. издатель привел переводную из парижского журнала статью «Новая политика», в которой также анализировалось существенное изменение общественного сознания эпохи с «философского» на прагматическое во Франции: «Мы свергли с неба старинных моралистов и новыми системами доказали ложь их мудрости. Все приняло другой вид: доходы теперь стоят наряду с добродетелями, торг занял место нравов...» [2, с. 4]. Здесь звучит предупреждение об опасной перемене, которая наступает после революционных событий, на место благородных просветительских систем приходит низкая власть капитала.

Статья, подобного политического содержания, «О мире» была напечатана и в № 8 «Вестника Европы» за 1802 г.: «Политическое спокойствие Европы, при нынешней отменной деятельности умов, обещает нам много приятного для жизни и много полезного для гражданского состояния людей. <...> Революция кончилась не только для Франции, но и в

Блудилина Н.Д.
Публицистический диалог России с Западом о «духе
нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала
«Вестник Европы»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 62-74.
doi: 10.17759/langt.2017040208

Bludilina N.D.
Publicist dialogue Russia with the West on
the «new spirit of time» in articles N. M.
Karamzin of the magazine «Bulletin of
Europe»
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.
doi: 10.17759/langt.2017040208

умах, которые теперь от одних мудрых законных властей ожидают лучшей доли для человечества в гражданском порядке» [3, с. 376]. Здесь вновь звучит надежда на благие перемены в общественном сознании («умах»), ибо «законные власти» должны гарантировать «гражданский порядок», это основа «общественного договора», столь долго обсуждаемого философами-просветителями на исходе восемнадцатого века.

Политическое равновесие внешних сил, по мнению Карамзина, создает благоприятные условия для равновесия внутреннего в государстве, в его общественном сознании, недолгое примирение умов, объединенных единой целью: послужить общему благу.

Отголоски идей «вечного мира» можно встретить и в публицистическом сочинении Карамзина «Записка о древней и новой России», когда он анализирует политическое равновесие в Европе накануне 1805 г.: «начнем с внешней политики... Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии: война представляла ей великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утратила и могла ничего не бояться, т.е. находилась в самом счастливом положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Францией, а Пруссия служила нам уздой для Австрии. Основанием российской политики долженствовало быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы; успехи Франции и Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту, или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию; первая как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтобы удалить от нас влияние Франции. ...Россия казалась только великодушною посредницею Европы...» [10, с. 50].

В русскую литературу XVIII в. идеи Сен-Пьера и его «проект вечного мира» были введены благодаря переводам И.Ф. Богдановича сочинений Ж.-Ж. Руссо: в 1771 г. он издал «Сокращение, сделанное Жан-Жаком Руссо, женеvским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом Сен-Пьером». «Общественный договор» Руссо, в котором развивались идеи «вечного мира» в значении социального равновесия, был опубликован на русском языке в 1786 г.

Со всеми этими работами Карамзин был хорошо знаком, и следы увлечения идеями «вечного мира» и в политическом, и в социальном значении можно найти в некоторых статьях «Вестника Европы».

Но рассуждения о «вечном мире» и сам проект, вряд ли могли изменить порядок вещей: Россия уже жила ожиданием войны с Бонапартом.

Карамзин, объясняя изменение самосознания русского общества в начале XIX века внешними причинами, поражает прозорливостью и широтой суждений о сложной и переменчивой эпохе, которыми мог, безусловно, обладать не просто непосредственный участник событий, а пытливый созерцатель и исследователь исторического процесса, с интуицией «гения», художника. Карамзин также поразительно точен и в передаче романтического мироощущения людей александровского времени, когда все ужасы прошлых потрясений забыты, и все взоры и мысли мечтательно устремлены в будущее.

Как и в первой статье «К издателю», в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» взор автора обращен к будущему России: звучит и радостная надежда Карамзина на новое царствование, основанная не только на преуспевании России во внешней политике, но и на внутренних, благотворных переменах; о чем свидетельствуют «нынешнее

общее спокойствие сердец», «благородные, истинно человеческие идеи», более и более действующие в умах [4, с. 317]. Автор статьи приходит к выводу, что «рассудок утверждает права свои и дух россиян возвышается» — это те важные перемены в общественном самосознании, которые, по его мнению, приведут к дальнейшему процветанию России [4, с. 317]. Написав картину просветительской идиллии «дней александровых прекрасного начала», Карамзин спешил заверить читателей, что Россия еще не находится «на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству» [4, с. 318].

И среди будущих благ «века Александра» Карамзин назвал «полное, методическое собрание гражданских законов, точно и мудро написанных», и отметил их особое знание, их историческую приемственность: «Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания» [4, с. 319]. Карамзин статьей «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» готовил читателей к будущим значительным общественным переменам в России, которые должны будут продолжить начинания века просвещенного абсолютизма. Захваченный новым либеральным «духом» времени перемен, Карамзин в глубине души все же склонялся к «старому» просветительскому взгляду: он был уверен в необходимости и в новое царствование «действия истинного просвещения» [4, с. 319].

К кому были обращены все эти «надежды и мечтания» Карамзина?

К русскому дворянству; «оно есть душа и благородный образ всего народа», ему «слава и счастье отечества должны быть ... особенно драгоценны» [4, с. 321]. Карамзин назвал и «героя, своего времени» — «молодой человек с решительным образом мыслей» [4, с. 319].

Сложилось априорное мнение у некоторых исследователей вслед за утверждением Ю. М. Лотмана, что «Вестник Европы» Карамзина журнал «откровенно бонапартистский» [13, с. 282]. Исследовательница И. И. Фадеева утверждает: «Карамзин не только анализирует происходящее в Европе, он словно использует личность и политику Наполеона как показательный пример для Александра Первого» [15, с. 154]; в том же духе рассуждает ученый историк М. Г. Лобачкова [12, с. 90]. Очевидно, что эта взаимосвязь выведена из ложного предположения, что антитеза Наполеон и Александр I, составившая организующее начало политической позиции «Вестника Европы», состояла в противопоставлении сильного правителя слабому правителю. Но содержание первых годов выпуска журнала свидетельствует о другом: для издателя «Вестника Европы» это было противопоставление «темного» политического гения — Бонапарта (хотя «гений и злодейство», безусловно, для Карамзина «две вещи несовместные») и «светлого» политического гения — Александра I. Нельзя согласиться и с утверждением, что «Вестник Европы» — журнал «откровенно бонапартистский». Постараемся доказать обратное.

Дальнейший анализ текстов статей из карамзинского издания покажет, что отношение к Наполеону у Карамзина было совсем неоднозначным.

Материал о Бонапарте появляется в первых же номерах «Вестника Европы», но это свидетельствует не о «бонапартистском» направлении журнала, а об интересе читающей и думающей публики александровского времени к столь важной политической фигуре в международных делах, и издатель, в соответствии с общественными задачами журнала, знакомит читателей с загадочным для них пока образом французского консула.

В журнале за 1802 г. № 1 Карамзин приводит из французского журнала «Анекдоты о Бонапарте», где представлен почти идеальный образ молодого гениального полководца-провидца событий. Приведем для ознакомления самые выразительные: «За несколько дней до отъезда в Итальянскую армию, Бонапарте пришел к одному из друзей своих, спросил бумаги и написал в десять минут план военных действий, которой был у него в голове. В сем плане именно назначено, что первое поражение неприятеля будет при Меллезимо, и что Австрийцев, должно выгнать из ущелин Тирольских. В конце сказано: “И перед воротами Вены дам я вам мир!”» [1, с. 60]; «Бонапарте был двадцати шести лет от роду, когда поехал командовать армию. “Такому ли молодому человеку быть военачальником!”, — сказал ему один из его приятелей. “Я еду молод, а возвращусь стариком”, — отвечал он» [1, с. 61]; «Бонапарте в начале своего Консульства часто повторял, что Первый Консул должен быть ничто иное, как первый и всегдашний ходатай государства по внешним и внутренним делам» [1, с. 62]; Он сказал французским морским Офицерам: “Вы храбры, но были побеждаемы от неповиновения. На сухом пути храбрость без подчиненности может иногда победить, а на море никогда”» [1, с. 62].

Что представляли собой на самом деле эти «анекдоты»: перед нами создаваемый в обществе миф о Бонапарте, который успешно растиражировали печатные органы, либо это сознательная пропаганда легенды о Наполеоне, которую сочиняли сами газетчики с подачи властей? Возможно, это было и то и другое. Встает и другой важный вопрос: сколько здесь правды и выдумки? Как эти вопросы разрешал для себя Карамзин станет очевидным из дальнейших его публикаций на эту тему.

В № 8 «Вестника Европы» за 1802 г. Карамзин публикует «Письмо о консуле Бонапарте» (без подписи), словесный портрет будущего героя или антигероя, и каждый из читателей волен сделать выбор сам: «Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистию или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приеме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор — потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз, слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французов; отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя ничего заключить об успехе дела» [3, с. 343].

В приведенном выше «Письме о консуле Бонапарте» и в других исследуемых ниже статьях «Вестника Европы» можно предположить отчасти авторство Карамзина, который по всем отзывам европейской прессы создает некий собирательный психологический иронично-восторженный портрет Бонапарта, из которого очень явственно видны черты великого лицедея, играющего пока в многозначительность и загадочность «редкого человека», который на глазах изумленной публики скоро превратится в «великого человека».

Далее в «Вестнике Европы» за 1803 г. (№ 12) появилось описание занятий Бонапарта — «День консула Бонапарта, из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже»: «Всегдашняя деятельность есть главная потребность сего великого человека и первая черта его характера. Сие природное, весьма редкое дарование способствовало возвышению Бонапарте... и ныне помогает ему достойно занимать сию степень величия... Прилежное исследование всех частей государственной науки делает его ежедневно способнее повелевать Республикою...» [5, с. 307].

Верил ли сам Карамзин в возможность превращения недавнего капрала в просвещенного правителя, или в этой «всегдашней» занятости он видел всего лишь притворство и игру в величие? Не случайно в тексте записок этой мифической немецкой дамы (ее происхождение должно было свидетельствовать о беспристрастности ее суждений) издатель «обронил»

невзначай фразу-намек для проницательного читателя: «...консул должен много читать» [5, с. 307].

В то время многие горячие головы и тщеславные сердца молодых людей александровского времени были романтически увлечены славой Бонапарта, которую они ошибочно принимали за величие, именно им в большей степени адресованы эти публикации.

В 1803 г. в № 18 «Вестника Европы» появилась новая статья о Бонапарте — «Письмо из Парижа. Прием в Сен-Клу. (Из нем. журнала)». В ней вновь описывается внешность французского консула, но для автора уже отчетливо видно, что «ни одна черта не изображает отменного человека»: «Взор его совершенно погас и не изъясняет ничего. Один умный физиолог, говоря со мной о том, заметил, что это бывает следствием живых, сильных страстей, глубоко скрывааемых в сердце. Консул имеет одну страсть, но сильнейшую и самую разрушительную: властолюбие и любочестие; и никакой властитель лучше его не скрывал от толпы своего истинного характера» [5, с. 109–110].

Загадочный образ стал проясняться и вызывать явную неприязнь. Прозрение наступило в 1804 г., когда произошло полное превращение «маленького капрала» в императора, но не для всех.

Карамзин в № 20 «Вестника Европы» за 1804 г. публикует статью, развенчивающую все романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции — «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”): «Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но еще может быть и не довольно примечено, сколь далеко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общим предрассудков, потому что воспользовались ими. <...> Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство — но здесь оканчивается сравнение». Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит в том, «что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королем французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний, для него страшных...». Заканчивается статья изумлением перед Наполеоном и другими представителями высшей власти: «Подивимся счастливой судьбе г-на Бонапарта. Приняв титул императорское, по особливим своим расчетам, он заставил государей следовать его примеру...» [8, с. 335, 337–339].

В «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 21 среди известий из Парижа о последнем, поразившем общество событии — короновании Бонапарта, — печатается протест Людовика XVII: «Бонапарте, принимая, на себя достоинство императора и желая, чтобы оно объявлено было наследственным в фамилии его, приложил тем самым печать к похищению им верховной власти. Сие новое деяние революции, в которой все, с самого начала, было ничтожно, не может без сомнения уничтожить права мои...» [9, с. 64].

«Вестник Европы» был, согласно взглядам своего издателя, монархическим журналом. В 1804 г. Карамзин во внезапном превращении французского правления из республиканского консульского в монархическое видел и подтверждение «давно уже всеми признанной истины», «что государство обширное и великое не может и не должно быть республикою» [9, с. 64].

Блудилина Н.Д.
Публицистический диалог России с Западом о «духе
нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала
«Вестник Европы»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 62-74.
doi: 10.17759/langt.2017040208

Bludilina N.D.
Publicist dialogue Russia with the West on
the «new spirit of time» in articles N. M.
Karamzin of the magazine «Bulletin of
Europe»
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.
doi: 10.17759/langt.2017040208

В статьях «Вестника Европы» антитезой «темному» правителю-тирану, разрушителю спокойствия народов Европы — Наполеону является «светлый» мудрый монарх, который «чтит древний образ своего правления» и «безопасность и счастье своего народа» — Александр I.

В 1804 г. Карамзин опубликовал в своем журнале в № 21 статью «Первые годы царствования Александра I». В ней «последним превращениям французского правления» противопоставлен идиллический образ России «под кроткою державою» Александра I: «Где господствует тишина и спокойствие, где земледелие и промышленность подают друг другу руки; где правитель и граждане согласно текут путем своим; там народ благодетельствует под мудрым правлением» [9, с. 65]. Перед нами воплощение идеи «вечного мира», но уже не в политическом, а в социальном равновесии. Монархизм в то время исповедовало почти все высшее сословие России, обожание своего монарха было естественным.

Очевидно, что «Вестник Европы» не мог быть «бонапартистским» журналом: целью писателя была не апология Наполеона как великого деятеля и человека, а, напротив, его дискредитация, открытая демонстрация низких черт его личности читающей публики, в том числе, как лицемерного лицедея, в котором нет ни простоты, ни правды, истинной основы величия (согласно Л. Н. Толстому).

Где искать истоки этих заблуждений молодых умов России? Карамзин видит их в иностранном воспитании целого поколения русских дворян, выросших на любви к Франции. «Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодеяниями господ французов, — с иронией отмечал Карамзин в «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 16. — Никто не сомневается, с какими трудностями сопряжена обязанность приучать грубых северных жителей произносить в нос французское п, заставлять вытверживать вокабулы и ощупью по пути непорочному и непроходимому вести нас к храму просвещения» [7, с. 658].

Анализируя прошедшие события, когда-то составлявшие содержание публицистических статей «Вестника Европы», Карамзин писал в «Записке о древней и новой России» о недавних ошибках и заблуждениях начала царствования Александра I: «Можно было угадать следствия... Но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?..»; «...каким образом изъясним горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра» [10, с. 49–51].

Для Карамзина, погрузившегося в изучение русской истории, пора просветительских мечтаний и надежд периода издания «Вестника Европы» подошла к концу, наступила пора разочарования и переосмысления прошедшего перед лицом будущих испытаний «духа» нации «грозы двенадцатого года». Плоды его глубоких размышлений и анализа современности в сопоставлении с историей осуществились в его историко-публицистическом сочинении 1811 г. «Записка о древней и новой России», в которой автор выразил более зрелый и нелицеприятный взгляд историка на александровское правление и его реформы.

Литература

1. Вестник Европы. 1802. № 1
2. Вестник Европы. 1802. № 3.
3. Вестник Европы. 1802. № 8.
4. Вестник Европы. 1802. № 12.
5. Вестник Европы. 1803. № 12.

Блудилина Н.Д.

Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала

«Вестник Европы»

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

Bludilina N.D.

Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M.

Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe»

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

6. Вестник Европы. 1803. № 18.
7. Вестник Европы. 1804. № 3.
8. Вестник Европы. 1804. № 16.
9. Вестник Европы. 1804. № 20.
10. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
11. Кувшинова Н. В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н. М. Карамзина // Автореферат диссертации кандидата философских наук. ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2009.
12. *Лобачкова М. Г.* «Вестник Европы» Н. М. Карамзина о политике первого консула Франции (1802–1803) // Вестник научно-технический информационных технологий, механики и оптики. 2006. Вып. 1 (24). С. 84–91.
13. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.
14. *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 1.
15. *Фадеева И. И.* Образ Наполеона Бонапарта в журнале Н. М. Карамзина «Вестник Европы» // Экстремизм, конфликты и войны: история и современность». Труды международной конференции. 2010. С. 154–156.

Блудилина Н.Д.
Публицистический диалог России с Западом о «духе
нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала
«Вестник Европы»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 2. С. 62-74.
doi: 10.17759/langt.2017040208

Bludilina N.D.
Publicist dialogue Russia with the West on
the «new spirit of time» in articles N. M.
Karamzin of the magazine «Bulletin of
Europe»
Language and Text langpsy.ru
2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.
doi: 10.17759/langt.2017040208

Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M. Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe»

Bludilina N.D.,

*Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute World literature. A. M. Gorky of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, dilinata@mail.ru*

The article contains an analysis transformation of the views of the writer N. M. Karamzin, affecting in his nonfiction articles in the magazine «Bulletin of Europe» for 1802–1804 years through the prism dialogue Russia with the West: of the dispute about the essence of the geopolitical and social ideas — conservative and liberal — in the light of the political and cultural change this difficult era at the turn of the century, which, in General, figuratively named «the spirit of the new times». Also explores the corpus bills of translated articles the «Bulletin of Europe» for a specified period, most of which are not reprinted.

Key Words: Tags Journalism, politics, society, culture, literature, conservatism, liberalism, N. M. Karamzin, magazine «Bulletin of Europe».

References

1. Herald of Europe. 1802. No. 1
2. Herald of Europe. 1802. № 3.
3. Herald of Europe. 1802. № 8.
4. Herald of Europe. 1802. № 12.
5. Herald of Europe. 1803. № 12.
6. Herald of Europe. 1803. No. 18.
7. Herald of Europe. 1804. No. 3.
8. Herald of Europe. 1804. No. 16.
9. Herald of Europe. 1804. No. 20.
10. *Karamzin N. M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah.* M., 1991.
11. *Kuvshinova N. V. Nравstvennyye osnovaniya mirovozzrencheskih idej N. M. Karamzina //Avtoreferat dissertacii kandidata filosofskih nauk. GOU VPO «SHujskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2009.*
12. *Lobachkova M. G. «Vestnik Evropy» N. M. Karamzina o politike pervogo konsula Francii (1802–1803) // Vestnik nauchno-tekhnicheskij informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki. 2006. Vyp. 1 (24). S. 84–91..*
13. *Lotman, Yu. M. The Creation of Karamzin.* M., 1987.

Блудилина Н.Д.

Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала

«Вестник Европы»

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

Bludilina N.D.

Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M.

Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe»

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

14. *Pogodin M. P.* Nikolaj Mihajlovich Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: Materialy dlya biografii. M., 1866. CH. 1.
15. *Fadeeva I. I.* Obraz Napoleona Bonaparta v zhurnale N. M. Karamzina «Vestnik Evropy» // ЕНкстремизм, конфликты и войны: istoriya i sovremennost'. Trudy mezhdunarodnoj konferencii. 2010. S. 154–156

Многозначные слова в метафорах, используемых в политических текстах

Уткина Л.Н.,

доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, loraut@mail.ru

Даниелян Р.Г.,

Студент 4 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, danielianruz@mail.ru

В статье рассматриваются полисемантические слова, находящиеся в составе комплексных метафорических конструкций, на примере выступлений современных государственных деятелей (Б.Обамы, Д.Трампа, Д. Кэмерона, королевы Великобритании Елизаветы II и др.). В статье анализируется использование метафорической полисемии в общественно-политическом дискурсе, и объясняются ее причины. Основная цель данной статьи заключается в рассмотрении феномена полисемантических единиц, разнообразия их значений и их употребления в современном английском языке в составе метафорических словосочетаний.

Ключевые слова: полисемия, ассоциативные связи, метафорический перенос значения, метонимический перенос значения, комплексные метафорические конструкции, политический дискурс.

Для цитаты:

Уткина Л.Н., Даниелян Р.Г. Многозначные слова в метафорах, используемых в политических текстах [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Utkina_Danielian.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040209

For citation:

Utkina L.N., Danielian R.G. The polysemantic words in metaphors used in political texts [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Utkina_Danielian.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040209

Наличие у одного слова нескольких лексических значений, часто на основе семантической связи между ними или переноса смежных признаков с одного денотата на другой, носит название полисемии. Полисемия это естественное лингвистическое явление, поскольку язык, будучи живой материей, подвергается постоянным изменениям, а значит, его отдельные элементы могут приобретать новые значения.

Существуют различные причины появления многозначности в языке. Саму идею причинности полисемии наиболее точно сформулировал В.В. Виноградов: «Ни один язык не смог бы выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта безгранична, ресурсы же самого богатого языка сурово ограничены» [1, с. 43].

Главными причинами возникновения у слова нескольких лексических значений являются экстралингвистические факторы. Всевозможные социальные, исторические, политические и другие изменения в жизни общества вызывают необходимость в новых

наименованиях. Эта необходимость способствует употреблению уже существующих языковых средств в новых значениях.

В зависимости от того, что является источником ассоциативных связей - смежность явлений или же их общность и вытекающее из них сходство, - выделяют метонимические и метафорические переносы значений.

Метафоры - семантически производные наименования по преимуществу с характеризующей функцией. Поэтому, в то время как метонимические наименования чаще встречаются в предметных позициях, метафорическими чаще оказываются наименования, которые употребляются в предикатных (признаковых) позициях.

Зачастую полисемантические слова находятся в составе комплексных метафорических конструкций. Это прослеживается в изречениях современных политических деятелей. В качестве примера можно привести финальное обращение президента США Барака Обамы к Конгрессу 12 января 2016 года. В своей речи президент использовал такое высказывание как «fixing a broken immigration system», где, с помощью причастия «broken» (сломанный), придал иммиграционной системе признаки, присущие какой-либо технике или же любой материальной вещи, способной сломаться. Таким образом, рядом стоящее слово «fixing» (починка) тоже приобретает метафорическое значение. Дословный перевод этого выражения будет таким: «починка сломанной иммиграционной системы», то есть, литературно - «исправление многочисленных проблем, связанных с иммиграционной системой».

«Each time, there have been those who told us to fear the future, who claimed we could slam the brakes on change, who promised to restore past glory if we just got some group or idea that was threatening America under control». В данном предложении стоит обратить внимание на идиому «slam the brakes on» (нажать на тормоза), которая здесь приобретает значение «остановиться, прекратить». Следовательно, выражение «slam the brakes on change» можно перевести как «прекратить меняться». Однако в данном случае не сохраняется сила образа оригинала, которую частично можно сохранить, используя другой сильный образ, существующий в русском языке - «наступить на горло песне» (в нашем контексте - «наступить на горло переменам»). Очень важно также учесть, что сам глагол «slam» обладает большим семантическим разнообразием. Оригинальное его значение: «хлопать», «сильно ударить», то есть в данном контексте описывается действие резкое и сильное.

«That is how we recovered from the worst economic crisis in generations» - «Вот, как мы оправились после худшего экономического кризиса всех поколений». Глагол «recover» уместнее всего использовать в случаях, когда говорится о болезнях и прочих недугах. Применив это слово в своей речи, Обама сравнивает экономический кризис с болезнью, и глагол recover получает метафорическое значение. Выражение «in generations» также приобретает дополнительный оттенок значения, поскольку подразумевает длительный период времени, который измеряется сменой нескольких поколений.

Подчеркивая непрекращающееся развитие государства, президент утверждает: «...the pace of this change will only accelerate», то есть «...темп этих перемен будет только ускоряться». Таким образом, существительное «pace» (темп) и глагол «accelerate» (ускоряться) начинают обозначать интенсивность тех перемен, о которых говорит президент [4].

Другой политический деятель США, Дональд Трамп, ставший новым президентом США, также активно использует в своей речи многозначные слова, имеющие метафорический источник. В своем официальном заявлении о баллотировании в президенты США 16-ого июня 2015-ого года, политик поднял множество проблем, в том числе терроризм: «Islamic terrorism is eating up large portions of the Middle East». Это метафорическое высказывание состоит из глагола «eat up» (съесть, поглощать), и «large portions» (большие порции): «Исламский терроризм поглощает большие порции Ближнего Востока». Эта метафора воспринимается как яркий образ гигантского чудовища, пожирающего огромные порции населенных множеством

людей территорий. В такой форме Дональд Трамп говорит о доминировании исламских террористических группировок на территории Ближнего Востока, аргументируя это тем, что они становятся богаче и строят отели в Сирии, не выплачивая никаких налогов: «They've become rich. I'm in competition with them. They just built a hotel in Syria. Can you believe this? They built a hotel. When I have to build a hotel, I pay interest. They don't have to pay interest because they took the oil that, when we left Iraq, I said we should've taken». Данное высказывание можно перевести таким образом: «Они стали богатыми. Я конкурирую с ними. Недавно построили отель в Сирии. Вы можете в это поверить? Они построили отель. Когда мне нужно построить отель, я выплачиваю проценты. Им не нужно выплачивать проценты, потому что они забрали нефть, которую мы, как я говорил, должны были забрать, покидая Ирак». Выражение «took the oil» (забрали нефть) также имеет имплицитный смысл, поскольку глагол «take» (забирать) в данном случае имеет значение «завладеть, захватить».

Выражая свою неприязнь к мексиканским иммигрантам, политик утверждает: «...they're killing us economically» и «...they are beating us economically». Оба глаголы - «kill» (убивать) и «beat» (бить) метафорически обозначают отрицательное влияние иммигрантов на экономическое положение страны [8].

Многозначные слова в метафорах также используются бывшим премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном. В своем обращении к странам Евросоюза 10-ого ноября 2015-ого года политик сказал следующее: «The threats to our security - and to the security of every European nation - have grown enormously in the last few years: from the Russian invasion of Eastern Ukraine, to the emergence of ISIL, and the migration flows triggered by the war in Syria». Глагол «trigger», в своем оригинальном значении означает «нажать на курок», в данном случае метафорически употребляется для образной передачи семантики «дать начало, запустить процесс». Поэтому данное выражение может иметь такой перевод: «волны миграций, запущенные войной в Сирии».

«Across the continent, from Ypres to Monte Cassino, from Bayeux to Arnhem, in stone cold cemeteries lie the remains of British servicemen who crossed the Channel to help subjugated nations throw off the tyrant's yoke and return liberty to her rightful place on what Churchill called 'this noble continent'». В данном предложении Дэвид Кэмерон употребил несколько метафорических конструкций. «По всему континенту, от Ипра до Монтекассино, от Байё до Арнема...» под названиями городов говорящий подразумевает именно боевые сражения и войны на этих территориях. «...на холодных каменных кладбищах лежат останки британских солдат, пересекших канал, чтобы спасти поработанные народы, сбросить с них бремя тирании и вернуть свободу на ее законную территорию, которую Черчилль назвал 'благородным континентом'». Выражение «throw off the tyrant's yoke» (сбросить с них бремя тирании) имеет значение «избавить народ от тирании», а «return liberty to her rightful place» (вернуть свободу на ее законную территорию) означает «освободить континент». Также, используя притяжательное местоимение «her», Кэмерон «оживляет» понятие «свобода», и здесь применяется такое средство речевой выразительности, как олицетворение. «Благородным континентом» обозначена Европа [5].

Говоря о состоянии Соединенного Королевства и всего мира, Королева Великобритании Елизавета II в своей рождественской речи 25-ого декабря 2015-ого года, заметила: «It is true that the world has had to confront moments of darkness this year». Словосочетание «moments of darkness» (моменты темноты, темные моменты) на самом деле означают «тяжелые, печальные времена». Также Королева произнесла следующее: «That allows us to reflect the year that passed as we think of those who are far away and no longer with us». Вторую грамматическую часть предложения: «as we think of those who are far away and no longer with us» возможно перевести таким образом: «чтобы мы могли подумать о тех, кто далеко и больше не рядом с нами».

Выражение «far away» (далеко) в данном случае приобретает метафорический оттенок, так как подразумевает погibших людей [7].

В политическом тексте, поднимающем вопрос об Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, было сказано следующее: «The seeds of a plan for regional cooperation were sown in the early 1950s, as the scars of colonial conquest and exploitation had imprinted a shared perception among Southeast Asian countries». Существительное «seeds», обозначающее «семена», в данном случае приобретает метафорическое значение, близкое к слову «предпосылки», и в его контексте глагол «sow» (сеять) также имеет соответствующее метафорическое значение. Наиболее близкий перевод первой грамматической части будет выглядеть приблизительно так: «Почва (The seeds) для разработки плана регионального сотрудничества была подготовлена (were sown) в начале 1950-х годов». Существительное «scars» (шрамы) становится полисемантическим, поскольку в данном контексте имеет значение «тяжелый опыт», и глагол «imprint» (отпечатывать) также приобретает имплицитный смысл, поскольку эти два слова взаимосвязаны – «рубцы запечатлелись/отпечатались, как на коже. И так, перевод данной части предложения будет следующим: «... когда шрамы (the scars) прошлого колониального гнета и эксплуатации одинаково запечатлелись (had imprinted) на умонастроениях в странах ЮВА» [2].

На Московской международной конференции, посвященной тридцатилетию АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) посол Индонезии господин Партоджи Сэйносир представил документ, в котором было следующее: «The outbreak of the Cambodian crisis has served as a constraint on the fulfillment of the dream of “One Southeast Asia” under the umbrella of ASEAN regional cooperation». Слово outbreak в значении «вспышка» становится метафорическим и в данном контексте вместе со словосочетанием «Cambodian crisis» приобретает значение «неожиданное возникновение». То есть: «Вспышка (неожиданное возникновение) Камбоджийского кризиса». Словосочетание «under the umbrella» (под зонтом) в данном случае имеет значение «под руководством». Следовательно, выражение «under the umbrella of ASEAN regional cooperation» будет переводиться как: «под руководством АСЕАН с помощью регионального сотрудничества».

В данном документе также присутствует следующее утверждение: «Through this decision ASEAN wants to make it clear that prospective member should conform to ASEAN’s own “rules of the game” before joining the association»: «С помощью этого решения АСЕАН хочет прояснить, что потенциальный член ассоциации должен принять правила игры АСЕАН перед тем, как вступить в союз». Выражение «rules of the game», имеющее оригинальное значение «правила игры», в данном случае приобретает метафорический оттенок, так как «правила игры» это не что иное, как условия данной Ассоциации. Правда, данная метафора уже не является яркой. Фразеологизм «make it clear» дословно переводится как «делать ясным», то есть «прояснить». Данный фразеологизм является синонимом ряду глаголов «clarify» (вносить ясность), «elucidate» (разъяснять), «explain» (объяснять), «decode» (расшифровывать).

Американский публицист Сара Крайтон в своей статье «Failed emergency legislation “would have made Australia a laughing stock”» пишет следующее: «They [the Government] have chosen to thumb their nose at international public opinion». В словаре Cambridge Academic Content Dictionary дается следующее определение идиоме «thumb one’s nose at someone/something»: «to show a lack of respect toward someone or something» [3], то есть «показать неуважение к кому-либо, чему-либо». Это также определенный жест, который демонстрируется путем приставления большого пальца к кончику носа. Следовательно, данное предложение имеет следующий перевод: «Правительство решило проявить неуважение к международному общественному мнению».

Таким образом, приведенные примеры показывают, что среди современных политических деятелей и в самом деле широко употребляются многозначные слова, имеющие метафорический источник. Зачастую многозначными становятся не только слова, но и

словосочетания и фразы. Слова, используемые политиками в переносном значении, придают речи образность, остроту, необычность, привлекая внимание и сильно воздействуя на аудиторию. С помощью ярких метафор и включенных в них многосмысленных слов ораторы делают свою речь запоминающейся, привлекающей массы на свою сторону, с тем, чтобы достичь поддержки предлагаемой идеи.

Литература

1. *Виноградов, В. В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. С. 3–43.
2. *Терехова, Е.В.* Двусторонний перевод общественно-политических текстов (с элементами скорописи в английском языке) / М.: Флинта : Наука, 2006. 320 с.
3. Cambridge Academic Content Dictionary : Reference Book with CD-ROM. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 1137 p.
4. Eidenmuller, Michael E. American Rhetoric [Электронный ресурс] – URL:<http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2016.htm> (дата обращения: 14.02.2016).
5. Government Digital Service. GOV.UK [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-europe> (дата обращения: 14.02.2016).
6. *Ponton, D.M.* К вопросу об употреблении метафор, связанных с природными явлениями в правительственных документах Великобритании [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Том 2. № 3. С. 97–120. doi:10.17759/langt.2015020312 (дата обращения: 14.02.2016).
7. The Royal Household. The Royal Family [Электронный ресурс] – URL: <http://www.royal.gov.uk/ImagesandBroadcasts/TheQueensChristmasBroadcasts/ChristmasBroadcasts/ChristmasBroadcast2015.aspx> (дата обращения: 14.02.2016).
8. Turner Broadcasting System, Inc. Cable News Network [Электронный ресурс] – URL: <http://edition.cnn.com/2015/06/16/politics/donald-trump-2016-announcement-elections/> (дата обращения: 14.02.2016)

The polysemantic words in metaphors used in political texts.

Utkina L.N.,

Senior lecturer, Chair of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, loraut@mail.ru

Danielian R.G.,

4th year student of the faculty of the Foreign Languages, MSUPE, Moscow, Russia, danielianruz@mail.ru

The article deals with polysemantic words that are often found in complex metaphorical structures, which can be seen in speeches of modern politicians (B. Obama, D. Trump, D. Cameron, Queen Elizabeth II, etc.). The usage of metaphorical polysemy in political discourse and its reasons are considered and explained. The main goal of the article consists in the examination of the polysemantic structures phenomenon, the diversity of their meanings and their usage in modern English as parts of the metaphoric phrases.

Keywords: polysemy, associative links, metaphoric transfer of the meaning, metonymic transfer of the meaning, complex metaphoric structures, political discourse.

References

1. Vinogradov, V.V. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova [General types of the word's lexical meanings] // Voprosy yazykoznaniiya. [The questions of linguistics]. 1953. Pp.3–43.
2. Terehova E.V. Dvustoronnij perevod obshhestvenno-politicheskikh tekstov (s elementami skoropisi v anglijskom yazyke)[Bilateral translation socio-political texts (with elements of cursive writing in English)]. Moscow: Flinta : Nauka, 2006. 320 p.
3. Cambridge Academic Content Dictionary : Reference Book with CD-ROM. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1137 p.
4. Eidenmuller, Michael E. American Rhetoric [Elektronnyi resurs]. URL:<http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2016.htm> (Accessed 14.02.2016).
5. Government Digital Service. GOV.UK [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-europe> (Accessed 14.02.2016).
6. Ponton, D.M. K voprosu ob upotreblenii metafor, svyazannyh s prirodnyimi yavleniyami v pravitel'stvennyh dokumentah Velikobritanii [The Natural Choice? Metaphors for nature in a U.K. government white paper] [Elektronnyi resurs] // Yazyk i tekst. 2015. Vol. 2. № 3. P. 97–120. doi:10.17759/langt.2015020312 (Accessed 14.02.2016).
7. The Royal Household. The Royal Family [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.royal.gov.uk/ImagesandBroadcasts/TheQueensChristmasBroadcasts/ChristmasBroadcasts/ChristmasBroadcast2015.aspx> (Accessed 14.02.2016).

Уткина Л.Н., Даниелян Р.Г.

Многозначные слова в метафорах, используемых в
политических текстах

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 75–81.

doi: 10.17759/langt.2017040209

Utkina L.N., Danielian R.G.

The polysemantic words in metaphors used
in political texts

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no 2, pp. 75–81.

doi: 10.17759/langt.2017040209

8. Turner Broadcasting System, Inc. Cable News Network [Elektronnyi resurs]. URL: <http://edition.cnn.com/2015/06/16/politics/donald-trump-2016-announcement-elections/> (Accessed 14.02.2016).

Актуальные проблемы теории литературных сновидений и методика их изучения на современном этапе

Сергеев О.В.,

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, Москва, Россия, oleg1405@yandex.ru

в работе рассмотрены классические методы толкования сновидений. В статье приведены примеры из теоретических литературоведческих, педагогических работ отечественной гуманитарной мысли. Диапазон точек зрения достаточно широк для краткого исследования: философия, история литературы, литературный психоанализ. Значимость отечественной методической мысли оказывается особо значимой в сопоставлении с работами ведущих исследователей современной науки. В работе сделана попытка осмыслить рубежи изучения снов в литературе и определить перспективы научного осмысления художественной образности снов на примере последнего периода русской классической литературы.

Ключевые слова: история культуры, история литературы, методика литературы, теория литературы, теория сновидений, интерпретация, толкование.

Для цитаты:

Сергеев О.В. Актуальные проблемы теории литературных сновидений и методика их изучения на современном этапе [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Sergeev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040210

For citation:

Sergeev O.V. Actual problems of the theory of literary dreams and the methods of their study at the present stage [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Sergeev.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040210

Российским литературоведением проделана значительная работа по изучению места и роли "художественных сновидений" в судьбах персонажей и в структуре конкретных текстов. Проблема определения роли и места сновидений литературных персонажей по-прежнему остается актуальной и спорной. И. Ильин считал, что литературные сновидения сообщают особое измерение, "духовную глубину" литературным образам. Обратим внимание на то, что И. Ильин критиковал метод свободных ассоциаций: в интерпретации психологии и типологии литературных героев этот способ оказывается непродуктивным. На деле же — использовал он сам этот метод неоднократно. Например, в книге "О тьме и просветлении". И. Ильин связал видения героев с их фиктивными биографиями и судьбой автора. Метод "пристального чтения" ориентирован на установление роли статических психологических нюансов в развитии сюжета и линии жизни персонажа. Рассматривая прозу И. Бунина, И. Шмелева и А. Ремизова в книге "О тьме и просветлении", Ильин квалифицировал литературное сновидение как эффективный и эффектный прием. Он высказался вполне определенно: сновидения имеют автономную художественную ценность. Они связывают разные литературные тексты разных эпох в "грандиозное целое" [1].

В дореволюционной российской критике ярким событием была статья Д. В. Философова "Сны". Ее высоко оценили З. Гиппиус, А. Бенуа, М. Волошин. Философов уподобил сны газетной хронике: действительность, искаженная в зеркале прессы, подобна "ветхой ткани" снов [2]. Д. Философов выделил основные два качества сна: каузальность и фрагментарность. Ослабленная причинная связь образом сна и фактом из действительной жизни является привлекательной художественно-философской проблемой. Представители академической науки тоже выделяли сны из общего свода сочинений писателя. А Рыстенко, Н. Андреев, В. Марков, А. Бем, К. Мочульский показали связь сновидений с психическими травмами, пережитыми персонажами в прошлом, тем самым, упрочив место сновидений в повествовательной структуре произведения.

Многие видели зависимость русских писателей от З. Фрейда и К. Юнга. Н. Ульянов считал, что сон должен занимать скромное место в художественном творчестве. "За 250 лет, — писал он в своей книге "Свиток", — "сновидения не завоевали того места в литературе и искусстве, которое оно заняло за два десятилетия" на рубеже XIX и XX веков [3]. Эта "антисновидческая" точка зрения пересмотрена была Н. Ульяновым позднее.

По прошествии ста лет после опубликования "Толкования сновидений" Д.П. Брылев справедливо назвал книгу "эпохальным явлением", подчеркнув, что значение ее постоянно возрастает в связи с гуманитарными проблемами психологического анализа и философско-психологического изучения проблем состояния человеческой души в повседневной жизни и в конфликтных ("житейских" и литературных) ситуациях [4]. Проблема сновидений как одна из форм коллективного творческого сознания рассмотрена в двухтомной монографии болгарского фольклориста А. Анчева [5]. Р. Маслов считает, что сновидение является эффективным приемом в изучении души человека, определяющим фактором духовного роста персонажа [6]. Н. А. Кащей полагает, что и на данное время остается актуальной проблема изучения сновидений в качестве объектов бессознательного в мифах, легендах и художественных текстах. Однако он ограничивает сферу изучения "рамками вероятностной логики" [7].

Исследователи оценивали использование сна в художественном произведении как результат грубого "вмешательства" фольклора. Сновидения рассматривались и как влияние "лирики русской сказки" в художественную эпiku. Например, в работах Д.Н. Овсяннико-Куликовского и Н. Трубицына сопоставляются образы сна с видениями и снами из прбологов.

М.О. Гершензон, анализируя приемы использования снов на грани лирики и прозы, показал, что тонкие "сознательные перцепции" являются результатами проникновения в область "подсознательного разума" [8]. В. Боцяновский, рассматривая связи сновидений с фантастическим мышлением, указал на связь образов сновидений литературных персонажей с произведениями визуального искусства [9]. Для С. М. Козловой сновидение — одно из "наиболее загадочных явлений" русской литературы. Она представила наиболее спорный, с точки зрения достоверности, сон из комедии "Горе от ума" в контексте жизнеустротельной философии автора [10]. "Лирика сновидений" Фета была исследована как особенность авторского художественно-философского мышления в статье В. Н. Касаткиной [11].

Особенно интенсивно в 1990-е годы продолжает исследоваться проблема сновидений в романтической литературе. Н. Болдырев рассмотрел мотив и роль реальных сновидений в творческой биографии Новалиса. Исследователь считает, что сновидение особенно значимо для европейских романтиков, сосредоточивших свое внимание на проблемах самопознания.

Продолжается изучение мотивов сновидений в русской классической литературе. И. Владимиров рассмотрел генезис мотива сновидения в творчестве Пушкина [12], И. Джиганте — в ранней прозе Достоевского [13]. М. Вудфорт на материале ранней прозы Достоевского рассмотрел сновидения как часть "растущего" времени в мире Достоевского [14]. А. В. Матюшкин рассмотрел прозу Достоевского, его художественные тексты, которые содержат

сновидения, и показал роль пророческих снов-откровений в их связи с развитием русской идеи [15].

С. Ароньян называет "литературный сон" "художественно-психологическим детерминантом". Главная функция сна персонажа, по ее мнению, — регенеративная [16]. М. Карлова рассматривала вопросы соотношения иррациональных сил и индивидуального сознания. Сон в ее работе — "посредник между человеком и судьбой" [17]. Чешская исследовательница связывает подобные взгляды русских модернистов с влиянием Р. Штейнера. По ее мнению, композиции многих произведений русских авторов соответствуют не классическим канонам визуальных искусств, а представлениям о строении Вселенной, которые являются отражением не только актуализации современных естественнонаучных представлений, но реставрации архаико-символических воззрений. Штейнерианские воззрения на "круговращения" духовных сил "всего живого", определяют взгляды таких художников, как А. Белый, М. Волошин, А. Ремизов. Прозрачные границы между прошлым и "действительным" становится источником фантастики.

Сновидческие инсайты были предметом пристального интереса американских и израильских славистов. Ф. Левинсон рассматривает сновидения как сегменты цельного мировоззренческого контекста эпохи между двумя мировыми войнами [18]. Его интересует, насколько сильны связи между фрагментами снов. Он предложил рассматривать сон на грани "преломления жанра". Сновидение представлено как "взгляд изнутри" ("insight"- "outsight"). Как "художественная стратегема", считает Левинсон, сновидение не позволяет писателю оценить внешнюю действительность адекватно. Такие события, как война и революция в сновидениях выступают в искаженной форме. Восприятие социальных сломов проявляется только в сфере чувствований художника, который выступает в роли "внимательного наблюдателя" и "несчастной жертвы". Как таковой он обеспокоен больше личными психологическими и социальными проблемами.

На связь сновидений с взглядами Юнга указывали В. Террелл [19], М. Козьменко [20]. В Террелл считал, что русские писатели усложняют и без того сложную концепцию коллективно-бессознательного. Сновидения, как считает американский славист, добавляют "философско-поэтическому измерению" прозаического сюжета намного больше, чем "жизненная информация" [19, 236]. А. Козин (Б. Филиппов) представил интересные варианты историко-культурологических толкований сновидений "Взвихренной Руси" А. Ремизова.

Б. Матаморо в своей книге "Сон и творческая поэтика" утверждает, что сновидения — один из основных источников художественного творчества. Как таковой он имеет ценность и в самом факте реализации сновидения как художественного приема и самостоятельного текста [21].

Сборники реальных сновидений привлекали внимание не только представителей академической науки, но и профессиональных журнальных критиков. А. Кашин в своей статье "Про сны" рассмотрел модели таких сборников снов как "открытые повествовательной структуры" [22]. Рассматривая экзистенциальные мотивы, М. Козьменко указал на взаимосвязь мировоззрения и поэтики писателя, связав сновидения с основными бытийными проблемами [21, 30].

Сновидение как жанр привлекало критиков и писателей. А. Кондратьев, М. Зощенко рассматривали реальные и фиктивные сновидения, которые помогали сохранять душевное равновесие и физическое здоровье. Рационализация смысла сновидений как терапевтического акта рассматривалась и на стыке художественности и научности. В. Набоков в автобиографической книге "Другие берега" считал склонность к разного рода обманам чувств, в том числе и личное бессознательное стремление к долговременной фиксации сновидений, актуальной художественной проблемой. Отрицая Фрейда с его сексизмом и "средневековым мистицизмом", он склонен, как и другие "венские мистики" из числа молодых психологов, тщательным образом реконструировать сновидения для решения проблем прошлого. В своих лекциях по русской и за-

рубежной литературе он рассматривал сон в качестве важного преформирующего композиционный модуль. В предисловии к переводу лермонтовского "Героя нашего времени" Набоков представил компаративное исследование пятистрочного стихотворения "Сон" и указал на связь модуля сновидений с моделью романа. Как художник Набоков считал, что даже "самые ранние сны" являются важными фактами любой жизненной истории, реальной или фиктивной. Сновидения помогают в "розыске ключей" и "разгадок" разного рода тайн. Б. Бойд в биографии В. Набокова придавал особое значение сновидениям писателя, реальным и "литературным". Сновидения заняли в его биографическом исследовании место рядом с другими "психологическими фактами" [22].

Л. Динс в статье "Творческое воображение в "Творимой легенде" Федора Сологуба" показал, что не только творческий акт как феномен психической активности является предметом исследования, но и статичные сновидения героев представляют несомненную художественную ценность [23].

В. Чалмаев в статье "Молитвы и сны Алексея Ремизова" [24] рассмотрел сновидения как одну из наиболее сложных мировоззренческих структур творчества писателя. А. И. Михайлов в статье "О сновидениях в творчестве Алексея Ремизова и Николая Клюева" предложил "истолковывать сновидение как некий особый жанр". Михайлов рассматривает сновидения как "дополнение" к эмоциональному и сюжетному содержанию вымышленных и реальных историй, преломленных творческой фантазией художника [25, 103].

Специальное исследование снов в пяти романах Ремизова и в его рассказах предприняла С. Ароньян [26]. С. Ароньян показала связь образов подсознательного в творчестве Ремизова с традиционно христианскими символами и с психоаналитической символикой. Конструктивным представляется главный вывод: подсознательное образно компенсирует недостаток сознательной активности героев-сновидцев А. Ремизова.

Л. Евдокимова в диссертации о творчестве Федора Сологуба (1996) рассмотрела только наиболее яркие сновидения, связав их с универсальной мифопоэтической традицией. Несмотря на то, что сновидения выполняют в этом исследовании эпизодическую роль, общий подход представляется, несомненно, перспективным [27].

Н. А. Нагорная рассмотрела проблемы стиля писателя в связи с поэтикой сновидений [28]. В диссертации Е. В. Сергеевой, посвященной проблемам мировоззрения и поэтики прозы Федора Сологуба, сновидения рассмотрены как форма сакрального знания [29]. Е. Н. Корнилова рассмотрела мифологему сна как лейтмотив романа Новалиса "Генрих фон Офтендинген". Ценным в этом подходе представляется классификация значений мотивов сна, их генезис. Сон рассматривается как метафора жизни, как отдохновение. В этом смысле художественное сновидение противопоставляется мифологеме смерти как "вечного сна".

Перспективным и актуальным является направление в современной русистике, которое связано с изучением художественного своеобразия внутренних миров литературных персонажей. Один из аспектов многомерности человеческого микрокосма отражен в их сновидениях. М. Кац (Katz) в своей книге "Сны и подсознательное в русской литературе XIX века" (1984) рассмотрел "эстетические отношения" литературы и действительности. Его интересовало сочетание, доминанции, взаимовлияния сфер сознательного и подсознательного. Исследователь рассмотрел реальные житейские конфликты персонажей и психологические инсайты. Центральное место в исследовании занимает функционирование снов в русской литературе в контексте связей русской литературы и западной. Несмотря на значительность материала, в работе М. Каца принижена роль художников начала XX века. Автор выделяет только художественные сны В. Брюсова (рассказ "В башне") и роман А. Белого "Котик Летаев". Названные авторы, по мнению исследователя, открывают "новые экспериментальные поля" для работы со сном. Как считает М. Кац, сон "не исчез из литературы XX века": в рассказах Бунина, Бабеля, Набокова и Казакова, в романах Ремизова, Пастернака и Максимова,

литературные герои "продолжают спать" и видеть сны. Под снами М. Кац понимает "образные ночные видения". Но как психологический прием, как характеристика или повествовательная структура и тематическая мотивировка сон был вытеснен другими, интенсивными "инновативными техническими приемами" [30, 209]. В 2000-е годы тема сна была наименее релевантной, чем предыдущие периоды. Однако М. Павлова, один из наиболее авторитетных исследователей творчества Фёдора Сологуба, в первой отечественной научной биографии писателя выделяет из числа главных проблем тему сна. Из обильной источниковедческой текстологии по творчеству Сологуба, скопившейся до 2010-х годов, она выделила диссертацию О.В. Сергеева «Поэтика сновидений в прозе русских символистов. Валерий Брюсов и Федор Сологуб» (2001 г.)

Новым направлением в современной интеллектуально жизни становятся «интеллектуальные перформансы» Неслучайным представляется первое из них, — конец марта 2017 года «Лабиринты тайн: Сны». Содержание этого перформанса-представления — сновидения в литературе, культуре, жизни в интерпретации культуролога Е.А. Жаринова.

Возрождение интереса к проблеме сна со стороны психологов, философов, поэтов и прозаиков вызвано "комплексной реакцией" на европейский рационализм. В настоящее время актуальной является задача определения роли методов изучения реальных и художественных снов в контексте русской литературы рубежа веков как последнего классического периода русской литературы.

Методика изучения и систематизации способов художественного исследования сновидений, которые обнаружены в произведениях ведущих авторов конца XIX — начала XX веков, основана на акцентных проблемах поэтики сновидений. Методологический анализ основывается на методологических критериях и проблемах, связанных с необходимостью решения следующих задач: 1) как литературные сновидения помогают познать мир произведения; 2) каковы функции сновидения в повествовательной структуре художественных произведений; 3) в какой мере сновидения выражают индивидуальные авторские темы в той или иной композиции.

Литература

1. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев. — Мюнхен, 1959. — С. 79-131
2. Философов Д.В. Сны // Философов Д.В. Старое и новое. — М.: Издательство т-ва И.Д.Сытина, 1912. — С. 22-28.
3. Ульянов Н. Свиток. — Нью Хэвен, 1972. — С. 51.
4. Брылев, Д.П. К 100-летию выхода книги З.Фрейда "Толкование сновидений" // Вопр. психологии. — М., 2000. — № 1. - С. 154-155
5. Анчев А. Фолклор и сънища. - София, 1998. - 259 с.
6. Маслов Р. Символика сновидений как инструмент исследования психики человека // Бытие и познание. - Саратов, 1999. - С. 22-27.
7. Кащей Н. А. Вероятность и смысл // Вестник Новгород. государственного университета им. Ярослава Мудрого. — Новгород, 1999. — № 12. — С. 33-37.
8. Гершензон М.О. Сны Пушкина // Статьи о Пушкине. — Л., 1926.
9. Козлова С. М. Миростроительная функция сна и сновидения в комедии "Горе от ума" // А.С. Грибоедов: Хмелитский сборник. — Смоленск, 1998. — С. 94-122
10. Касаткина В. Н. Лирика сновидений А.А. Фета // А.А. Фет. Поэт и мыслитель. — М., 1999. — С. 69-81
11. Болдырев Н. Жизнь как сновидение // Шульц Г. Новалис. — Челябинск, 1998. — С. 314-325

Сергеев О.В.

Актуальные проблемы теории литературных сновидений
и методика их изучения на современном этапе

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 82-89.

doi: 10.17759/langt.2017040210

Sergeev O.V.

Actual problems of the theory of literary
dreams and the methods of their study at
the present stage

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no. 2, pp. 82-89.

doi: 10.17759/langt.2017040210

12. *Владимиров И.* Сонное царство // Литературная Россия. — М., 1998. — № 41. — С. 15.
13. *Д. Джиганте.* "Сновидения в "Хозяйке" Достоевского // Достоевский и современность. — Старая Русса, 1998. — С. 40-52
14. *Вудфорд М.* Сновидения в мире Достоевского // Достоевский и мировая культура. - М., 1999. — № 12. — С. 135-144
15. *Матюшкин А.* Христос и русская идея в "Дневнике писателя" Ф.М. Достоевского: Два откровения божественной истины // Достоевский и современность. — Старая Русса, 1998. — С. 97-102
16. *Карлова Милена.* Осуд и сон писателя // Русская литература в эмиграции. — Питтсбург, 1972. — С. 191-197.
17. *Levinson F.* Remizov in the Retrospective mode. — Harvard, 1977. — P. 22.
18. *Terrell V.* Fantastic elements in the narrative structure of "Подстриженными глазами" // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1986. — Vol. 19. P. 227-237.
19. *Козьменко М.В.* Бытие и время Алексея Ремизова // Ремизов А.М. Повести и рассказы. — М.: Художественная литература, 1990. — С. 3-12.
20. *Matamoro B.* Sueno y creacion poetica // Cuadernos hispanoamer. — Madrid, 1997. — № 569. — P. 15-21
21. Филологические науки. — М., 1982. — № 1. — С. 24-30.
22. *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The Russian years. — Lnd.: Vintage. — 1990 (index).
23. *Diens L.* Creative imagination in Fedor Sologub's "Tvorimaja legenda" // Die Welt der Slaven, Jahrgang, XXIII, 1, N. F. II, S. 176-186
24. *Ремизов А.М.* Огонь вещей. — М.: Советская Россия, 1989. — С. 5-34.
25. *Михайлов А. И.* О сновидениях в творчестве Алексея Ремизова и Николая Клюева. — Алексей Ремизов. Материалы и исследования. — СПб.: Издательство Дм. Буланина, 1994. — С. 89-104.
26. *S. Aronjan.* The dream as a literary device in the novels and short stories of Aleksey Remizov. *The hidden determinant.* — Yale, 1971. — 270 p.
27. *Нагорная Н. А.* Поэтика сновидений и стиль прозы А. М. Ремизова. — Барнаул, 1997.
28. *Сергеева Е. В.* проблемы мировоззрения и поэтика прозы Ф. К. Сологуба. Художественная космогония романов "Мелкий бес" и "Творимая легенда". — Магнитогорск, 1998.
29. *Корнилова Е. Н.* Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие. — 2001. — С. 162.
30. *Katz M. R.* Dreams and the unconscious in XIX century Russian fiction. — Hanover, 1984. — 380 p.

Actual problems of the theory of literary dreams and the methods of their study at the present stage

Sergeev O.V.,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Classical Literature, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, Oleg1405@yandex.ru

In the work classical methods of interpretation of dreams are considered. The article gives examples from theoretical literary and pedagogical works of Russian humanitarian thought. The range of points of view is wide enough for a brief study: philosophy, literary history, literary psychoanalysis. The importance of national methodical thought is especially significant in comparison with the works of leading researchers of modern science. An attempt is made to comprehend the boundaries of the study of dreams in literature and to determine the prospects for the scientific comprehension of the artistic imagery of dreams on the example of the last period of Russian classical literature.

Key Words: History of culture, history of literature, methodology of literature, theory of literature, theory of dreams, interpretation, interpretation.

References

1. *Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii: Kniga hudozhestvennoj kritiki. Bunin — Remizov — SHmelev. — Myunhen, 1959. — S. 79-131*
2. *Filosofov D.V. Sny // Filosofov D.V. Staroe i novoe. — M.: Izdatel'stvo t-va I.D.Sytina, 1912. — S. 22-28.*
3. *Ul'yanov N. Svitok. — N'yu Hehven, 1972. — S. 51.*
4. *Brylev, D.P. K 100-letiyu vyhoda knigi Z.Frejda "Tolkovanie snovidenij" // Vopr. psihologii. — M., 2000. — № 1. - S. 154-155*
5. *Anchev A. Folklor i s"nishcha. - Sofiya, 1998. - 259 s.*
6. *Maslov R. Simvolika snovidenij kak instrument issledovaniya psihiki cheloveka // Bytie i poznanie. - Saratov, 1999. - S. 22-27.*
7. *Kashchej N. A. Veroyatnost' i smysl // Vestnik Novgorod. gosudarstvennogo universiteta im. YAroslava Mudrogo. — Novgorod, 1999. — № 12. — S. 33-37.*
8. *Gershenson M.O. Sny Pushkina // Stat'i o Pushkine. — L., 1926.*
9. *Kozlova S. M. Mirostroitel'naya funkciya sna i snovideniya v komedii "Gore ot uma" // A.S. Griboedov: Hmelitskij sbornik. — Smolensk, 1998. — S. 94-122*
10. *Kasatkina V. N. Lirika snovidenij A.A. Feta // A.A. Fet. Poeht i myslitel'. — M., 1999. — S. 69-81*
11. *Boldyrev N. ZHizn' kak snovidenie // SHul'c G. Novalis. — CHelyabinsk, 1998. — S. 314-325*
12. *Vladimirov I. Sonnoe carstvo // Literaturnaya Rossiya. — M., 1998. — № 41. — S. 15.*
13. *D. Dzhigante. "Snovideniya v "Hozyajke" Dostoevskogo // Dostoevskij i sovremennost'. — Staraya Russa, 1998. — S. 40-52*
14. *Vudford M. Snovideniya v mire Dostoevskogo // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. - M., 1999. — № 12. — S. 135-144*

Сергеев О.В.

Актуальные проблемы теории литературных сновидений
и методика их изучения на современном этапе

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 82-89.

doi: 10.17759/langt.2017040210

Sergeev O.V.

Actual problems of the theory of literary
dreams and the methods of their study at
the present stage

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no. 2, pp. 82-89.

doi: 10.17759/langt.2017040210

15. *Matyushkin A.* Hristos i russkaya ideya v "Dnevnikе pisatelya" F.M. Dostoevskogo: Dva otkroveniya bozhestvennoj istiny // Dostoevskij i sovremennost'. — Staraya Russa, 1998. — S. 97-102
16. *Karlova Milena.* Osud i son pisatelya // Russkaya literatura v ehмиграции. — Pittsburg, 1972. — S. 191-197.
17. *Levinson F.* Remizov in the Retrospective mode. — Harvard, 1977. — P. 22.
18. *Terrell V.* Fantastic elements in the narrative structure of "Podstrizhennymi glazami" // Russian Literature Triquarterly. — Ann Arbor, 1986. — Vol. 19. P. 227-237.
19. *Koz'menko M.V.* Bytie i vremya Alekseya Remizova // Remizov A.M. Povesti i rasskazy. — M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. — S. 3-12.
20. *Matamoro B.* Sueno y creacion poetica // Cuadernos hispanoamer. — Madrid, 1997. — № 569. — P. 15-21
21. Filologicheskie nauki. — M., 1982. — № 1. — S. 24-30.
22. *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The Russian years. — Lnd.: Vintage. — 1990 (index).
23. *Diens L.* Creative imagination in Fedor Sologub's "Tvorimaya legenda" // Die Welt der Slaven, Jahrgang, HXIII, 1, N. F. II, S. 176-186
24. *Remizov A.M.* Ogon' veshchej. — M.: Sovetskaya Rossiya, 1989. — S. 5-34.
25. *Mihajlov A. I.* O snovideniyah v tvorchestve Alekseya Remizova i Nikolaya Klyueva. — Aleksej Remizov. Materialy i issledovaniya. — SPb.: Izdatel'stvo Dm. Bulanina, 1994. — S. 89-104.
26. *S. Aronjan.* The dream as a literary device in the novels and short stories of Aleksey Remizov. The hidden determinant. — Yale, 1971. — 270 p.
27. *Nagornaya N. A.* Poehtika snovidenij i stil' prozy A. M. Remizova. — Barnaul, 1997.
28. *Sergeeva E. V.* problemy mirovozzreniya i poehtika prozy F. K. Sologuba. Hudozhestvennaya kosmogoniya romanov "Melkij bes" i "Tvorimaya legenda". — Magnitogorsk, 1998.
29. *Kornilova E. N.* Mifologicheskoe soznanie i mifopoehtika zapadnoevropejskogo romantizma. — M.: IMLI RAN, Nasledie. — 2001. — S. 162.
30. *Katz M. R.* Dreams and the unconscious in XIX century Russian fiction. — Hanover, 1984. — 380 p.